

Зарубежная

фантастика

Фред Хайл, Джон Эллиот АНДРОМЕДА

Научно-фантастический
роман

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

Fred Hoyle, John Elliot
ANDROMEDA

Transworld Publishers
London 1962

Зарубежная

фантастика

Фред Хайл, Джон Эллиот

АНДРОМЕДА

Научно-
фантастический роман

Издание второе, стереотипное

Перевод с английского
Г.С. Хромова

Scan&OCR by [3aH3ибар](#)

Released by group
18 March 2010

МОСКВА «МИР» 1991

ББК 84.4Вл
X70

Хойл Ф., Эллиот Дж.

X70 Андромеда: Науч.-фантаст. роман: 2-е изд., стереотип./Пер. с англ. Г.С. Хромова. – М.: Мир, 1991. – 337 с. – (Заруб. фантаст.)
ISBN 5-03-002781-5

Научно-фантастический роман крупного английского астрофизика и известного писателя-фантаста Фреда Хойла и Дж. Эллиота, посвященный контакту с внеземными цивилизациями.

X 4703010100 – 030 без объявл.
041(01) – 91

ББК 84.4Вл

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемый советскому читателю научно-фантастический роман «Андромеда» Ф. Хойла и Дж. Эллиота, созданный на основе телесценария и вышедший в Англии в 1962 году, не совсем обычен: один из его авторов, Фред Хойл, – всемирно известный астрофизик-теоретик, автор многих выдающихся трудов в самых различных областях этой увлекательной науки. Особенно велики заслуги члена Королевского общества профессора Хойла в области космогонии – науки о происхождении и развитии планет, звезд, галактик.

Отличительной особенностью научного творчества Хойла является глубокое проникновение в физическую сущность проблем; кроме того, профессор Хойл виртуозно владеет математическим аппаратом современной астрофизики.

Напряженно и плодотворно работая на переднем крае науки, профессор Хойл находит время для того, чтобы писать научно-фантастические романы. Его перу принадлежит очень интересный и своеобразный роман «Черное облако». Кипучая натура Хойла иногда находит выход в довольно неожиданных действиях: он написал... либретто современной оперы, которая была поставлена и даже имела успех!

Стоит, пожалуй, задуматься над этой стороной деятельности выдающегося английского ученого. К сожалению, такого рода активность деятеля науки часто вызывает если и не откровенное порицание, то иронические усмешки, пожимание плечами, разговоры насчет «поисков дешевой популярности» и т. п. Пример Хойла наглядно демонстрирует ту истину, что научному авторитету и репутации не вредит литературная работа.

Ученый, который берется за тяжелый и, увы, неблагодарный труд писателя-фантаста, неизбежно привносит в литературное произведение нечто такое, чего от писателя-профессионала ожидать не приходится. Зачастую это проявляется в мелочах, в отдельных ремарках, характеристиках. Здесь нет той досадной

«клюквы», которая слишком часто «украшает» обычные научно-фантастические произведения, особенно когда описываются будни людей науки. В этом отношении роман «Андромеда» служит примером того, как можно объединить науку с фантастикой.

С исключительным знанием дела и мастерством в подборе деталей в романе показано, как в современной капиталистической стране милитаризм душит науку, используя все ее достижения в своих интересах. С большим чувством юмора и тонким сарказмом изображены солдафонская тупость и наглость подлинного хозяина английского кабинета министров – заокеанского генерала Ванденберга. Очень типична фигура Джирса, бывшего ученого, который продал душу военщине и стал крупным администратором. Мастерски и вполне реалистически обрисованы сложные взаимоотношения героев, довольно искусно вылеплены их характеры. Ну, а что касается сюжета... Автор этого предисловия никогда не понимал, для чего в большинстве предисловий излагается «своими словами» содержание произведения. Ведь хорошо известно, что такие предисловия в лучшем случае читаются как послесловия, особенно когда сюжет достаточно остр и запутан. Не будем же следовать дурным примерам.

И. Шкловский

ГЛАВА I

Блеклое небо уже начало меркнуть, когда они подъехали к Болдершоу-Фелл. Служебная машина, мягко свернув с шоссе, пересекала вересковую пустошь, и Джуди, сидевшая на заднем сиденье рядом с профессором, принялась с надеждой осматривать окрестности. Однако они смогли увидеть радиотелескоп, только когда достигли самого гребня холма.

Внезапно он вырос прямо перед ними – три огромные опоры, соединенные вверху наподобие гигантского треножника, темные, четко рисующиеся на фоне заката. Внизу, между основаниями опор, зияла бетонная чаша размером с арену стадиона, а над ней, поддерживаемая треножником, висела опрокинутая чаша поменьше, нацеленная на длинное металлическое полотно. На первый взгляд это сооружение не казалось особенно большим и лишь как-то странно не вязалось с окружающим пейзажем. Но когда машина подъехала и остановилась возле одной из опор, Джуди вдруг осознала, какое оно огромное. Ничего подобного она еще не видела: гигантское сооружение было удивительно цельным и гармоничным, словно статуя.

И все же, несмотря на необычность этой высокой, уходящей в небо конструкции, в ней не было ничего зловещего, ничего предвещавшего те необыкновенные и трагические события, которые должны были произойти.

Выйдя из машины, Джуди и профессор остановились на минуту; теплый, ароматный воздух освежил им лицо и грудь. Запрокинув головы, они смотрели на три огромные опоры, на металлический отражатель, поблескивающий в вышине, на тусклое небо над ним. На голой вершине поросшего вереском холма, огороженного проволочной сеткой, было разбросано несколько приземистых зданий и небольших антенн. Не было слышно ни звука, только шелест ветра в стальных перепле-

тениях опор да свист кроншнепов, и они почти почувствовали, как огромное ухо из металла и бетона, лежавшее у их ног, напрягается, прислушиваясь к звездам.

Затем Джуди пошла за профессором к главному зданию – низкому, облицованному камнем строению с еще не законченным подъездом, к которому вела только что забетонированная дорога. Рабочие устанавливали столбы для ворот, указатели и красили их. Все казалось очень новым и ярким на сумеречном фоне темного холма.

– Там у нас вспомогательные службы, – сказал профессор, изящно поведя рукой. – А здесь находится главный пункт управления.

Профессору было за шестьдесят. Маленьского роста, тщательно одетый и какой-то уютный, он походил на домашнего доктора.

– Ваш телескоп совсем крошка, – сказала Джуди.

– Крошка? Ну, в таком случае это самая большая крошка из всех, кому я прихожусь отцом. Десять лет работы!

Он улыбнулся ей, и его черные ботиночки легко застучали по ступенькам крыльца.

Вестибюль был еще не закончен, но казался очень знакомым: обычные перфорированные панели на потолке, обычный паркетный пол, крашеные кирпичные стены и люминесцентное освещение. Настенный телефон и фонтанчик для питья, две небольшие двери в боковых стенах, двустворчатая дверь прямо напротив входа – и все. Из-за двери доносилось слабое шипение. Профессор приоткрыл ее, и звук стал громче. Он напоминал треск помех в радиоприемнике.

Когда они уже собирались войти, в дверях появился человек в коричневой спецовке лаборанта. Его глаза на мгновение встретились с глазами Джуди, но, едва она открыла рот, он отвернулся.

– Добрый вечер, Харрис, – сказал профессор.

Комната, в которую они вошли, была пунктом управления – центром обсерватории. В дальнем конце ее находилось смотро-

вое окно, за которым виднелся гигантский радиотелескоп, а перед окном помещался массивный металлический пульт, напоминавший кафедру органа, всю усеянную рядами клавиш, сигнальных лампочек и переключателей. У пульта работали несколько молодых людей; время от времени они подходили к двум вычислительным машинам, расположенным в высоких металлических шкафах по обе стороны от пульта. Одна стена комнаты была увешана большими фотографиями звезд и туманностей, полученными с помощью оптических телескопов. Две трети другой стены занимала стеклянная перегородка; сквозь нее были видны другие молодые люди, которые хлопотали у каких-то приборов во внутренней комнате.

— Церемония открытия будет здесь, — сказал профессор Рейнхарт.

— А где тут министр разобьет бутылку с шампанским или перережет ленточку, ну, словом, сделает то, что полагается в подобных случаях?

— У пульта. Он нажмет кнопку, чтобы включить пульт.

— А телескоп еще не работает?

— Нет. Мы сейчас проводим проверочные испытания.

Джуди стояла у двери, изучая открывшуюся ей картину. Она принадлежала к той категории привлекательных молодых женщин, которых называют скорее красивыми, чем просто хорошенъими. У нее было свежее, живое и умное лицо, немногого крупные руки и синие глаза, очень уверенная, но несколько угловатая манера держаться. Джуди можно было бы принять за медицинскую сестру, или за офицера женского вспомогательного корпуса, или просто за выпускницу школы с хорошими спортивными традициями. Под мышкой она держала пачку научных статей и брошюры, которые теперь принялась просматривать, как будто они могли объяснить ей то, что она видит.

— Это самый большой в мире радиотелескоп. — Профессор со счастливой улыбкой обвел взглядом комнату. — Он, разумеется, не так велик, как некоторые интерферометры, но зато им можно управлять. Изменяя положение фокуса главного зеркала,

с помощью вспомогательного отражателя наверху вы можете следить за движением источника по небу.

— Я здесь прочла, — Джуди похлопала по своим брошюрам, — что и другие радиотелескопы работают таким же образом.

— Да. Такие радиотелескопы были уже в 1960-м, когда мы начали строить этот, то есть несколько лет назад. Но наш чувствительнее.

— Потому что он больше?

— Не только. Еще и потому, что у нас приемная аппаратура получше. Она должна обеспечить большее отношение сигнала к шуму. Все это размещается вон там.

И профессор показал изящным пальчиком на стеклянную перегородку.

— Видите ли, все, что вы получаете от большинства источников космического радиоизлучения, — это лишь очень слабый электромагнитный сигнал, к тому же смешанный со всевозможными шумами от атмосферы, от межзвездного газа, и одному небу известно, от чего еще.

Он говорил тенорком, точно и сдержанно излагая факты; так мог бы говорить врач, обсуждающий причины простуды. Чувство гордости за сделанное, богатство воображения — все было тщательно замаскировано.

— И вы можете услышать такие слабые источники, каких никто не слышит? — спросила Джуди.

— Надеюсь, что да. Во всяком случае, для этого он и построен. Но не спрашивайте меня о подробностях: здесь есть люди, которые непосредственно разрабатывали аппаратуру. — Он скромно потупил взор, рассматривая свои ботиночки. — Доктор Флеминг и доктор Бриджер.

— Бриджер? — Джуди бросила на него быстрый взгляд.

— Ну, настоящая голова — это Флеминг, Джон Флеминг. — И он вежливо позвал, обращаясь к кому-то в комнате: — Джо-он!

Один из молодых людей от пульта управления направился к ним.

— Привет! — сказал он, обращаясь к профессору и не удостоив Джуди даже взглядом.

— Отзовитесь-ка на минутку, Джон. Познакомьтесь: доктор Флеминг — мисс Адамсон.

Молодой человек мельком взглянул на Джуди, а затем крикнул в сторону пульта:

— Эй, приверните этот проклятый треск!

— А что это такое? — спросила Джуди. Разряды перешли в слабое шипение. Молодой человек пожал плечами.

— В основном космический шум. Вселенная полна электрически заряженной материей. Мы улавливаем электромагнитное излучение этих зарядов, которое воспринимается как шум.

— Так сказать, музыкальное сопровождение Вселенной, — добавил Рейнхарт.

— Приберегите это для Джэко и его газетчиков, профессор, — дружелюбно-презрительным тоном сказал молодой человек.

— Джэко не вернется сюда.

Флеминг, казалось, слегка удивился, а Джуди нахмурилась, словно что-то упустила.

— Кто-кто? — спросила она профессора.

— Джексон, ваш предшественник, — он повернулся к Флемингу. — Мисс Адамсон — наш новый уполномоченный по связи с прессой.

Флеминг посмотрел на нее без всякой симпатии.

— Ну что ж, не один, так другой... Значит, теперь вам достанутся сферы Джэко?

— А что это такое?

— Скоро сами узнаете, милая барышня.

— Я хочу, чтобы мисс Адамсон познакомилась с обстановкой к четвергу, к церемонии открытия, — сказал профессор. — Ей же придется взять на себя прессу.

Лицо у Флеминга было умное, угрюмое, скорее озабоченное, чем мрачное; выглядел он усталым и злым. Он проворчал:

— Ну да, церемония открытия! Загорятся разноцветные индикаторные лампочки! Звезды в небесах будут распевать «Правь, Британия...» А я уйду в пивную.

— Надеюсь, вы все же будете здесь, Джон, — в голосе профессора послышалось легкое раздражение. — А пока не покажете ли вы мисс Адамсон наше хозяйство?

— Но, может быть, вы заняты? — неприязненно сказала Джуди. Флеминг впервые взглянул на нее с некоторым интересом.

— А вы вообще что-нибудь знаете об этом?

— Пока очень мало, — она похлопала по своим брошюрам. — Я полагаюсь на них.

Флеминг со скучающим видом повернулся и широким жестом обвел помещение.

— Леди и джентльмены, это самый большой и самый новый радиотелескоп в мире; чтобы не сказать — самый дорогой. Он дает в пятнадцать-двадцать раз большее угловое разрешение, чем любой из существующих инструментов этого типа, и является, конечно, чудеснейшим достижением британской науки. Чтобы не сказать — техники. Отражатель, — он указал на окно, сделан подвижным, чтобы можно было следить за небесным телом при его суточном движении. Ну как, теперь вы уже можете ответить на любой их вопрос, правда?

— Благодарю вас, — холодно ответила Джуди и взглянула на профессора, но тот и бровью не повел.

— Извините, что мы оторвали вас, Джон, — сказал он.

Профессор вновь обратился к Джуди заботливым и доброжелательным тоном лечащего врача:

— Я сам покажу вам все.

— Значит, вы хотите, чтобы в четверг он заработал? — спросил Флеминг. — Для его министерского сиятельства?

— Да, Джон. Так все будет в порядке?

— С виду-то будет. Этот надутый дурак все равно не поймет, работает он или нет. Да и газетчики тоже.

— Мне бы хотелось, чтобы все работало.

— Ну, ладно.

Флеминг повернулся и пошел к пульту. Джуди ожидала, что профессор вспылит или по крайней мере возмутится, но он

лишь кивнул головой, словно подтверждал поставленный диагноз.

— Таких молодых людей, как Джон, нельзя торопить и держать. Вы можете ждать от них хорошей идеи многие месяцы. Даже годы. Но это оправдано, если идея хороша, а у Флеминга обычно так и получается. — Профессор задумчиво смотрел на удаляющегося Флеминга, неряшливо и неопрятно одетого, с взлохмаченной шевелюрой. — Мы зависим от этого молодца. Джон сконструировал всю низкотемпературную аппаратуру, основную часть приемников. Он и Бриджер. Но это не моя специальность. Где-то там у вас есть краткие сведения, — и он рассеянно указал на пачку бумаг в руках Джуди. — Боюсь только, что мы его немного заездили.

Райнхарт вздохнул и повел Джуди осматривать здание. Он показывал ей развешанные по стенам фотографии ночного неба и называл сильные источники радиоизлучения — эти основные инструменты в оркестре Вселенной. Он рассказывал ей, с какими оптическими объектами они отождествляются. — Вот это, — объяснил он, указывая на фотографию, — отнюдь не звезда, а целых две взаимодействующие галактики. А там — звезды в процессе взрыва.

— А это?

— Это большая туманность в созвездии Андромеды. Мы называем ее М-31, совсем как автотрассу.

— Она расположена прямо в созвездии Андромеды?

— О нет, несравненно дальше. Это же целая галактика! Ведь все очень просто, не правда ли?

Джуди посмотрела на белую спираль из звезд и кивнула.

— Вы принимаете ее радиоизлучение?

— Да, как шипение, вроде того, что вы слышали.

У стены стояла сфера из оргстекла, в центре которой находился небольшой черный шар, окруженный множеством белых шариков, похожих на электроны в физической модели атома.

— Сфера Джэко! — профессор усмехнулся. — Или «погремушка Джэко», как это здесь называют. Все то, что сейчас вращается на околоземных орbitах. Эти белые шарики — спутники,

баллистические ракеты и тому подобное. Одним словом, железный лом. А в середине – Земля.

Профессор изящно махнул рукой.

– Собственно говоря, эта штука устроена для отвода глаз. Джеко считал, что она может заинтересовать наших высокопоставленных посетителей. Нам, конечно, приходится следить за тем, что происходит около Земли, но для этого не стоило создавать подобную машину. Видите ли, таково требование военного ведомства, а мы не можем получить необходимые нам деньги, если не пристроимся к оборонному бюджету. – Последнее он сказал тоном озорного мальчишки, гордящегося своей шалостью. Блеснув наманикюренными ногтями, он обвел рукой комнату и указал на огромное сооружение за окном:

– Это обошлось в двадцать пять миллионов или даже больше.

– Значит, в этом заинтересованы и военные?

– Да, но подчинено все это мне, вернее, министерству науки, а не вашему ведомству.

– Но я же сейчас в вашем штате.

– Не по моему приглашению. – Тон профессора стал сдержаным. Он не был так сдержан, даже когда Флеминг ему нагрубил. Но ведь Флеминг-то был свой.

– Кому-нибудь еще известно, зачем я здесь? – спросила Джуди.

– Я никому не говорил.

Рейнхарт поспешил переменить тему разговора и увел Джуди в другую комнату, где начал объяснять устройство приемной аппаратуры и вспомогательного оборудования.

– Мы только звено в цепи обсерваторий, опоясывающих земной шар, хотя отнюдь не самое слабое звено. – Он с явным удовольствием обвел взглядом распределительные щиты, переплетения кабелей и проводов, стойки с аппаратурой. – Я не чувствовал себя старым, когда мы принимались за все это, а вот теперь чувствую. Представьте, что у вас возникает некая научная идея и вы думаете: «Вот чем следует заняться», и это вам

кажется просто следующим шагом. Даже, может быть, и шагом-то незначительным. Но вот начинается: проектирование, изыскания, комитеты, строительство, политика... Час вашей жизни здесь – и месяц там. Что ж, будем надеяться, что все это заработает. А, вот и Уэлен! Он тут во всем разбирается.

Джуди была представлена бледному молодому человеку с австралийским выговором; он вцепился в ее руку, как в нечто потерянное и обретенное вновь.

– По-моему, мы с вами где-то встречались.

– Боюсь, что нет. – Ее синие глаза были сама искренность.

Но Уэлен стоял на своем.

– Ну конечно, встречались!

Она заколебалась и растерянно оглянулась. В другом конце комнаты стоял Харрис, лаборант, и, когда их взгляды встретились, он чуть заметно покачал головой. Она снова повернулась к Уэлену:

– Боюсь, что вы все-таки ошибаетесь.

– Может быть, в Вумера...

Но тут профессор увел ее к пульту управления.

– Как его фамилия? – спросила Джуди.

– Уэлен.

Она сделала пометку в записной книжке. Группа у пульта успела разойтись. Остался лишь один молодой человек; он сидел в кресле дежурного инженера и проверял работу отдельных секций пульта. Профессор подвел Джуди к нему.

– Здравствуйте, Харви!

Молодой человек поднял голову и привстал.

– Добрый вечер, профессор Рейнхарт! – Ну, этот по крайней мере был вежлив. Джуди посмотрела в окно на огромную конструкцию, на пустынное поле и темно-лиловое мрачное небо.

– Вы знаете, по какому принципу работает эта штука? – спросил ее Харви. – Радиоизлучение от неба попадает в большую чашу, затем отражается на антенне, поступает в приемник и регистрируется специальными устройствами вон там, – он показал на стеклянную перегородку. Джуди не стала оборачиваться.

ваться из опасения встретить взгляд Уэлена, но Харви, ревностно и бесстрастно выполнивший обязанности экскурсовода, уже говорил о другом. – Эта счетная машина вырабатывает азимут и угол места источника, на который нужно навести телескоп, и обеспечивает слежение за ним. Вот блоки сервопривода...

В конце концов Джуди удалось выскользнуть в холл и на минуту оказаться с Харрисом наедине.

– Уэлена надо убрать отсюда, – сказала она.

Когда, оставив вещи в гостинице, Джуди поехала в обсерваторию, она очень слабо представляла себе, что ее здесь ожидает. В качестве офицера службы безопасности ей приходилось и раньше бывать и работать на многих особых объектах от Филингдейлса до острова Рождества. Она прекрасно знала, что Уэлен видел ее на ракетном полигоне в Австралии. А с Харрисом она работала во время командировки в Молверн. Она никогда не представляла себя в роли шпиона, и мысль о слежке за собственными коллегами была ей крайне неприятна. Но министерство внутренних дел затребовало ее, или, вернее, кого-то, для перевода из армейской службы безопасности в министерство науки. Ну, а назначение есть назначение. Прежде люди, с которыми она работала, всегда знали, кто она, а она видела свой долг в том, чтобы охранять их. На этот раз были на подозрении именно те, с кем ей предстояло работать; ее приставили шпионить за ними под видом уполномоченного по связи с прессой, который может всюду совать свой нос и задавать вопросы, не вызывая подозрений. Рейнхарт все это знал и не одобрял. Да ей и самой было противно. Но задание есть задание, а это к тому же, как ей сказали, было очень важным.

Джуди легко было сыграть свою роль: она выглядела такой искренней, такой бесхитростной и компанейской. Ей достаточно было только тихо сидеть, слушать и мотать на ус. Но вот люди, с которыми она познакомилась здесь, неожиданно привели ее в смущение. У них был собственный мир, собственные моральные нормы. Кто она такая, чтобы судить их или даже быть

причастной к суду над ними? И, когда Харрис кивнул и с безразличным видом отправился выполнять ее поручение, она вдруг почувствовала презрение и к нему, и к себе.

Профессор вскоре уехал и поручил ее заботам Джона Флеминга.

— Может быть, вы подвезете ее до «Льва», Джон, когда поедете в Болдершоу? Она остановилась там, — пояснил Рейнхарт.

Они вышли на крыльцо проводить его.

— Он очень милый, — сказала Джуди. Флеминг хмыкнул.

— Мягко стелет...

Он извлек из заднего кармана флягу и отхлебнул из нее. Затем протянул Джуди. Когда она отказалась, он приложился еще раз. Джуди смотрела, как он стоит под фонарем, запрокинув голову, и его кадык двигается в такт глоткам. В нем чувствовалась отчаянная напряженность; может быть, как сказал Рейнхарт, его действительно заездили? Но было и другое — в нем как будто непрерывно работала динамомашина, заряжая его внутренней энергией.

— В кегли играете? — Флеминг, казалось, позабыл о своем прежнем безразличии. Может быть, на него подействовало содержимое фляги. — В Болдершоу есть приличная площадка. Не хотите ли присоединиться к нашим забавам?

Она колебалась.

— Да ну же, соглашайтесь! Я не собираюсь оставлять вас на растерзание этим полуумным астрономам!

— А разве вы сами не астроном?

— Ну что вы! Криоген, счетные машины — вот моя настоящая специальность, а не эти сказочки про звездочки.

Они направились к маленькому бетонному пятаку, где стояла машина Флеминга. На верхушке радиотелескопа горел красный сигнальный огонь, и в темном небе за ним уже загорались звезды. Некоторые из них просвечивали сквозь переплетения опор, как будто человек уже поймал их в сеть. Когда Флеминг с Джуди подошли к машине, он обернулся и посмотрел вверх.

— Знаете, я вот все думаю, — сказал он спокойно и совсем мирно, без следа былой агрессивности. — Я думаю, что мы находимся на грани решающего скачка в физике.

Он начал снимать брезентовый тент своего маленького спортивного автомобиля. Джуди зашла с другой стороны.

Давайте я помогу вам, — предложила она, но Флеминг, казалось, не слышал ее слов.

— В один прекрасный момент мы где-то прорвем границы наших знаний и — ж-жах! — выскочим наружу. Прямо в новые пределы. И это может произойти здесь благодаря вон той штуке, — он запихнул брезент за сиденье. — «Философия начертана на страницах огромной книги, которая всегда открыта нашим взорам. Я говорю о Вселенной». Кто сказал это?

— Черчилль?

— Черчилль! — он расхохотался. — Галилей! «И написана она на языке математики» — вот что сказал Галилей. Не пригодится ли вам для репортёров?

Джуди смотрела на него, не зная, как к этому отнестись. Он распахнул дверцу. Поехали!

С холма, где была расположена обсерватория, дорога спускалась в одну сторону к Ланкаширу, а в другую — к Йоркширу. Они свернули в сторону Йоркшира, поехали по долине, где через каждые несколько миль темнели над речкой высокие старые кирпичные фабрики, и наконец добрались до Болдершоу. Флеминг ехал быстрее, чем следовало бы, и ворчал:

— Они у меня вот где сидят... Да пропади она пропадом, эта церемония открытия, с министром вместе!.. Наш старик потеет над списком почетных гостей, а министерство тем временем собирает все, к чему можно было бы придраться и прицепиться. А ведь на самом деле это обычновенный инструмент для научных исследований. Но только потому, что он большой и стоит бешеных денег, он становится общественной собственностью! Я не виню старика. Он влип в это дело, надавал обещаний, и теперь ему придется выдавать результаты.

— Ну, а разве их не будет?

- А черт их знает.
- А я думала, что это ваша аппаратура.
- Моя и Денисса Бриджера.
- А где доктор Бриджер?
- Там, на площадке. Надеюсь, он уже занял дорожку. И ждет нас с флягой.
- Но ведь у вас уже есть одна фляга.
- Подумаешь – одна! Здешние места засушливы.

Пока машина петляла по темной, извилистой дороге, он рассказывал ей о Бриджере и о себе. Оба они учились в Бирмингемском университете, а затем работали в кэвендишских лабораториях. Флеминг был теоретик, а Бриджер – практик, отличный математик и инженер. Бриджер стремился сделать научную карьеру; он собирался выжать из своей темы все что возможно. Флемингу, чистой воды исследователю, было наплевать на все, кроме фактов. Но оба они презирали ту академическую систему, которая их взрастила, и держались вместе. Несколько лет назад Рейнхарт переманил их на строительство нового радиотелескопа. А так как он был, пожалуй, наиболее выдающимся и признанным астрофизиком Запада и, кроме того, прирожденным организатором и собирателем талантов, они пошли к нему без колебаний. Он же всячески поддерживал и ободрял их и по-отечески опекал на длинном и ухабистом пути научного становления.

Несмотря на грубоватую манеру рассказа, нетрудно было понять, что Флеминга и старого ученого связывает взаимное доверие и симпатия. Что же касается Бриджера, тот скучал и томился. Он уже сделал здесь свое дело. Ведь они выдали старику, как без ложной скромности, но и без хвастовства сказал Флеминг, лучшую в мире аппаратуру.

Флеминг ни о чем не расспрашивал Джуди, а она помалкивала. В баре гостиницы он ждал, пока она сбегает в свой номер, и к тому времени, когда они добрались до площадки, успел изрядно нагрузиться.

Кегельбан находился в помещении кинотеатра, залитом неоновым светом и сияющем каскадами огней среди старого и

темного фабричного городка. Да и посетители, казалось, собирались сюда из какого-то иного мира, а не с этих мощенных бульджником улиц. В основном это была молодежь. Мелькали джинсы, курточки, коротко остриженные головы и расписанные лозунгами рубашки. Трудно было представить себе этих ребят в кругу семьи – в старых домах на склонах прокопченных йоркширских долин. Их местный выговор заглушался раскатами музыки, грохотом катящихся по деревянным лоткам шаров и стуком падающих кеглей. Лотков было с полдюжины; на одном конце десяток кеглей, на другом – корзинка с шарами, столик для записи очков, скамейка и четверо игроков. Когдапущенный шар попадал в цель, автоматически действующая сетка подымала кегли и возвращала шар к верхнему концу дорожки. В перерывах между бросками, требовавшими определенного внимания и усилий, играющие, казалось, совсем не интересовались происходящим на лотках: они слонялись по залу, болтали и потягивали кока-колу из бутылочек. Все это выглядело куда более по-американски, чем прежде, когда здесь был кинотеатр: казалось, американский образ жизни вырвался с экрана и завладел залом. Впрочем, как сказал Флеминг, все это было «чертовски типично» для нынешнего времени.

Они разыскали Бриджера, долговязого, узкоплечего человека примерно одних лет с Флемингом, игравшего с довольно пышной девицей в алой блузке и ярко-желтых брючках в обтяжку. Волосы и бюст девицы были подтянуты кверху, насколько возможно, физиономия раскрашена, как у балерины, а двигалась она, словно голливудская хористка. Но едва девица открыла рот, как уже нельзя было усомниться, что она родилась и выросла в Йоркшире. Пустив шар с немалой силой и ловкостью, она побежала к Бриджеру и повисла на его руке, сунув в рот палец.

– Ой, я палец ободрала...

– Знакомьтесь, это Грейс, – сказал Бриджер, который, казалось, немного ее стыдился. У него было нервное лицо, изрезан-

ное ранними морщинами; одет он был скромно, в темный спортивный костюм, и походил на почтового служащего в субботнее утро. Бриджер вяло пожал Джуди руку; когда же она сказала: «Я о вас слышала», он бросил на нее быстрый, настороженный взгляд.

— Мисс Адамсон, — сказал Флеминг, налив виски в кокалу Бриджеру, — наш новый трудолюбивый бобер, вернее трудолюбивая бобриха, — уполномоченная по связи с прессой.

— Как тебя зовут, дорогуша? — осведомилась девица.

— Джуди.

— А у тебя не найдется пластиря?

— Да пойди попроси у администратора! — нетерпеливо сказал Бриджер.

— Она из вашей группы? — спросила Джуди Флеминга.

— Да нет, местное дарование. Нахodka Денниса. У меня нет на это времени.

— Ах, как жалко, — сказала Джуди. Но Флеминг, казалось, не расслышал. Приложившись к фляжке еще раз, он нетвердой походкой направился к лотку. Бриджер повернулся к Джуди и доверительно спросил ее:

— Так что же вы слышали обо мне?

— Только то, что вы работаете с доктором Флемингом.

— Знаете, это дело не для меня. — Бриджер выглядел разочарованным, и кончик носа у него дернулся, как у кролика. — В промышленности я мог бы получать в пять раз больше.

— А вас интересует именно это?

— Как только эта машина на холме заработает, я отсюда сбегу, — он заговорщики поглядел в сторону Флеминга и снова повернулся к Джуди. — А старина Джон останется. Будет ждать золотого века. И, пока чего-нибудь дождется, успеет состариться. Будет старым и уважаемым. И бедным, как церковная крыса.

— И, вероятно, счастливым.

— Ну-у, Джон никогда не будет счастливым. Для этого он слишком много размышляет.

— Кто слишком много потребляет? — Флеминг, пошатываясь, подошел к ним и записал очки.

— Да ты.

— Ну и правильно, я пью слишком много. Нужно же человеку за что-то держаться.

— А почему не за перила? — спросил Бриджер, и кончик его носа дернулся.

— Послушай! — И Флеминг плюхнулся на скамейку рядом с ними. — Представь, что ты идешь вдоль этих твоих перил. Потом делаешь шаг, а их нету. Кончились! Вот мы говорили о Галилее, а почему? Потому что он был Возрождение. Он, и Коперник, и Леонардо да Винчи. Это они тогда — ж-жах! — опрокинули все перила и оказались на собственных ногах посреди огромной неизведанной Вселенной!

Флеминг неуклюже поднялся со скамьи и взял из корзинки тяжелый шар. Его голос перекрыл музыку, стук шаров и падающих кеглей:

— Потом люди поставили новые заборы, уже подальше. Но грядет новое Возрождение! И однажды, когда никто этого не заметит, когда все будут трепаться о политике, о футболе и деньгах, — он наклонился над Бриджером, — тогда-то вдруг все эти перегородки опять полетят к чертям — ж-жах! Вот так!

Он широко взмахнул рукой с шаром и опрокинул стоявшие на столике бутылки кока-колы.

Ой, да осторожнее, ты, дубина! — Бриджер вскочил и принялся поднимать бутылки и вытирать стол носовым платком. — Извините, мисс Адамсон.

Флеминг откинулся голову и захохотал.

— Джуди! Ее зовут Джуди!

Бриджер, опустившись на колени, усиленно стирал пятно с юбки Джуди.

— Боюсь, что на вас немножко попало...

— Неважно, — Джуди не обращала на него внимания. Она присматривалась к Флемингу с недоумением и глубоким интересом. Тут радио объявило:

— Доктора Флеминга просят к телефону.

Через минуту Флеминг вернулся, мотая головой, чтобы привести в порядок мысли. Он потянул Бриджера со скамейки.

— Пошли, Деннис, мой мальчик, мы понадобились.

Харви в одиночестве сидел за пультом. Время от времени он подправлял настройку приемника. Окно перед пультом было как черная школьная доска, и в комнате стояла тишина, только негромкое потрескивание все время неслось из репродуктора. Снаружи не доносилось ни звука. Но вот послышался шум подъехавшего автомобиля.

Флеминг и Бриджер толкнули вращающиеся двери и остановились, щурясь от света. Флеминг уставился на Харви затуманным взглядом.

— Что случилось?

— Слушайте! — и Харви поднял руки. Они застыли, вслушиваясь.

Среди треска, свиста и шипения в репродукторе слышался слабый повторяющийся звук. Он замирал, прерывался, но неизменно снова возникал.

— Морзянка, — сказал Бриджер.

— Знаки не группируются. Они снова прислушались.

— Длинные и короткие — вот что это такое, — сказал Бриджер.

— Откуда это приходит? — спросил Флеминг.

— Откуда-то из созвездия Андромеды. Как раз сейчас она в диаграмме направленности.

— Сколько это продолжается?

— Около часа. Максимум сигнала уже прошел.

— Можно двигать отражатель?

— Думаю, что да.

— У нас же нет разрешения на это, — возразил Бриджер. — Нам еще не позволили приступить к испытаниям системы слежения.

Флеминг не обратил на него внимания.

— У сервомеханизмов есть кто-нибудь?

— Да.

– Тогда попробуйте последить за источником.

– Нет, послушай, Джон... – Бриджер тщетно тянул Флеминга за рукав.

– Может, какой-нибудь спутник, – предположил Харви.

– Разве что-то еще запустили? – спросил Флеминг, высвобождая рукав.

– На сколько известно – нет. Может быть, кто-то забросил на орбиту, – начал Бриджер, но Флеминг прервал

– Деннис, – он пытался мыслить четче. – Будь другом, пойди включи самописец, ладно? И печатающую приставку тоже.

– Может, лучше сначала проверим?

– Потом, потом проверим.

Стараясь ступить твердо, Флеминг вышел в вестибюль и, наклонившись над фонтанчиком для питья, подставил лицо под струю. Когда он вернулся, освеженный, сияющий и заметно протрезвевший, Бриджер уже возился с аппаратурой в соседней комнате, а Харви звонил дежурному инженеру. Когда включили электродвигатели, мигнул свет. Высоко вверху – неслышно и незаметно для глаз – двинулось металлический отражатель, компенсируя вращение Земли. Звук в репродукторе стал чуть громче.

– Это все, на что вы способны?

– Но ведь и сигнал-то не очень сильный.

– Гм, – Флеминг выдвинул ящик и извлек оттуда каталог. – А за это время изменились ли хоть немного его галактические координаты?

– Трудно сказать. Я не следил. Во всяком случае, если и изменились, то очень немного.

– Так, значит, он не на орбите?

– Пожалуй, что нет, – Харви взволнованно наклонился над ручками аттенюаторов. – А может быть, это любительская морзянка, отраженная от Луны?

– На настоящую морзянку не похоже. К тому же и Луна еще не взошла.

— А может быть, от Марса или от Венеры? Во всяком случае, надеюсь, все-таки я не зря вытащил вас сюда?

— Андромеда, говорите?

Харви кивнул. Флеминг перелистывал страницы каталога, читал и слушал. Он снова стал спокойным и тихим, каким был в машине с Джуди, и был сейчас похож на прилежного школьника.

— Вы его удерживаете в диаграмме направленности?

— Да, доктор Флеминг.

Флеминг перешел к другому концу пульта и включил внутреннюю связь.

— Записывается, Деннис?

— Да, — голос Бриджера сопровождался металлическим отзвуком. — Но никакого смысла уловить не могу.

— К утру, может, что-нибудь прояснится. Я подумаю насчет расстояния до источника.

Флеминг отпустил клавишу и с книгой в руке перешел к астрономическим картам на задней стене.

Так все они работали некоторое время; только звук из пространства слышался в комнате. Флеминг пробовал отождествить источник, а Харви удерживал его в диаграмме направленности огромного телескопа.

— Что вы об этом думаете? — не выдержал наконец Харви.

— Я думаю, что сигнал приходит очень издалека.

После этого они только работали и слушали. А сигнал все звучал, звучал и звучал. И не было ему конца.

ГЛАВА II

В конце шестидесятых годов, когда происходили эти события, министерство науки переехало в новое – все из стекла – здание вблизи Уайтхолла. И мебель, и штат здесь были первоклассные, словно для доказательства того, что современная техника действительно сродни искусству, а постоянный заместитель министра Майкл Осборн – самый прогрессивный из всех чиновников, населявших здание. Хотя он являлся на службу в костюме из твида, но твид был самый гладкий, а покрой – самый официальный. Осборн редко сиживал за своим необычным столом, предпочитая низенькие покойные кресла у низенького кофейного столика с мраморной доской.

Утром, когда в Болдершоу-Фелл впервые приняли таинственные сигналы, он, небрежно развалившись в одном из своих любимых кресел, беседовал с Чарльзом Ванденбергом, генералом американских военно-воздушных сил. На его костюм четкими, ровными полосками легли тени от жалюзи.

Англию к этому времени можно было бы сравнить с форпостом осажденной крепости – Западной Европы и Северной Америки. Под давлением с Востока, из Азии и из Африки западная цивилизация была оттеснена в эту область земного шара. Ее центром оказался американский континент к северу от Панамы. Западной Европе выпала незавидная роль обороняющегося арьергарда. Официально никто ни с кем не воевал. Однако экономические санкции и жонглирование бомбами и ракетами привели к тому, что страны старого мира чувствовали себя словно в осаде. Жизненно важные линии связи, проходящие через Атлантику, сохранились в основном благодаря усилиям американцев, и американские гарнизоны в Англии, Франции и Западной Гер-

мании держались с отчаянным упорством – как римские легионы в третьем и четвертом веках нашей эры.

Официально Англия и ее соседи продолжали оставаться уверенными государствами, но на деле инициатива все более ускользала из их рук. Хотя генерал Ванденберг скромно назывался представителем Координационного комитета обороны, в действительности он был командующим военно-воздушными силами хотя и дружественной, но неизмеримо более мощной оккупационной державы, для которой Англия была лишь одним из квадратиков на гигантской шахматной доске.

В прошлом пилот бомбардировочной авиации, Ванденберг с его бычьей шеей и квадратной головой и в зрелые годы выглядел моложавым и крепким. Однако в его манерах не было ничего развязного или грубого. Уроженец Новой Англии, он был человеком просвещенным и имел обыкновение высказываться столь авторитетно, будто знал об этом мире несравненно больше прочих смертных. Они говорили об Уэлене. Осборн небрежно держал в руке записку, где шла речь о нем.

– Я сейчас ничего не могу сделать.

– Но есть дела особой важности... Осборн с трудом поднялся и, подойдя к столу, вызвал секретаршу.

– У Координационного комитета низкая точка кипения, – заметил Ванденберг.

– Вы можете сообщить туда, что мы все уладим. – Осборн отдал бумагу вошедшей секретарше.

– Пожалуйста, проследите, чтобы этим занялись.

Секретарша взяла бумагу и положила на стол пухлую папку. Она была молода, недурна собой и одета, как на званный вечер: даже министерства подвластны прогрессу.

– Это материалы по Болдершоу.

– Спасибо. А что, моя машина здесь?

– Да, мистер Осборн.

Он раскрыл папку и прочитал вслух:

– Министр прибывает в Болдершоу-Фелл в 15 часов 15 минут; его встречает профессор Рейнхарт.

– Значит, завтра, – заметил Ванденберг. – А вы едете?

– Я отправляюсь сейчас, чтобы заранее поговорить с Рейнхартом. – Он сунул папку в портфель. – Если хотите, могу подбросить вас наверх, в Уайтхолл.

– О, это было бы актом милосердия.

Они держались друг с другом настороженно, но вежливо, почти старомодно вежливо. Поднявшись, Ванденберг, как бы между прочим, спросил:

– Ну, так когда же все это начнет работать?

– Еще не известно.

– Это становится серьезным.

– Звезды могут подождать. Они уже давно ждут.

– Так же как и комитет.

Осборн презрительно пожал плечами, как человек, вынужденный объяснять очевидные вещи; он походил сейчас на грека, убеждающего римлянина.

– Рейнхарт займется военной программой тогда и только тогда, когда сможет это сделать. Так ведь было условлено?

– Но если случится что-нибудь непредвиденное?

– Так уж и случится?!

– Вы читаете газеты?

– Последнее время – только отдел беллетристики.

– А вы почитайте отдел новостей. Если случится что-нибудь непредвиденное, там понадобятся все уши, которыми мы успеем обзавестись по эту сторону Атлантического океана. – Ванденберг кивком головы показал на изображение радиотелескопа, висевшее на стене. – Для нас это не игрушка!

– Так ведь для них тоже, – парировал Осборн.

Они вышли. Вскоре из Болдершоу-Фелл позвонил Флеминг, но никого не застал.

Джуди приехала в обсерваторию незадолго до Осборна и Рейнхарта и успела поговорить с Харрисом в вестибюле.

– О Бриджере что-нибудь известно?

Харрис старательно делал вид, что полирует дверную ручку.

— Два-три раза заходил к букмекеру в Бредфорде. Но больше ничего.

— За ним надо следить.

— Я все время слежу.

Приехавшие Осборн и Рейнхарт пригласили Джуди на пункт управления. Там было тихо и пусто. Один Харви возился у стола среди разбросанных бумаг, окурков и грязных чашек. При виде этой картины Рейнхарт всполошился, словно испуганная курица:

— Надо все-таки следить за чистотой.

— А можно будет подвигать облучатель для министра? — поинтересовался Осборн.

— Надеюсь, что да, хотя механизмов сопровождения мы пока не испытывали.

Рейнхарт озабоченно семенил по комнате, не замечая знаков, которые делал ему Харви.

— У вас такой вид, словно вы всю ночь не спали, Харви.

— Так и было, сэр. И доктор Флеминг с доктором Бриджером тоже не спали.

— Что-нибудь не ладилось?

— Да нет, сэр. Мы сопровождали источник.

— Сопровождали?! Это по чьим же указаниям?

— Доктора Флеминга, сэр, — беззаботно ответил Харви. —

Сейчас мы все вернули в первоначальное положение.

— Почему же мне не сообщили? — Рейнхарт повернулся к Осборну и Джуди. — Вы знали об этом?

Джуди покачала головой.

— Флеминг, по-видимому, начинает устанавливать свои порядки, — заметил Осборн.

— Где он? — резко спросил Рейнхарт.

— Там, — Харви показал на дверь аппаратного зала, — с доктором Бриджером.

— Так попросите его уделить мне несколько минут!

Пока Харви говорил в микрофон на пульте управления, Рейнхарт сердито семенил по комнате.

— Что вы сопровождали?

– Источник в Андромеде, сэр.

– М-31?

– Нет, сэр.

– Так что же тогда?

– Другой источник из этой же области. С прерывающимся сигналом.

– Вы его слышали раньше?

– Нет, сэр.

Вошел Флеминг. Он был не брит, трезв и выглядел очень усталым, но в нем чувствовалось сдержанное возбуждение. В руках он держал рулон диаграммной ленты. На этот раз Рейнхарт не был склонен к попустительству.

– Насколько я понял, вы работали с телескопом?

Флеминг остановился и, прищурившись, поглядел на них.

– Прошу прощения, господа. У меня не было времени писать заявление в трех экземплярах. – Он повернулся к Осборну.

– Я вам звонил, только вас не было. – Чем же вы занимались? – спросил Рейнхарт.

Раскатав перед ними на столе ленту самописца, Флеминг стал рассказывать.

– Вот так выглядит запись передачи, – закончил он.

Рейнхарт удивленно посмотрел на Флеминга.

– Вы хотите сказать – сигнала?

– Я сказал – передачи. Точки и тире. Верно, Харви?

– Было очень похоже.

– И это продолжалось всю ночь. Сейчас источник за горизонтом, но вечером можно будет снова проследить его.

Джуди взглянула на Осборна, но помощи от него не получила.

– А как же церемония открытия? – произнесла она.

– Да черт с ним, с открытием! – Флеминг резко повернулся к ней. – Как вы не понимаете! Это же голос. Он дошел до нас через миллионы миллионов миль!

– Голос? – Джуди показалось, что ее собственный голос звучит слабо и неестественно.

– Он летел к нам двести лет со скоростью света. Может же ваш министр подождать еще день?

Тут Рейнхарт, казалось, пришел в себя. Он иронически взглянул на Флеминга.

– А что, если это просто спутник...

– Это не спутник!

Рейнхарт подошел к «погремушке Джэко».

– Прежде чем приходить в такой ажиотаж, Джон, следовало бы проверить весь этот железный лом на околоземных орбитах.

– Мы проверили.

Рейнхарт повернулся к Осборну.

– Вы не слышали ни о каком новом запуске?

– Нет.

– Послушайте, – настаивал Флеминг, – если бы это был спутник, он бы не мог всю ночь торчать в центре созвездия Андромеды!

– А вы уверены, что это не большая туманность?

– Мы ее определили. Верно, Харви? Харви кивнул, но Рейнхарт, казалось, все еще сомневался.

– Это могла быть какая-нибудь интерференция или что-то в таком роде.

– Уж как-нибудь я отличу передачу от простого шума, – сказал Флеминг. – Кроме того, в этой передаче есть нечто особое, такое, чего я никогда еще не встречал. Между точками и тире шел модулированный сигнал более высокой частоты. И уж там такое количество знаков... В общем нам придется собрать специальную аппаратуру, чтобы принимать все это.

Он нажал на клавишу переговорного устройства и вызвал из соседней комнаты Бриджера. Затем собрал бумаги и сунул их Рейнхарту.

– Посмотрите же. Ведь этого ждут больше десяти лет. А уж если на то пошло, – десять веков!

– Здесь содержится какой-то смысл? – Росил Осборн высоким, визгливым голосом правительского чиновника.

Вы можете расшифровать передачу?

– О господи! Вы, кажется, думаете, что космос населен бойскаутами, сигналящими азбукой Морзе?

Вошел Бриджер. Он был бледен, нос у него подергивался. Однако его присутствие, казалось, успокаивающее подействовало на Флеминга. Бриджер подтвердил его рассказ.

– А может быть, это сигналы очень удаленного космического зонда? – предположил Осборн.

Флеминг даже не удостоил его ответом. Джуди собралась с духом:

– Его подавали с какой-нибудь планеты?

– Да.

– С Марса или откуда-нибудь в этом роде?

Флеминг пожал плечами.

– Вероятнее, с планеты, обращающейся вокруг одной из звезд в созвездии Андромеды.

– И она сигнализирует нам? Рейнхарт передал бумаги Осборну.

– Это, несомненно, связанная последовательность точек и тире.

– Тогда почему никто еще не принял эти сигналы?

– Потому что ни у кого больше нет такой аппаратуры. Если бы мы не сделали вам такой чертовски хорошей аппаратуры, вы бы не держали в руках эти записи!

Осборн присел на край пульта управления, озадаченно уставившись в запись.

– Предположим, что какое-то мыслящее существо пытается установить с нами связь... Да нет, чепуха!

– Нет, это возможно, – Рейнхарт внимательно изучал свои аккуратные пальчики, всем видом показывая, что он предпочел бы не касаться этой темы. – Если бы другие существа...

Флеминг перебил его:

– Не существа, а разумная жизнь. Не обязательно – какие-нибудь зеленые человечки. И даже не обязательно органическая жизнь вообще. Просто разум!

По спине Джуди пробежал холодок, но она взяла себя в руки.

– Бр-р! Даже дрожь пробирает!

– И меня тоже, – отозвался Флеминг. Осборн вышел из оцепенения.

– Кого угодно в холод бросит, если это действительно передача из космоса! – пробормотал он.

В конце концов было решено этим вечером снова проследить за источником таинственных сигналов. Передача прекратилась, по-видимому, просто из-за вращения Земли. Следовательно, можно было поймать сигналы снова. Как только приняли решение, Рейнхарт опять стал спокойным и деловитым. Вместе с Флемингом и Бриджером он раскатал рулоны записей и стал их изучать.

– А знаете, что это может быть? – сказал Флеминг. – Двоичный код.

– Что это такое? – поинтересовалась Джуди.

– Система счета, использующая только две цифры – 0 и 1, а не набор от 1 до 10, как наша обычная десятичная система. 0 и 1 могут обозначаться точкой и тире. Или наоборот. Наша десятичная система произвольна, а вот двоичная фундаментальна. Утверждение и отрицание, «да» и «нет», точка и тире – это же универсально, черт возьми! – он повернулся к ней возбужденное лицо с покрасневшими от бессонницы глазами. – «Философия написана на языке математики» –помните?! Вот сейчас мы и опрокинем все перегородки!..

– Надо отложить торжественное открытие, – решил Осборн.

– Это не для газет.

– А почему?

Осборн поморщился. В его мире все было не просто: ничего нельзя сказать или сделать без соответствующего разрешения. Для него события в Болдершоу-Фелл были лишь частью чрезвычайно сложной системы мероприятий, а над всем этим вырастало то, что олицетворял собою Ванденберг. Нет. Все до мельчайших подробностей должно быть взвешено и как следует обдумано.

– Что мне сообщить репортерам? – спросила его Джуди.

– Ничего.

– Ничего?!

– Что мы, тайное общество? – в вопросе Флеминга звучало презрение. Однако Осборну удалось сохранить одновременно доверительный и официальный тон:

– Нельзя давать для широкой публики такую сырую информацию. Необходимо сначала проконсультироваться по этому вопросу, а то, пожалуй, может возникнуть паника: космические корабли, летающие блюдца, чудища с таракаными глазами... Найдутся идиоты, которые все это немедленно увидят «собственными глазами». Или просто кому-то что-то пригрезится. Нет. В печати ничего не должно появиться, мисс Адамсон.

Оставив взбешенного Флеминга на контрольном пункте, они направились в кабинет Рейнхарта, чтобы позвонить министру, а затем уехали.

В гостинице «Лев» в Болдершоу начали собираться репортеры, приглашенные на церемонию открытия. Джуди провела Осборна и Рейнхарта через заднюю дверь в маленький номер, где их ждал запоздалый обед и где они могли рассчитывать на сравнильную безопасность от целой оравы корреспондентов различных газет, сновавших в холле. В перерывах между блюдами Осборн совершил вылазки в телефонную будку и с каждым разом становился все более встревоженным и подавленным.

– Что сказал министр?

– Сказал: «Спросите Ванденберга». Они доели остывшее мясо, и Осборн снова ушел.

– Так что же сказал Ванденберг?

– Да что, по-вашему, он мог сказать? «Помалкивайте».

Джуди было поручено на следующее утро сообщить репортерам, что открытие отложено из-за технических неполадок. Если понадобится иная информация, Лондон даст ее прямо в редакции газет. Затем им снова удалось незаметно выскользнуть через заднюю дверь. Через полчаса у гостиницы остановился ав-

томобиль Флеминга, и сам Флеминг, усталый и томимый жаждой, скрылся в дверях.

Вечером передачу приняли снова. Она продолжалась всю ночь, и Флеминг с Бриджером по очереди записывали ее – не только различимые на слух точки и тире, но и высокочастотную составляющую. Утром Деннис Бриджер один отправился в Болдершоу, и Харрис незаметно последовал за ним. Оставил машину на стоянке возле ратуши, Бриджер свернул в мощенную булыжником уличку, ведущую к окраине. Харрис следовал за ним, держась на расстоянии квартала. В темном дождевике вместо обычной спецовки он походил скорее на ирландского бандита, чем на мирного лаборанта. Харрис так старался оставаться незамеченным, что попросту не обратил внимания на двух мужчин, стоявших на противоположной стороне улицы напротив небольшой двери с табличкой «Дж. Олдройд, букмекер». Улица отнюдь не была пустынной, и разве вызывают подозрение двое беседующих прохожих?

Бриджер свернул в эту дверь и очутился в узком, темном коридоре. Лестница, покрытая линолеумом, вела на второй этаж, а рядом виднелась дверь с панелью из матового стекла. Шум улицы оборвался со стуком захлопнувшейся двери; в коридоре было тихо, как в склепе. На стеклянной двери висела такая же табличка, как и на улице. И еще: «Стучите и входите». Бриджер так и сделал.

Несмотря на поздний час, Дж. Олдройд завтракал, сидя за столом. Это был пожилой человек в рубашке с закатанными рукавами и линялым шерстяном жилете. Когда появился Бриджер, он как раз приканчивал яичницу, орудуя вилкой с насаженным на нее кусочком хлеба. В кантине больше никого не было, и все же она казалась тесной из-за телефонов, арифмометра, аппарата биржевого телеграфа, телетайпа и разбросанных повсюду бумаг. На стенах висело несколько рекламных календарей, оборванных на разных месяцах, но тут же были и превосходные, очень точные часы. Мистер Олдройд мельком взглянул на Бриджера поверх нагромождения из старого хлама и нового оборудования.

– А, это вы!

Бриджер кивнул в сторону телетайпа.

– Работает?

Вместо ответа мистер Олдройд отправил наконец в рот кусок хлеба, пропитанный яичницей, а Бриджер уселся за аппарат.

– Ну, как дела? – спросил он, включая телетайп и набирая номер. Это было сказано тоном, каким обычно говорят со старым знакомым.

– Так себе, – ответил мистер Олдройд. – У этих кляч никакого чувства ответственности. Или они в кучу сбиваются, или ползут, что твой автобус.

Бриджер отстучал: «КАУФМАН ТЕЛЕКС 21303 ЖЕНЕВА» – и замер, услышав какую-то возню за дверью. На матовом стекле на мгновение возник силуэт чьей-то головы. Затем – приглушенный вскрик, стон, и тень исчезла, ее оттеснили совсем уж неясные силуэты. Бриджер в страхе взглянул на Олдройда, но тот, казалось, ничего не заметил и продолжал аккуратно срезать кожицу с кусочка грудинки, завернувшегося колечком. Бриджер опять повернулся к телетайпу. Окончив передачу, он боязливо выглянул в коридор. Там было пусто. Входная дверь была распахнута, но ничего необычного не заметно. Никто не стоял у дверей. Никто не подсматривал из-за угла. Ну, а отъехавшая машина могла и не иметь к случившемуся никакого отношения.

Денис Бриджер направился к стоянке, чувствуя противную дрожь в коленках.

Сообщение о сигналах из космоса было передано одним из телеграфных агентств и успело попасть в вечерние газеты. К тому времени, как генерал Ванденберг примчался к министру науки с протестом, телевидение уже передавало правительственные заявление. Министр отсутствовал. Осборн с Ванденбергом стояли в кабинете министра и смотрели в угол; там, с экрана, торжественно вещал диктор.

Правительство того времени представляло собой внушительное на первый взгляд, но не объединенное общей целью со звездие талантов, прозванных «меритократами»¹ и сплотившихся перед лицом кризиса. Это были способные люди, которых объединяло лишь желание выжить. Премьер-министром был либеральный консерватор, министром труда – ренегат-лейборист. Важнейшие портфели находились в руках энергичных и честолюбивых людей помоложе, вроде министра обороны. Прочие – у не столь способных, но, по мнению публики, импозантных деятелей, бойких на язык, вроде министра науки. Партийные разногласия не исчезли – скорее отошли на задний план; возможно, то был вообще конец партийного правления в Англии. Впрочем, это никого не заботило. Вся страна была, по-видимому, погружена в глубокую апатию и не обращала внимания на мир, который вышел из-под ее контроля. Порой люди, еще сохранившие оппозиционные убеждения, писали мелом «Виши» на стенах Уайтхолла, но это было единственным проявлением интереса к политике. Люди тихо занимались своими делами, и общественную жизнь страны сковало удивительное безмолвие. По выражению одного остряка, было так тихо, что можно рас слышать, как упадет бомба.

В этот-то вакуум и обрушилось сообщение о передаче из космоса. Газеты, как водится, все безнадежно перепутали. «Парника среди ученых! Готовится ли нападение на Землю?!» –кричали они. Молодой человек на экране с выражением читал строчки правительенного заявления:

«Сегодня вечером правительство решительным образом опровергло слухи о возможном вторжении из космоса. Представитель министерства науки заявил репортерам, что, хотя сигналы, напоминающие радиопередачу, действительно были приняты с помощью нового гигантского радиотелескопа в Болдершоу-Фелл, нет никаких оснований считать, что они переданы с космического корабля или с ближней планеты. Если принятые

¹ От латинского *meritum* – заслуга. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

сигналы действительно являются радиопередачей, то она послана только с очень большого расстояния».

Никто не знал, каким образом эти сведения стали достоянием гласности. Рейнхарту ничего не было известно, а местный агент военной службы безопасности – Харрис – непонятным образом исчез. Тем не менее военное министерство жаждало крови. Ванденберг бросил на министерский стол два досье.

– «Доктор Флеминг, Джон. Начиная с 1960 года: высказывания против НАТО, в пользу Африки, Олдермастонские шествия, гражданское неповиновение, ядерное разоружение...» И, по-вашему, он заслуживает доверия?

– Он ученый, а не кандидат в полицейские.

– Однако все-таки считается, что он должен быть лояльным. Ну, а другой? – генерал не без злорадства перелистывал досье. – Бриджер. С 1958 по 1963 год – член лейбористской партии. Затем сделал поворот на 180° и принялся выполнять поручения одного из международных картелей. Да еще одного из самых грязных – «Интеля»! Уж без него-то вы могли обойтись?

– Без него Флеминг отказывался работать.

– Ну, тогда понятно, – генерал собрал бумаги. – Я бы сказал, что вот оно, наше уязвимое место.

– Ну, хорошо, – устало ответил Осборн и взял телефонную трубку на столе ministra. – Пожалуйста, Болдершоу-Фелл, – сказал он нежным голосом, как человек, заказывающий цветы.

В помещении пульта управления вновь принимали космическое послание. Харви в другой комнате присматривал за самописцами, и Флеминг сидел у пульта один. Не хватало людей: Уэлена вдруг куда-то отослали, и даже Харриса не было. Бриджер держался в стороне, казался раздраженным и обеспокоенным; лицо его непрерывно подергивалось. Наконец он пошел к Флемингу.

– Слушай, Джон, это может тянуться без конца.

– Пожалуй.

Из репродуктора несся незатихающий звездный шелест.

— Я хочу смотреть удочки. — Флеминг поднял на него глаза. — Все закончено. Мне здесь больше делать нечего.

— Да у тебя здесь уйма дел, Денни!

— Нет, я все-таки отчалю.

— А как же с этим?

Они помолчали, прислушиваясь к потрескиванию репропротектора. Нос Бриджера задергался.

А это может быть все что угодно, — бросил он.

— Знаешь, у меня есть идея.

— Ну, что там еще?

— А что, если это набор инструкций...

— Ну и прекрасно. Вот и займись этим. — Давай вместе займемся! Тут их перебила Джуди. Лицо ее было холодным и гневным, она шла через комнату, а ее каблуки стучали по паркету, как сапоги гвардейца. Еще не дойдя до них, она резко спросила:

— Кто из вас проболтался журналистам? Флеминг в изумлении уставился на нее.

Она повернулась к Бриджеру.

— Кто-то передал прессе все сведения об этом — все!

Флеминг сокрушенно прищелкнул языком. Джуди метнула на него гневный взгляд и снова повернулась к Бриджеру.

— Ни профессор Рейнхарт, ни я этого не делали. А Харви и остальные слишком мало знают, они ни при чем. Значит, это был кто-то из вас!

— Что и требовалось доказать, — сказал Флеминг.

Но Джуди и не взглянула на него.

— Сколько они заплатили вам, доктор Бриджер?

— ...Мне?..

Бриджер замолчал. Флеминг вскочил и вклинился между ними.

— А вы тут при чем? — спросил он.

— А при том, что я...

— Да, да, кто же вы? — он нагнулся к ней, и она почувствовала, что от него пахнет виски.

— Я, — она запнулась, — я уполномоченная по связи с прессой. У меня есть свои обязанности. А сейчас я получила такой нагоняй, какого в жизни не получала!

— Мне очень жаль, — вставил Бриджер.

— И вам больше нечего сказать? — ее голос даже сорвался от возмущения.

— Будьте настолько любезны, — Флеминг покачивался на широко расставленных ногах и насмешливо ухмылялся, глядя на нее сверху вниз, — отвяжитесь от моего друга Денниса.

— Почему?

— Потому, что с ними разговаривал я.

— Вы?! — она даже отшатнулась, словно ее ударили по лицу.

— Вы были пьяны?

— Да, — сказал Флеминг и повернулся к ней спиной. В дверях комнаты, где стояли самописцы, он оглянулся. — А хоть бы и трезв, что из того? — И уже из-за двери крикнул: — И они мне ничего не заплатили!

Джуди с минуту стояла, ничего не видя и не слыша. Репродуктор шипел и потрескивал. Люминесцентные лампы освещали мебель, состоявшую, казалось, из одних прямых углов. В темное небо уходила арка радиотелескопа. Джуди приехала сюда, абсолютно ничего не зная, ни во что не посвященная, всего три вечера назад... Наконец она заметила, что рядом стоит Бриджер и протягивает ей сигарету.

— Кумир рухнул, а, мисс Адамсон?

Джуди, как уполномоченная по связи с прессой, была обязана доложить о случившемся Осборну, а тот доложил министру. О Харрисе ничего не было слышно, и его исчезновение продолжали держать в тайне. Корреспондентов убедили, что все это ошибка или мистификация. После ряда бурных министерских совещаний министр обороны смог заверить генерала Ванденберга и его начальство, что ничего подобного не повторится — они за это ручаются. Начали усиленно разыскивать Харриса, а Флеминга вызвали в Лондон.

Вначале предположили, что Флеминг просто покрывает Бриджера, но вскоре установили, что он действительно рассказал все это корреспонденту по имени Дженкинс за бутылкой виски. Хотя Бриджер заявил о своем уходе, по контракту он должен был проработать еще три месяца и оставался в Болдершоу-Фелл заместителем Флеминга на время его отсутствия. Передача все продолжалась и теперь записывалась в двоичном коде.

Сам Флеминг, казалось, был вполне равнодушен к суете, поднявшейся вокруг его особы. Он забрал с собой в Лондон испещренные цифрами ленты записей и в поезде час за часом изучал их, покрывая значками и цифрами поля, а потом и конверты всех писем, которые он обнаружил у себя в карманах. Ничего вокруг себя он не замечал, одевался и ел с отсутствующим видом, почти не пил; он был поглощен какой-то одной мыслью, охвачен возбуждением. Он не замечал Джуди и почти не читал газет.

Когда Флеминг появился в министерство науки, его немедленно провели в кабинет Осборна, который ожидал его в обществе Рейнхарта и человека средних лет с седыми висками и беспокойными голубыми глазами, державшегося очень прямо. Осборн встал и пожал Флемингу руку.

— Доктор Флеминг, — Осборн был подчеркнуто официален.

— Угу?

— Это коммодор авиации Уотлинг и службы безопасности министерства обороны.

Человек с военной выпрямкой поклонился и холодно взглянул на Флеминга. Тот перевел вопросительный взгляд на Рейнхарта.

— Здравствуйте, Джон, — негромко и сдержанно сказал Рейнхарт и принял разглядывать свои ногти.

— Садитесь, доктор Флеминг.

Осборн указал на кресло, повернутое к собравшимся, но Флеминг медлил, удивленно переводя взгляд с одного лица на другое, как человек, проснувшийся в незнакомом месте.

— Это что, допрос?

Последовала короткая пауза. Уотлинг закурил сигарету.

— Вы знали, что вашу работу курирует служба безопасности?

— А что это значит?

— То, что работа засекречена.

— Да, знал.

— Так как же вы?..

— Я возмущаюсь, когда ученым затыкают рот.

— Не надо так волноваться, Джон, — успокаивающе произнес Рейнхарт. Уотлинг лег на другой галс:

Вы видели газеты?

— Некоторые.

— Полмира уверено, что зеленые человечки со щупальцами не сегодня-завтра высадятся у нас на огородах!

Флеминг улыбнулся, почувствовав под ногами более твердую почву.

— И вы уверены? — осведомился он.

— Но ведь я знаю факты.

— Именно факты я и сообщил прессе.

Точные научные факты. Откуда мне было знать, что они все так переврут?

— О том и речь, что подобные вещи не входят в вашу компетенцию, доктор Флеминг, — Осборн уже вновь сидел за своим столом в красивой и одновременно внушительной позе, — вот почему вас и просили не вмешиваться. Я вас сам предупреждал.

— Да ну? — Флеминг явно начинал скучать.

— Нам пришлось послать полный отчет Координационному комитету по обороне, — строго продолжал Уотлинг, — а сейчас премьер-министр готовит заявление для Организации Объединенных Наций!

— Ну, тогда все в порядке!

— Нам это положение отнюдь не нравится, но мы вынуждены были действовать, чтобы успокоить общественное мнение.

— Естественно.

— А вынудили нас к этому вы.

— Очевидно, я должен, раскаявшись, бить себя в грудь? — Флеминг уже не только скучал, но и злился. — Как я поступаю с моими открытиями — это мое дело! Мы пока еще живем в свободной стране?

— Но ведь вы работали не один, Джон, — сказал Рейнхарт, упорно глядя в сторону.

Осборн наклонился через стол к Флемингу и принялся его уговаривать:

— Все, что нам нужно, доктор Флеминг, — это только ваше личное заявление в печати.

— Чем же оно может помочь?

— Все, что способно успокоить людей, может помочь.

— Особенно если вам удастся дискредитировать того, от кого была получена информация.

— Джон, это же не относится лично к вам, — сказал Рейнхарт.

— Не ко мне лично? Тогда зачем же я здесь? — Флеминг презрительно посмотрел на них. — Ну, а после того, как я сделаю заявление, что говорил чепуху, что тогда?

— Боюсь, что... — Рейнхарт снова потупился.

— Боюсь, что мы не оставили профессору Рейнхарту выбора, — сказал Уотлинг.

— Они хотят, чтобы вы ушли от нас, Джон.

Флеминг встал и задумался. Троє остальных ждали взрыва. Но он сказал невозмутимо:

— Как все просто, а?

— Конечно, я не хочу терять вас, Джон! — Рейнхарт протестующе вскинул свои миниатюрные ручки.

— Ну, разумеется. Впрочем, есть одно препятствие.

— О-о-??

— Без меня вы не продвинетесь ни на шаг.

Они были готовы к этому, и Осборн заметил, что найдутся и другие подходящие кандидатуры.

— Но ведь они не знают, что это такое.

— А вы знаете?

Флеминг кивнул и улыбнулся. Уотлинг выпрямился даже больше обычного.

- Вы хотите сказать, что расшифровали сигналы?
- Я хочу сказать: мне известно, что это такое.
- Вы рассчитываете, что мы вам поверим? Осборн явно не верил. Уотлинг – тем более. Но Рейнхарт заколебался.
- Что же это, Джон?
- А тогда меня оставят?
- Ну, так что же это? Флеминг ухмыльнулся.
- Это набор «сделай сам», и его передали не человекоподобные существа. Я готов доказать это. – И он принялся вытаскивать из портфеля бумаги.

ГЛАВА III

Новый институт электроники помещался на старинной городской площади, превратившейся теперь в обычновенный двор, окруженный высокими зданиями из стекла и бетона, с мозаичными фасадами. Несколько этажей института были заняты различного рода вычислительной техникой. После интенсивных неофициальных переговоров Рейнхарту удалось выхлопотать Флемингу помилование и устроить его и нескольких своих сотрудников при институте с доступом к счетным машинам. Бриджеру, срок контракта которого истекал, дали еще молоденькую ассистентку, Кристин Флемстед, и к ним прикомандировали Джуди – к ее собственному и всеобщему неудовольствию.

– На кой черт нужен здесь уполномоченный по связи с прессой, если мы все до того засекречены, что приходится лезть на лестницу, чтобы почистить зубы?! – сердито спросил Флеминг.

– Считается, что мне следует все время быть в курсе дела, если вы не возражаете, конечно. И когда уже не нужно будет сохранять тайну…

– Вы будете, *au fait*¹, так сказать?

– Но вы не возражаете? – Джуди говорила просительно и робко, будто была виновата она, а не он. Она чувствовала, что каким-то необъяснимым образом связана с Флемингом.

– Мне-то что, – сказал Флеминг. – Чем больше юбок, тем веселее.

Но, как Флеминг и говорил в Болдершоу, у него не было на это времени. Все дни и большую часть ночей он проводил, преобразуя в доступные людскому пониманию цифры огромное количество данных, непрерывно поступающих с радиотелескопа. Чем бы Флеминг ни занимался (с помощью Рейнхарта или

¹ В курсе (*франц.*).

сам), он был теперь очень собран и сосредоточен. С непреклонной целеустремленностью он подгонял Бриджера и его ассистентку, безропотно терпел надзор за своей работой и послушно выполнял все формальности. Официально руководителем работ был Рейнхарт, и Флеминг покорно относил ему все результаты, однако при этом всегда присутствовали представители министерства обороны, и Флеминг умудрялся быть вежливым даже с Уотлингом, которого они прозвали Серебряные Крыльяшки.

Остальные члены группы чувствовали себя намного хуже. Отношения между Бриджером и Джуди были натянутыми. Бриджеру не терпелось скорей покинуть институт, а Кристин нисколько не скрывала своего стремления занять его место. Она была молодой, хорошенькой, и в ней было что-то от флеминговской целеустремленности. Она явно считала Джуди балластом и при любой возможности демонстрировала ей свою неприязнь.

Вскоре после их отъезда из Болдершоу отыскался Харрис; об этом сообщил Уотлинг во время одного из своих визитов. Какие-то люди набросились на Харриса в конторе букмекера, втолкнули его в машину, избили и оставили на заброшенной мельнице, где он чуть не умер. У него была сломана нога, и он ползая, не в силах выбраться оттуда; в течение трех дней он пил воду, капавшую из крана, и питался шоколадом, оказавшимся у него в кармане, пока наконец на него случайно не набрел крысолов. Харрис не возвратился к ним, и Уотлинг сообщил эти подробности одной Джуди. Она не стала о них никому рассказывать, но попробовала выпытать у Кристин что-нибудь о прошлом Бриджера.

– Вы давно его знаете?

Разговор происходил в маленькой комнатке рядом с помещением, где находилась главная счетная машина. Кристин работала за столом, заваленным перфокартами, вышедшими из машины. Джуди расхаживала взад и вперед, мечтая о том, чтобы сесть.

– Я делала у него диплом в Кембридже.

Хотя, насколько Джуди было известно, родители Кристин были родом из Прибалтики, девушка изъяснялась, как любая английская студентка.

- Вы хорошо его знали?
- Нет. Впрочем, если вас интересует его научная характеристика...
- Нет-нет. Я только думала...
- Что?
- Ну, может быть, он иногда вел себя... как-нибудь странно?
- Мне не приходилось обматывать колючей проволокой.
- Я не о том.
- Тогда о чем же?
- Он никогда не просил вас помочь ему в какой-нибудь работе, на стороне, так сказать?
- С какой стати? – она обернулась и посмотрела на Джуди строго и враждебно. – У кое-кого из нас интересной работы и так хоть отбавляй, не все же бездельничают.

Джуди ушла в зал, где стояли счетные машины, и принялась наблюдать, как они стрекочут и перемигиваются индикаторными лампочками. При каждой машине находился оператор, причем часто было трудно понять, мужчина это или женщина, потому что на всех были одинаковые комбинезоны. В центре зала стоял длинный стол, куда стекались результаты вычислений – в виде стопок перфокарт, или катушек магнитной ленты, или бумажных рулонов, выходивших с печатающих устройств. Цифры! Океаны цифр. И они, казалось, жили самостоятельной, обособленной от человека жизнью. Это сорище машин разговаривало на собственном языке!

Джуди уже имела некоторое представление о том, чем занимается их группа. Передача из созвездия Андромеды продолжалась много недель подряд без повторения, а затем вдруг началась сначала. Это позволило заполнить большинство пробелов в первоначальной записи: Земля вращалась, и записывать сигнал можно было только тогда, когда западное полушарие было обращено в сторону созвездия Андромеды. И каждые сутки ис-

точник в течение двенадцати часов находился за горизонтом. Когда же передача началась снова, она оказалась уже в другой фазе относительно суточного вращения нашей планеты, так что пропущенное ранее можно было частично восполнить. К концу третьего периода у них была полная запись передачи. В Болдершоу-Фелл продолжали принимать сигнал, но никаких отклонений не обнаруживалось. Кем бы ни была послана передача, в ней говорилось о чем-то одном, и это «что-то» повторялось снова и снова.

Теперь никто из посвященных больше не сомневался, что это была именно передача, послание из космоса. Даже в отделе коммодора авиации Уотлинга она фигурировала под названием «радиостанция Андромеда», как будто источник сигналов был известен сколько-нибудь определенно. Соответствующие работы получили шифр «Проект-А». Послание оказалось чрезвычайно длинным. Все эти точки и тире в переводе на привычный язык цифр вырастали во многие миллионы цифровых групп. Без счетных машин обработка такой массы данных потребовала бы целой человеческой жизни, но и с их помощью она заняла многие месяцы. Каждую машину нужно было научить, как обрабатывать вводимую в нее информацию; Джуди узнала, что это называется программированием. Программа состояла из набора математических действий, перенесенных на перфорированные карточки, которые вводились в машину, заставляя ее выполнять то, что требовалось. Затем в машину вводились данные – анализируемые группы цифр, – и через несколько секунд она выдавала результат. При появлении новой идеи относительно метода анализа всю операцию нужно было проделывать заново, и с каждой группой цифр в отдельности. К счастью, можно было использовать небольшие счетные машины, чтобы подготовливать данные для более крупных и мощных их собратьев. При этом каждая машина, кроме входных, контрольных и выходных устройств, располагала еще и достаточно емкой памятью, так что новые решения можно было автоматически сопоставлять с полученными ранее.

Почти все это объяснил Джуди Рейнхарт – добродушный, снисходительный, умный, тактичный Рейнхарт. После скандала в Болдершоу-Фелл он стал относиться к ней с большей симпатией и давал ей понять, что она ему нравится, – по-видимому, он ее жалел. Рейнхарта втянули в дебри межведомственной дипломатии, благодаря чему группа получила возможность работать. Именно в это время вполне проявился его талант руководителя. Каким-то образом ему удавалось и удерживать в узде Флеминга, и отбиваться от начальства, и к тому же он находил время выслушивать каждого, кто являлся к нему со своими мыслями и проблемами. При всем том Рейнхарт скромно оставался на заднем плане, переходя от одной сложной задачи к другой; он был похож на тихую, симпатичную и чрезвычайно умную птицу.

Он брал Джуди под руку и совсем понятно рассказывал о том, что они делают, как будто в его распоряжении был неисчерпаемый запас времени и знаний. Но однажды настал момент, когда Рейнхарт уже не мог осмыслить результаты вычислений, и ему пришлось передать бразды правления Флемингу. Дальше Флеминг шел уже один. Теперь Джуди поняла, что счетные машины были первой и великой любовью Флеминга и он был связан с ними узами интуиции, граничащей с волшебством.

Однако это никак нельзя было объяснить чем-то сверхъестественным, просто Флеминг достиг невероятного совершенства в овладении языком машин. Двоичное исчисление было для него родной стихией, и часто за какие-то считанные минуты он находил решения, на проверку которых Бриджер и Кристин тратили затем часы напряженного труда. И каждый раз оказывалось, что он был прав.

За несколько дней до того, как Бриджер должен был уйти, Рейнхарт пригласил его и Флеминга на совещание. Оно длилось гораздо дольше обычного, а после окончания профессор отправился прямо в министерство. На следующее утро Рейнхарт и Флеминг поехали в Уайтхолл.

– Итак, все в сборе?

Голос Осборна, несколько напоминавший лошадиное ржание, разносился по всему залу заседаний. Вокруг длинного стола, разбившись на группы, стояли и разговаривали человек двадцать. На полированном красного дерева столе их ожидали бювары, стопки чисто бумаги и карандаши, а по центру стола через правильные интервалы выстроились серебряные подносы, на которых стояли графины водой и стаканы. На одном конце стола покоился большой кожаный бювар с тиснением по углам – для Главного.

Ванденберг и Уотлинг стояли в одной группе, Рейнхарт и Флеминг – в другой; кружок почтительных чиновников в темно-сером образовался вокруг ослепительной дамы в ярком костюме. Осборн опытным взглядом оглядел собравшихся и кивнул самому молодому из темно-серых, стоявшему у двери. Тот выскользнул в коридор, а Осборн занял свое место у стола.

– Кхм, – коротко проржал он, и присутствующие неторопливо направились к своим местам. Ванденберг по приглашению Осборна сел по правую руку от председательского кресла. Флеминг, сопровождаемый Рейнхартом, демонстративно уселся у дальнего конца стола. Наступило благоговейное молчание, затем дверь распахнулась и на пороге появился сам Джеймс Роберт Рэтклифф, министр науки. Когда два-три молодых человека сорвались было с места, он благосклонно махнул рукой: «Сидите, сидите, милые мои!» – и занял свое место перед кожаным бюваром. У министра была великолепно ухоженная седая шевелюра, бело-розовое, дышащее здоровьем лицо и очень сильные, короткие и цепкие пальцы; нетрудно было представить себе, как он черпает то, что ему нужно, целыми пригоршнями. Министр приветливо улыбнулся собравшимся.

– Здравствуйте, господа. Надеюсь, я не заставил вас ждать?

Наиболее нервные из присутствующих, покачав головами, пробормотали:

– Нет!

– Как поживаете, генерал? – Рэтклифф царственно улыбнулся Ванденбергу.

— Да, старость не радость, — ответил тот, хотя отнюдь не был ни старым, ни удрученным.

Осборн кашлянул.

— Позвольте представить вам собравшихся.

— Да-да, благодарю вас. Я вижу здесь несколько новых лиц.

Осборн по очереди назвал всех, и каждому министр благосклонно кивал головой или приветливо делал ручкой. Примадонна в ярком костюме оказалась некой миссис Тэйт-Аллен из министерства финансов и представляла комиссию по субсидиям. Когда наконец очередь дошла до Флеминга, министр изменил форму приветствия:

— А, Флеминг! Надеюсь, опрометчивых поступков больше не будет?

Флеминг бросил на него взгляд через стол.

— Я помалкивал, если вы это имеете в виду.

— Именно это, — любезно улыбнулся Рэтклифф. Он уже кивал Уотлингу.

— Мы постараемся не отнимать друг у друга слишком много времени. — Он откинулся на спинку кресла, откинув свою великолепную римскую голову и посмотрел через стол на Рейнхарта. — У вас, кажется, есть для нас новости, профессор?

Рейнхарт скромно кашлянул в белый кулечек.

— Анализ выполнил доктор Флеминг, может быть, он...

— Прошу прощения, — расцвела в улыбке миссис Тэйт-Аллен, — а как же мистер Ньюби?

Мистер Ньюби, маленький, тощий человечек, по-видимому, привык к подобным щелчкам по носу.

— О, неужели, — сказал Рэтклифф. — Так восполните упущенное, Осборн.

Осборн восполнил.

— Ну, а теперь?

Двадцать пар глаз, в том числе и глаза министра, уставились на Флеминга.

— Теперь мы знаем, что это такое, — сказал Флеминг.

— Грандиозно! — восхитилась миссис Тэйт-Аллен. — Так что же это?

Флеминг пристально посмотрел на министра.

– Это программа для счетной машины, – произнес он ровным голосом.

– Программа для счетной машины?! Вы уверены?

Флеминг только кивнул в ответ. Все заговорили сразу.

– Прошу вас, господа! – повысил голос Осборн, постучав по столу. Говор улегся. Миссис Тэйт-Аллен подняла руку в любой перчатке.

– Боюсь, господин министр, здесь не всем известно, что такое программа для счетной машины.

Флеминг принялся объяснять, а Рейнхарт и Осборн облегченно вздохнули и откинулись на спинки кресел: дитя вело себя хорошо.

– А вы уже испытывали эту программу на вычислительной машине? – поинтересовалась миссис Тэйт-Аллен.

– Мы пользовались машинами, для того чтобы расшифровать передачу. Но у нас нет такой машины, в которую можно было бы загнать всю программу целиком, – Флеминг постучал пальцами по бумагам. – Для этого программа слишком велика.

– А если бы вы имели доступ к большей счетной машине? – спросил Осборн.

– Дело не только в размерах. Собственно говоря, это нечто большее, чем просто программа.

– Ну, а что же это? – спросил Ванденберг, устраиваясь поудобнее: заседание обещало затянуться.

– Видите ли, она распадается на три раздела, – Флеминг переложил свои бумаги, будто это могло что-то объяснить. – Первая часть, так сказать, техническое задание, проект, вернее, набор математических условий, который может быть интерпретирован как техническое задание. Вторая часть – это собственно программа, точнее, система команд, как мы ее называем. И третья, последняя часть – информация, которую нужно ввести в машину, чтобы она над ней работала.

— Не будете ли вы так любезны... — Ванденберг протянул руку, и бумаги перешли к нему. — Я, конечно, не говорю, что вы неправы.

Но все же я хотел бы, чтобы наши специалисты проверили вашу методику.

— Ну что ж, давайте, — ответил Флеминг. Пока бумаги переходили из рук в руки, за столом стояла почтительная тишина, и миссис Тэйт-Аллен, очевидно, почувствовала, что необходимо высказать какое-то мнение.

— Должна признаться, что это очень интересно!

— Интересно?! — Флеминг готов был вспыхнуть. Рейнхарт взял его за локоть. — Да это самое важное событие, с тех пор как сформировался человеческий мозг!

— Ну-ну, Джон, — тихо сказал Рейнхарт. Министр не обратил на этот эпизод никакого внимания.

— Что, по-вашему, теперь нужно делать?

— Построить машину, которая могла бы справиться с этим.

— Значит, вы действительно полагаете, — министр говорил медленно, тщательно выбирая слова, как шоколадки из отменного шоколадного набора, — что какие-то существа из какой-то удаленной части галактики, существа, которые никогда до этого не имели с нами контакта, сейчас любезно прислали нам схему и программу электронной машины того типа...

— Да, — сказал Флеминг, но министр неторопливо закончил свою мысль:

— ...который уже имеется у нас на Земле?

— У нас нет таких машин.

— Я говорю не о конкретной модели, а о типе. Неужели это, по-вашему возможно?

— Да, именно так и есть.

Флеминг производил на собравшихся не слишком приятное впечатление. Им часто приходилось иметь с ними дело — с этими увлеченными молодыми учеными, упрямymi, раздражительными и пренебрегающими формальной стороной дела, но с которыми все же следует обращаться бережно, ибо они и впрямь могут дать нечто ценное. Все эти чиновники, несмотря на неко-

торую свою карикатурность, отнюдь не были дураками. Они привыкли разбираться в людях и ситуациях. Сейчас многое зависело от того, что решат Ванденберг, Осборн и Рейнхарт. Рэтклифф поинтересовался мнением профессора.

— Арифметика едина для всей Вселенной, — ответил тот. — Вполне может быть, что то же относится и к принципу электронно-счетных машин.

— В конечном счете другого принципа, возможно, и вообще не существует, — вставил Флеминг.

Ванденберг поднял глаза от бумаг.

— Я не уверен, что...

— Послушайте, — тут же перебил его Флеминг, — передача все время повторяется. Если вы принимаете ее за что-то другое, попробуйте расшифровать ее сами.

Рейнхарт тревожно взглянул на Осборна, который следил за развитием событий, как судья в крикетном матче.

— Значит, вы не можете использовать существующие машины? — спросил Осборн.

— Я уже ответил!

— Вопрос представляется весьма резонным, — мягко заметил министр. Флеминг резко повернулся в его сторону.

— Эта программа просто необъятна! В даже представить себе не можете, как она велика.

— Объясните подробнее, Джон, — сказал Рейнхарт.

Флеминг глубоко вздохнул и продолжал уже спокойнее:

— Если вы хотите, чтобы машина прилично играла хотя бы в шашки, она должна воспринимать программу примерно из пяти тысяч команд. Если вы хотите, чтобы она играла шахматы, — а это возможно, я сам играл шахматы со счетными машинами — вы должны ввести в нее около пятнадцати тысяч команд. А чтобы справиться вот с этим, — он показал на бумаги, лежащие перед Ванденбергом, — нужна счетная машина, способная воспринять тысячу миллионов, точнее, десятки тысяч миллионов чисел, и тогда она сможет только приступить к обработке этой информации.

Наконец Флемингу удалось привлечь собрание на свою сторону: подобные мыслительные способности внушали им уважение.

— Значит, все дело в том, чтобы объединить необходимое число одинаковых элементов, — сказал Осборн.

Флеминг покачал головой.

— Дело не только в размерах: здесь нужен новый принцип. На Земле еще не существует таких... — он остановился, подыскивая более понятный пример, остальные внимательно ждали. — Время, за которое выполняется отдельная операция в наших наиболее современных машинах, пока еще не менее микросекунды. А для этой машины оно должно быть в тысячу раз меньшим, иначе мы все успеем состариться, прежде чем она обрабатывает это огромное количество данных. Кроме того, у машины должна быть память, — может быть, на низкотемпературных ячейках — с емкостью по крайней мере такой же, как у человеческого мозга, и притом память, контролируемая несравненно более эффективно.

— Все, что вы говорите, можно считать доказанным? — спросил Рэтклифф.

— Какие вам нужны доказательства? Прежде надо иметь возможность доказывать. Цивилизация, отправившая это послание, несомненно, на голову выше нашей. Мы не знаем, почему она это посыпает и кому, и не можем узнать. Мы ведь только жалкие *homo sapiens*, нашупывающие свой путь. Если мы хотим понять ее... — он на мгновение остановился, — если...

— Это же только гипотеза?

— Это результаты анализа! Министр снова возвзвал к Рейнхарту:

— Как вы думаете, это можно доказать?

— Я могу доказать! — снова вмешался Флеминг.

— Я спрашиваю профессора!

— Я могу доказать это — построю машину, которая расшифрует послание! — упрямко повторил Флеминг. — Вот в чем ее назначение.

— А это реально?

– Во всяком случае, для этого и было отправлено послание.

Министр начал терять терпение. Его короткие пальцы забарабанили по столу.

– Ваше мнение, профессор?

Рейнхарт помолчал, обдумывая не столько свое личное мнение, сколько ответ, необходимый в данной ситуации.

– Это потребует много времени, – произнес он наконец.

– Но это действительно целесообразно?

– Возможно.

– Мне понадобится самая лучшая из наших счетных машин, – объявил Флеминг таким тоном, будто все уже было решено, – и нынешняя наша группа в полном составе.

Осборн страдальчески поморщился: каждому посвященному было ясно, что вопрос далеко еще не решен, а министр как будто обиделся.

– Мы можем предоставить вам университетские счетные машины, – сказал Осборн так, словно это само собой подразумевалось. Но тут терпение Флеминга неожиданно лопнуло.

– Ни к черту они не годятся, эти университетские машины! Вы думаете, что в наше время лучшее оборудование имеют университеты? – Он указал на Ванденберга. – Спросите у вашего друга генерала, где находится единственная по-настоящему приличная счетная машина Англии?

Наступила короткая ледяная пауза: собравшиеся смотрели на американского генерала.

– Мне придется навести соответствующие справки.

– Не стоит, я сам вам скажу: в ракетном исследовательском центре в Торнессе.

– Эта машина используется для нужд обороны.

– Ну, еще бы! – пренебрежительно заметил Флеминг.

Ванденберг не ответил. В конце концов, нянчиться с этим младенцем – дело министра. Собрание молча ждало. Министр барабанил пальцами по кожаному бювару, и Осборн подумал, что положение не слишком обнадеживающее. Его начальника, без сомнения, все это впечатлило, но не убедило: как и боль-

шинство искренних людей, Флеминг был плохим адвокатом; у него был шанс на успех, но он не сумел им воспользоваться. Если министр ничего не предпримет, все так и останется чистой теорией университетского толка. Если же он решит что-то предпринять, то придется вести переговоры с военными и доказывать не только министру обороны, но и ванденберговскому союзному комитету, что игра стоит свеч. А Рэтклифф не торопился с ответом. Ему нравилось, когда его ждали.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — мы можем подать соответствующее ходатайство. А решать будет кабинет министров.

Некоторое время после совещания в министерстве Флемингу и его группе было нечего делать. Рейнхарт и Осборн вели переговоры — медленно и осмотрительно, а Флемингу заняться было нечем. Бриджер доканчивал свою работу, готовясь уйти. Кристин тихонько сидела за своим столом, вновь и вновь провевая сделанное. Сам же Флеминг, казалось, совершенно выкинул все это из головы и пригласил Джуди составить ему компанию.

— Какой нам смысл околачиваться здесь без дела, пока начальство решает, что к чему, — объяснил он ей и потащил ее развлекаться.

Впрочем, он ничего от нее не добивался. Ему просто нравилось ее общество, а сам он оказался внимательным и неожиданно приятным компаньоном. Джуди поняла, что его резкость в основном проистекала от презрения к чванству и глупости. Когда они мешали его делу, он злился, а случалось, приходил в ярость. Но стоило ему отойти от работы, как они просто становились излюбленной мишенью для его разящего остроумия.

— Англия медленно опускается за западный горизонт, — заметил Флеминг однажды в ответ на какой-то ее вопрос о политике и, усмехнувшись, переменил тему. Когда она попыталась извиниться за свою вспышку в Болдершоу-Фелл, он только легонько ее шлепнул.

— Все забываю, все прощаю — вот мой девиз, — сказал он и повел ее в бар еще выпить. Джуди пришлось немало вынести ради его удовольствия. Флеминг, например, любил современ-

ную музыку, а она ее не понимала; он любил быструю езду, а она боялась ее; он любил смотреть ковбойские фильмы, а их она боялась еще больше. Он безмерно уставал и в то же время не находил себе места. Из кино они бежали на концерт, с концерта отправлялись на продолжительную прогулку в автомобиле, после прогулки начинался не менее продолжительный кутеж, и в конце концов Флеминг валился с ног. Но, во всяком случае, он казался счастливым, чего нельзя было сказать о Джуди. Ей все время казалось, что она плавает под чужим флагом.

В институт они заглядывали лишь от случая к случаю, и тогда Флеминг обычно флиртовал с Кристин. Впрочем, Джуди не могла винить его: это был единственный знак внимания к девушке с его стороны, а ведь Кристин была на удивление хороша собой. Сама же Кристин, хотя она и была «влюблена в ум доктора Флеминга», как однажды призналась Бриджеру, явно не получала удовольствия от всех тех щипков и объятий, которыми награждал ее Джон. Обычно она бесстрастно продолжала заниматься своим делом. Впрочем, однажды она спросила:

– Вы когда-нибудь бывали в Торнессе, доктор Флеминг?
– Был один раз.
– Что это за место?
– Далекое и прекрасное, как вы, а также в отличие от вас бездушное, весьма мощное и сверхсекретное.

Считалось, что, если Флемингу будет разрешено поехать в Торнесс, Кристин тоже поедет. Уотлинг поинтересовался ее прошлым и счел его безупречным. Родители Кристин покинули Литву в конце войны с Гитлером, когда в страну вошли русские войска. Кристин родилась и выросла в Англии. Ее родители уже умерли, но в свое время успели получить британское подданство, а сама она благополучно прошла все и всяческие проверки.

Деятельность Денниса Бриджера казалась гораздо более интересной. По мере того как приближался день его ухода с работы, он все чаще и чаще вел какие-то непонятные переговоры по междугородному телефону и, по-видимому, был чем-то очень

обеспокоен, хотя ни разу и словом не обмолвился об этих звонках. Как-то утром Джуди сидела с ним в комнате одна; Бриджер, казалось, нервничал больше обычного. Зазвонил телефон, и Бриджер буквально вырвал трубку у нее из рук. Очевидно, его куда-то вызвали: он сослался на какой-то не слишком убедительный предлог и вышел. Джуди следила за ним в окно и видела, как он пересек площадь и вышел на улицу, где его ждал огромный, очень дорогой автомобиль.

Когда Бриджер приблизился, дверца распахнулась и на встречу ему вышел шофер необыкновенно высокого роста, в на-глухо застегнутом одеянии бледно-горчичного цвета, бриджах и блестящих кожаных крагах.

– Доктор Бриджер?

Шофер носил темные очки и говорил с легким, едва различимым иностранным акцентом. Автомобиль, весь сияющий и немыслимо роскошный, походил на современный самолет, разве что без крыльев. Из хвостовых стабилизаторов поднимались две радиоантенны на высоту человеческого роста, такого, как у шофера. Все это, вместе взятое, производило впечатление чего-то нелепого, не соответствовало привычным масштабам.

Шофер распахнул заднюю дверцу и держал ее, пока Бриджер не уселся. Внутри оказались необычайной ширины сиденье, пушистый ковер на полу, голубоватые стекла; в дальнем углу сидел низенький, совершенно лысый человечек.

Коротышка протянул руку, на которой блеснуло кольцо.

– Я – Кауфман.

Шофер вернулся на свое место за стеклянной перегородкой, и автомобиль тронулся.

– Вы не против, если мы немного поездим? – акцент Кауфмана не оставлял сомнений: это был немец, преуспевающий и уверенный в себе. – Если человека видят в неподходящем месте, могут начаться разговоры.

Раздалось негромкое жужжание. Кауфман взял белую телефонную трубку, которая висела перед ним. Бриджер видел, как шофер что-то говорит в микрофон, укрепленный около руля.

– Да! – Кауфман слушал несколько секунд, а потом обернулся и поглядел через заднее стекло. – Да, Эгон, вижу. Тогда поезжайте по кругу, поняли? И Штутгарт... вызовите Штутгарт.

Он положил трубку и повернулся к Бриджеру.

– Мой шофер говорит, что за нами едет такси. – Бриджер поглядел через плечо. Кауфман усмехнулся, во всяком случае изобразил что-то похожее на улыбку. – Не надо беспокоиться. В Лондоне всегда такси. Он увидит, что мы никуда не едем. Важно только, что я вызвал Штутгарт. – Он открыл серебряный ящичек с миниатюрными сигарами. Курите?

– Нет, благодарю вас.

– Вы посыпали мне «телекс» в Женеву, – Кауфман взял сигару сам. – Несколько месяцев назад.

– Да.

– С того времени мы ничего от вас слышали.

– Я передумал. – Лицо Бриджера нервно задергалось.

– А сейчас, может быть, настало время еще раз передумать?

Последние несколько месяцев мы очень недоумевали. – Он говорил серьезно, но дружелюбно и спокойно. Бриджер снова с опаской оглянулся на заднее стекло.

– Да не беспокойтесь же. За ним ведется наблюдение. – Он поднес серебряную зажигалку к концу сигары и затянулся. – Это действительно была передача?

– Да.

– С какой-нибудь планеты?

– С очень удаленной планеты.

– Находящейся где-то в Андромеде?

– Вот именно.

– Ну, значит, до нее очень далеко.

– Что вы хотите?.. – Бриджер передернулся, когда до него додыл сигарный дым.

– Что мы хотим? Сейчас я к этому перейду. В Америке – а в то время я был в Америке – это вызвало огромное волнение. Все были очень встревожены. И в Европе, всюду. Затем ваше правительство заявляет: «Ничего. Ничего важного. Мы сообщим

позднее». И так далее. И люди забывают; месяц за месяцем, и постепенно люди забывают. Слишком много других причин для беспокойства. Но ведь что-то есть?

– Официально – нет.

– Конечно, официально нет ничего. Мы пробовали, но всюду – глухая стена. У всех рот на замке.

– И у меня тоже.

Они уже проехали с полпути и в этот момент огибли Риджент-парк. Бриджер поглядел на часы.

– Мне надо скорее вернуться.

– Вы работаете для английского правительства? – Кауфман задал этот вопрос, словно вел светскую беседу.

– Я вхожу в состав группы.

– Работаете сейчас над передачей?

– Почему это вас интересует?

– Нас интересует все, что важно. А это может быть очень важно.

– Может, так. А может, и нет.

– Однако вы продолжаете эту работу? Пожалуйста, не сидите с таким скрытным видом. Я не пытаюсь ничего из вас вытянуть.

– Нет, я не собираюсь ее продолжать.

– Почему же?

– Я не хочу оставаться на государственной службе.

Они проехали мимо зоопарка и свернули к Портлэнд-плейс. Кауфман с довольным видом попыхивал сигарой, а Бриджер ждал, что последует дальше. Когда они повернули к Мэрилбон, Кауфман сказал:

– Вы хотите что-нибудь поприбыльнее? У нас?

– Раньше действительно хотел, – сказа Бриджер, уставившись на свои ботинки.

– До этого неприятного происшествия Болдершоу?

– Вам это известно? – Бриджер внимательно посмотрел на своего собеседника. – О том, что случилось у Олдройда?

– Конечно, известно.

Кауфман был любезен, почти ласков. Бриджер снова перевел взгляд на свои ботинки.

– Я не хотел никаких неприятностей.

– Вы не должны так легко отказываться, – сказал Кауфман.

– В то же время не следует приводить к нам нежелательных людей. У нас и так дел хватает.

Они снова повернули на север и поехали по Бейкер-стрит.

– Я думаю, вам следует остаться на своем месте, – сказал Кауфман, – а также поддерживать контакт со мной.

– Сколько?

Кауфман широко раскрыл глаза.

– Простите, я не понял?

– Но если вы хотите, чтобы я снабжал вас информацией...

– О, доктор Бриджер! – Кауфман засмеялся. – Действительно, в вас нет этого... тонкости.

Снова зажужжал телефон. Кауфман взял трубку.

– Кауфман слушает... Да-да... Das ist Felix?¹ – сказал он.

Они еще дважды объехали вокруг парка, а потом высадили Бриджера неподалеку от института. Джуди наблюдала, как он возвращался, но он ей ничего не сказал. Он испытывал к ней глубокое недоверие.

Через полчаса такси, следовавшее за автомобилем Кауфмана, подъехало к телефонной будке, и из него вышел Харрис. Хотя его нога все еще была забинтована и передвигался он с трудом, Харрис считал себя снова годным для работы. Он расплакался с водителем и заковылял к телефонной будке. Едва такси отъехало, у тротуара остановилась другая машина; она поджидала Харриса.

К телефону подошел адъютант Уотлинга – изнывающий от скуки лейтенант конной гвардии; в министерстве обороны к этому времени происходило «слияние».

¹ Это Феликс? (*нем.*)

– Понимаю... Лучше возвращайтесь поскорее и дождите лично.

Едва он повесил трубку, как в кабинет торопливо вошел сам Уотлинг, возбужденный и озабоченный после очередного совещания с Осборном.

– Ля-ля-ля... только и делают, что языком чешут. – Он швырнул портфель на стул. – Что-нибудь новое?

– Звонил Харрис.

– Ну и?..

Уотлинг утвердился за своим письменным столом. Это было громоздкое металлическое сооружение – вполне под стать суворой, неприглядной комнате с голыми бетонными стенами и пожарной инструкцией на дверях. Гвардеец привычно поднял свою кавалерийскую бровь.

– Он сообщил, что Бриджер замечен с известным лицом.

– С кем? Да бросьте вы этот жargon.

– С Кауфманом, сэр.

– С Кауфманом?

– С агентом «Интеля» – это международный картель.

Уотлинг уставился на голую стену. В те времена, несмотря на антитрестовские законы и существование Общего рынка, все еще существовало несколько больших международных картелей. Деятельность их трудно было назвать вполне законной, но они были чрезвычайно мощными и иногда брали за горло всю европейскую торговлю. В эпоху, когда Западу все время грозил бойкот со стороны какой-нибудь одной, а то и сразу всех стран, поставлявших ему сырье, это, естественно, открывало широчайшие возможности для торговых компаний, не страдающих особой щепетильностью. «Интель» прославился полным отсутствием таковой и снискал всеобщую ненависть. Все, что попадало ему в лапы, в наиболее благоприятный момент с максимальной выгодой продавалось в столице того или иного государства.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Они сделали два или три круга в кауфмановском баре на колесах, а затем вернулись к месту, откуда началась поездка.

Поглаживая подбородок, Уотлинг обдумывал полученные сведения.

– Вы считаете, что это результат его деятельности в Болдершоу?

– Так считает Харрис. – И поэтому-то на Харриса тогда напали, избили и бросили его?

– Отчасти.

– Но, как бы то ни было, чем меньше эти господа будут осведомлены в данном вопросе, тем лучше.

Если уж какие-либо сведения попадали в руки «Интеля», то проследить их дальнейший путь было чрезвычайно трудно. У картеля имелось совершенно легальное представительство в Лондоне, официальная контора в Швейцарии и отделения на трех континентах. Информация передавалась по приватным каналам картеля с молниеносной быстротой, и едва ли можно было воспрепятствовать этому. Никакое расследование здесь не помогло бы. Пока вы перерывали контору на Пикадилли, интересующие вас сведения уже обменивались на марганец или бокситы за границей, в какой-нибудь не слишком дружественной вам стране. Для «Интеля» не существовало ничего святого, не-прикосновенного.

– Полагаю, что Бриджер будет и дальше поставлять им сведения, – сказал Уотлинг.

– Но считается, что он уходит, – напомнил ему адъютант.

– Теперь он вряд ли уйдет. Они купят его с потрохами. – Он вздохнул. – Так или иначе, а он все знает от Флеминга. Их ведь водой не разольешь.

– Вы считаете, что Флеминг в этом замешан?

– А-ах! – Уотлинг даже отодвинулся стуле и безнадежно махнул рукой. – Этот – просто невинный младенец. Он разболтает что угодно, только бы показать, какой он независимый. Вспомните, что произошло в Болдершоу. А теперь они к тому же осчастлиviaят нас своим присутствием.

– Как так?

– Как? Придется-таки вам изучить их лексику и фразеологию. Они перебираются под крыльишко нашего министерства – вот как. Вся компания. Флеминг непременно хочет строить свою сверхмашину в ракетном исследовательском центре в Торнессе!

– О-о!

– Но это совершенно секретно.

– Разумеется, сэр, – произнес адъютанткой сдержанностью. – Это уже согласовано?

– Будет согласовано. Я всегда нюхомчуя, когда готовится глупость. Ванденберг в ярости. Наверное, и весь комитет. Но Рейнхарт целиком за это, и Осборн, и их министр тоже. Надо думать, кабинет согласится.

– Значит, мы не можем не пустить их?

– Мы можем следить за ними. Для начала надо бы оставить при них Харриса.

– У них в Торнессе своя служба безопасности. Армейская, – с гордостью добавил адъютант.

Коммодор авиации презрительно фыркнул.

– Харрис может сотрудничать с ними.

– Харрис хочет выйти из игры.

– Почему?

– Он уверен, что его засекли.

– Я не понимаю. Как так? – Уотлинг с улыбкой взглянул на него.

– Ну, они же зверски избили его в Болдершоу и, возможно, считают, что он раскопал нечто важное.

– Может быть, так оно и есть. Где он сейчас?

– Следит за ними. Потом явится доложить лично.

Но Харрису не суждено было больше ни о чем докладывать. На следующее утро Джуди и Флеминг обнаружили его труп под чехлом флеминговской машины.

После того как Джуди оправилась от тошноты и они побывали в полиции, тело было увезено и они наконец вернулись в институт, где их ждала телефонограмма: Флеминга срочно вы-

зывали в министерство науки. Джуди ожидала его возвращения в обществе Кристин; чувствуя себя расстроенной и несчастной, она рассказала обо всем приехавшему Уотлингу. Кристин продолжала спокойно работать и оторвась лишь для того, чтобы дать Джуди две таблетки аспирина. При этом у нее был вид человека, творящего добро безотносительно к достоинствам страждущих.

Уезжая в министерство, Флеминг поцеловал Джуди в щеку. Она слабо улыбнулась в ответ.

— Зачем им понадобилось подбрасывать его мне? — недоуменно спросил Флеминг.

— Это не тебе. Это мне, в виде предупреждения.

Флеминг возвратился в полдень, не чуя по собой ног от радости. Он стащил Кристин со стула и прижал ее к груди.

— Утверждено и подписано!

— Что? — изумленно спросила Джуди.

— Разрешение в трех экземплярах от начальства нашего турбореактивного коммодор. Они распахивают врата и пропускают нас за свои драгоценные проволочные заграждения.

— Торнесс? — спросила Кристин, выкручиваясь из его объятий.

Флеминг плюхнулся на ее стол.

— Нам милостиво разрешается работать на их распрекрасных машинах, построенных на денежки налогоплательщиков. До сих пор эти машины берегли для игры в солдатики.

— Когда? — спросила Джуди. Флеминг соскользнул со стола и, подойдя к Джуди, заключил ее в объятия.

— Как только будем готовы! Мы получим первоочередное право для работы на главной машине, кроме случаев, которые уморительно именуются «государственной необходимостью». Нас избавят от утренних проверок. Нас снабдят пропусками. У нас снимут отпечатки пальцев, нам промоют мозги и поищут, не завелись ли в голове насекомые. И мы построим чудо этого века! — он отпустил Джуди и простер руки к Кристин. — Вы и я, дорогая! Мы им покажем, правда? Как это их министерское сия-

тельство спросил: «А это доказано?» Мы ему докажем! «Возьмем мир за углы и встряхнем», как сказала одна звезда стриптиза. А Серебряные Крылышки придет снабдить нас инструкциями.

Он принялся насвистывать «Серебряные крылья на поле золотом» и потащил обеих девушек завтракать, но Джуди не могла есть. О Бриджере не было ни слуху ни духу.

Уотлинг явился во второй половине дня, спокойный, но суровый, как зашедший в класс директор. Он усадил их и принял ся поучать.

— Смерть Харриса — прямое следствие того, что он работал с вами.

— Но ведь он был простым лаборантом.

— Он был агентом контрразведки.

— Да ну-у?

Это было новостью для Кристин и Флеминга. Последний спросил издевательски, с напускным легкомыслием:

— Нашей, что ли?

— Нашей.

— Очаровательно!

— Не льстите себя мыслью, Флеминг, что все произошло из-за того, чем вы занимаетесь. Вы еще не настолько значительная персона. — Девушки тихо сидели и слушали, а Уотлинг обращался уже только к Флемингу. — Вероятно, Харрис, охраняя вас, наткнулся на что-то еще.

— Ну, а зачем же он охранял нас, если мы такие незначительные?

— Но другим — кое-кому — не известно, важна ваша работа или нет. Им известно, что какие-то события происходят, потому что вы тогда распустили языки. И это может быть важным в стратегическом отношении, а может и не быть.

— Вы знаете, кто убил Харриса? — тихо спросил Флеминг. До него, кажется, стало доходить, насколько он причастен к этой смерти.

— Да!

- Это уже кое-что.
 - И мы знаем, кто им заплатил.
 - Ну, тогда ваше дело в шляпе.
 - Если не считать, что нам не разрешат их даже пальцем тронуть, – сухо заметил Уотлинг, – по дипломатическим соображениям.
 - Совсем прелестно!
 - Видите ли, этот мир вообще нельзя назвать прелестным. – Он поглядел на них с видом человека, выполняющего неприятный долг. Уотлинг был сдержан и скромен, он не любил поучать. – Вам, людям, привыкшим к спокойной и тихой жизни в ваших лабораториях, придется усвоить, что отныне вы выполняете задание.
 - Что выполняем? – спросил Флеминг.
 - Задание. Если эта ваша идея правильна, то мы получим нечто очень ценное.
 - Кто это «мы»?
 - Страна.
 - Ах, да, конечно!
- Уотлинг оставил эти слова без ответа. Он уже достаточно слышал об отношении Флеминга к существующему государственному строю.
- Даже если ничего не выйдет, ваша работа привлечет внимание. Торнесс – важное место, и кое-кто ни перед чем не остановится, лишь бы узнать, что там происходит. Вот почему я вас предупреждаю. Вас всех! – Он взглянул на каждого проницательными синими глазами. – Вы теперь не в университете – вы в джунглях. Пусть на первый взгляд они покажутся вам душным бюрократическим мирком, где политики и чиновники, вроде меня, твердят банальности, но все равно это джунгли. Можете мне поверить. Секреты продаются и покупаются. Идеи крадутся. И при этом иногда страдают люди. Вот как делаются дела в нашем мире! Пожалуйста, помните об этом.

После его ухода Флеминг вернулся к счетным машинам, а Джуди отправилась в Уайт-холл за дополнительными инструк-

циями. К концу дня объявился Бриджер; он был чем-то встревожен и разыскивал Флеминга.

— Деннис! — Флеминг выскочил из дверей машинного зала.

— Мы уезжаем!

— Уезжаете?

— В Торнесс! Мы теперь важные!

— Прекрасно, — без всякого выражения сказал Бриджер.

— Министр науки взял верх. Человечество готовится шагнуть в джунгли, как утверждают наши друзья в мундирах. Может быть, все-таки передумаешь, а? Присоединяйся к толпе счастливых!

— Да, конечно. Спасибо, Джон. — Бриджер опустил глаза и болезненно сморщился, мучительно преодолевая нерешительность. — Как раз поэтому я тебя искал. Я действительно передумал.

К тому времени, когда Джуди добралась до Осборна, тот уже все знал.

ГЛАВА IV

Никто никогда не ездил в Торнесс ради удовольствия. Чтобы попасть туда из Лондона, нужно было затратить не менее двенадцати часов – сначала самолетом до Абердина, затем на дизельном экспрессе через Шотландское нагорье к городку Гэрлох на западном побережье. Торнесс был следующей железнодорожной станцией к северу от Гэрлоха. Впрочем, с железной дороги не было видно ничего, кроме маленькой чахнущей деревушки, дикого скалистого берега да вересковых пустошей. Ракетный центр располагался на небольшом полуострове напротив широкого пролива между островами Скай и Льюис. Перешеек был отделен от суши высокой оградой из металлической сетки, поверх которой была натянута колючая проволока; ворота защищены сторожевыми будками с вооруженными часовыми, а вдоль ограды и по прибрежным обрывам ходили патрули с собаками. Со стороны моря на серой глади Атлантического океана виднелся лишь островок, населенный птицами, да иногда проходил случайный патрульный катер. Под облачным небом все вокруг было зеленым, серым или коричневым, и, если не считать звуков, время от времени доносившихся из-за ограды, здесь царила тишина.

Когда Рейнхарт и Флеминг сошли с поезда, лил дождь. На станции их встретила черная служебная машина, которую вела молодая женщина в зеленой форме. Разбрызгивая воду, они помчались по шоссе через голую, поросшую вереском равнину к воротам Центра. Здесь сержант в форме шотландского полка проверил пропуска и по телефону доложил директору о их прибытии.

Административные службы размещались в длинном и узком одноэтажном здании, стоявшем посреди большого двора.

Хотя оно было новым и современным, все же в нем осталось что-то от традиционной мрачности казармы. Однако кабинет директора производил совсем иное впечатление. Черные полы сияли, на лампах – белые плафоны обтекаемой формы, шторы свешивались до полу, а карты и схемы на стенах были вставлены в полированные рамки. За столом директора, огромным и роскошным, сидел человек с узким морщинистым лицом. На столе стояла табличка, на которой аккуратными черными буквами было выведено: «Доктор Ф. Т. Н. Джирс».

Джирс вежливо, но без особого энтузиазма поздоровался с Рейнхартом и Флемингом, старательно делая вид, что его должность ему в тягость.

– Вы увидите сами, какая здесь ужасная тоска, – сказал он, угощая их сигаретами, которые хранились в отполированном стакане из головки ракеты. – Мы, разумеется, заочно знакомы друг с другом.

Рейнхарт осторожно опустился в одно из кресел для посетителей; оно оказалось настолько низким, что сидящий за столом хозяин был еле виден профессору.

– Если не ошибаюсь, мы уже контактировали с вами по вопросам, связанным со слежением за ракетами. – Рейнхарту при разговоре приходилось вытягивать шею; безусловно, та было сделано намеренно. Флеминг понял это усмехнулся.

Физик по образованию, Джирс много лет был научным руководителем различных военных проектов и к этому времени больше походил на солдафона, чем на ученого. Где-то глубоко под маской ревностного службиста скрывался разочарованный исследователь, но из-за этого Джирс только сильнее завидовал чужому успеху, больше раздражался из-за массы мелких неотложных вопросов, которые ему приходилось решать каждый день.

– Насколько мне известно, вы должны вскоре начать свои работы на нашей территории. – Несмотря на свой занудливый характер, Джирс был способным администратором и уже все подготовил к приему гостей. – Но, конечно, будет нелегко. Мы не можем предоставить вам неограниченные возможности.

— Мы же не просим... — начал Рейнхарт. Флеминг перебил его:

— Насколько мне известно, за нами закреплено преимущественное право? — Джирс холодно взглянул на него и стряхнул пепел в пепельницу из головки поршня.

— Вам выделят определенные часы для работы на главной счетной машине. Вы получите собственное лабораторное помещение и квартиры для вашей группы. Это будет на нашей территории, и вы будете подчиняться нашему режиму, однако вам выдадут пропуска и вы сможете свободно приходить и уходить, когда захотите. Нашу службу безопасности возглавляет майор Кводдинг, а я отвечаю за научную работу.

— Но не за нашу, — сказал Флеминг, не глядя на Рейнхарта.

— У меня более низменные, но и более насущные дела. — Джирс, насколько мог, игнорировал Флеминга и обращался только к профессору. — У вас, у министерства науки, цели более возвышенные, но, так сказать, более отвлеченные и расплывчатые.

На столе в рамке стояла фотография жены и детей директора.

— Интересно, как они ладят между собой? — сказал Флеминг Рейнхарту, когда они вышли.

На улице все еще лил дождь. Один из помощников Джирса повел их мимо административного здания, через двор, по мокрой траве, по бетонным дорожкам, мимо низких, похожих на бункеры строений, наполовину укрытых под землей, вверх к стартовой площадке на мысу.

— Сегодня еще тихо, — сказал провожатый, когда они нагнулись, защищаясь от хлестких струй. — Обычно здесь такоетворится, что только держись.

Несколько небольших ракет в нейлоновых чехлах поклонились на наклонных стартовых установках. Они были повернуты в сторону моря. Одна ракета, побольше, стояла вертикально на главном пусковом столе; тщательно принайтовленная к пусковой башне, она казалась неподъемной и вросшей в землю.

— Мы здесь не держим ничего особенно большого. Это все перехватчики. Маленькие, да удаленькие, так сказать. Разумеется, здесь высшая степень секретности, обычно мы не пускаем к себе гостей.

Главная счетная машина, помещавшаяся большом лабораторном корпусе, производила впечатление. Она была американского производства и втрое больше любой из машин, на которых они когда-либо работали. Дежурные инженеры вручили Флемингу расписание, где были отмечены отведенные ему часы. Хозяева держались довольно любезно, но не проявили особого интереса к работе гостей. Затем им показали незанятое служебное помещение, отведенное для них, и несколько стандартных домиков, маленьких и неуютных, но чистых, обставленных казенной мебелью.

Хлюпая в промокших ботинках по грязи, они прошли к жилым корпусам, где им показали столовую и клуб для старшего персонала, магазин, прачечную, гараж, кинотеатр и почту. Сотрудники Центра были обеспечены всем необходимым, и им незачем было выходить за пределы городка, разве только чтобы полюбоваться вереском и небом.

За первые два-три месяца в Торнесс переехала только основная группа: Флеминг, Бриджер, Кристин, Джуди и несколько ассистентов. Лаборатории были завалены листами с вычислениями, схемами, синьками и расставленными как придется опытными макетами различных электронных устройств. Флеминг и Бриджер просиживали ночи напролет над электронными блоками будущей машины и схемами соединения; здание постепенно заполнялось: приезжало все больше научных сотрудников, ассистентов, чертежников, инженеров.

В начале весны из Глазго прибыли представители фирмы, подписавшей контракт на поставку оборудования, и все вокруг запестрело надписями «Макинтайр и сыновья». Здание для «сверхмашины», как окрестили это детище флеминговского интеллекта, находилось на территории Центра, но в некотором отдалении от городка; к нему то и дело подъезжали грузовики с оборудованием, исчезавшие в воротах.

Постоянные сотрудники Центра наблюдали за всей этой суетой с живым интересом, но это их не касалось и они продолжали заниматься собственными делами. Примерно каждую неделю со стороны стартовых установок доносился могучий рев, за ним следовала яркая вспышка, и очередные четверть миллиона фунтов из карманов налогоплательщиков взлетали в воздух. Пасущиеся в округе коровы и овцы лениво разбегались; затем в конструкторских бюро несколько дней продолжалась лихорадочная деятельность. Вообще же окрестности здесь были тихими и неразведанными, а когда дождь прекращался, они становились невыразимо прекрасными.

Младшие члены группы Рейнхарта быстро подружились с персоналом Центра и охранявшими его солдатами. Они вместе ели, пили, гуляли по окрестностям и носились по заливу на маленьких парусных лодках. Но Флеминг и Бриджер держались особняком, за что получили прозвище «небесные близнецы». Если их не было возле строящейся машины или в лаборатории, значит, они работали в домике Флеминга или Бриджера. Иногда Флеминг, решая какую-нибудь проблему, запирался у себя один, а Бриджер, прихватив полевой бинокль, отправлялся на моторной лодке на птичий островок Торхольм.

Рейнхарт распоряжался из Лондона; он регулярно приезжал в Центр, но большую часть времени проводил в недрах Уайтхолла, добиваясь утверждения планов, смет, разрешений, а также занимаясь бесчисленными отчетами, которые все время за-прашивало правительство. В результате все, что требовалось для бесперебойной работы, они получали очень быстро, и задержки с материалами бывали редки. Рейнхарт скромно утверждал, что Осборн в подобных делах маг и волшебник.

Только Джуди оказалась на отшибе. Помещение, где она работала, было в стороне от лаборатории, в главном административном корпусе, а жить ей пришлось вместе с сотрудниками Центра. Флеминг, хоть и был всегда очень приветлив, не мог уделять ей много времени. Бриджер и Кристин старательно ее избегали. Она умудрялась следить за общим ходом работы и по-

рой принимала приглашения офицеров отправиться на прогулку по окрестностям, но и только; дальше этого дело не шло. В долгие зимние вечера она пробовала вышивать, лепить и даже снискала себе этим репутацию артистической натуры. На самом деле ей просто было скучно.

Когда новая счетная машина была почти закончена, Флеминг повел Джуди осматривать ее. Сам он относился к машине с благоговейным страхом, к которому примешивалась неприязнь. Либо он во всем ошибался, либо должно получиться нечто невообразимое и сверхъестественное. Видно было, что Флеминг страшно утомлен: он отчаянно устал и устало отчаялся. Но машина поражала воображение. Она была так велика, что пульт управления находился внутри нее.

— Мы тут как Иона во чреве китовом, — объявил Флеминг Джуди, указывая на потолок. — Там установлен основной агрегат системы охлаждения — гелиевый охижитель. Сердечники запоминающего устройства непрерывно омываются потоком жидкого гелия.

За тяжелыми двойными дверьми находилось обширное помещение размером с танцевальный зал, в центре которого до самого потолка подымалась панель, состоящая из множества электронных блоков. Напротив панели стоял главный пульт управления, обращенный задней стороной к двери. На одном конце пульта виднелось что-то напоминающее обычную клавиатуру пишущей машинки; на другом помещалось печатающее устройство. Кроме того, на пульте было еще несколько клавиатур и приспособления для обработки перфокарт. Осветительные плафоны пока не работали — горела только одинокая лампочка на пульте, да еще несколько переносных ламп свешивалось с аппаратурных стоек. Зал был в полуподвальном помещении без окон. Он походил на таинственную пещеру.

— Это все аппаратура управления и контроля, — пояснил Флеминг, показав на возвышавшуюся перед ними металлическую стену, — а это — входные устройства.

Флеминг показал Джуди клавиатуру телетайпа, магнитофон и приставку для работы с перфокартами, добавив:

– Она-то хотела иметь очень хитрую магнитную воспринимающую систему, но мы решили изменить ее и поставить обычный магнитофон. Так легче для нас, зрячих.

– Она?!

Флеминг как-то странно взглянул на Джуди.

– Я говорю «она», потому что воспринимаю ее как самостоятельный разум, почти как личность.

Джуди так давно жила в этой атмосфере, что свыклась с подобной мыслью. Она позабыла тот трепет, который охватил ее тогда, в Болдершоу-Фелл, когда телескоп впервые принял послание из космоса. С тех пор было так много тревог и уводящих в сторону событий, что основная цель их работы подернулась дымкой, да к тому же само послание приняло вполне земной образ построек, кабелей и сложного, но изготовленного людьми оборудования. Но, стоя здесь рядом с Флемингом, который казался не просто усталым, но одержимым, движимым какой-то внешней неведомой силой, Джуди не могла не ощутить присутствия неземной мощи, притаившейся где-то в сумраке зала. Это чувство возникло на мгновение и рассеялось. Оно не завладело ее сознанием, подобно тому как это, видимо, случилось с Флемингом, и все же вновь по ее спине пробежал холодок.

– А это – выходные устройства, – сказал Флеминг, который, казалось, не заметил ее волнения. – Ее мыслительный процесс облечён в форму двоичного исчисления, но мы заставляем ее выдавать результат в десятичной системе, чтобы сразу можно было считывать.

Металлическую стену перед ними прорезала полоса индикаторной панели.

– Что это? – поинтересовалась Джуди, показывая на несколько сот неоновых лампочек, расположенных рядами между двумя узкими металлическими пластинами, выступающими под прямым углом к поверхности панели. На пластины были надеты прозрачные футляры из органического стекла.

– Это тоже для контроля. Лампочки – просто разновидность контрольного устройства. Они показывают, как через машину проходят данные.

– А вы уже вводили какие-нибудь данные?

– Нет еще.

– Ты, наверное, не сомневаешься, что машина заработает?

– Никогда не допускал иной мысли. Они бы не стали передавать конструкцию машины, которая не работает. – Уверенность, звучавшая в его голосе, не была простой самонадеянностью. Казалось, его устами говорит кто-то другой.

– Это если ты все правильно понял...

– Я понял все. Вернее, почти все. Например, я не совсем понимаю, для чего нужно это, – он указал на металлические пластины футлярах из органического стекла. – Это электрические контакты с напряжением около тысячи вольт между ними; потому-то мы и надели на них предохранительные футляры. Они предусмотрены конструкцией, и я уверен, что мы научимся их использовать. Возможно, что это какие-то воспринимающие устройства.

Он говорил все с той же уверенностью, и, по-видимому, его нисколько не смущала сложность машины. Казалось, его ум давно к этому подготовлен и только ожидал счастливой возможности. Теперь Джуди поняла, какую тоску и пустоту он, должно быть, испытывал год назад, когда толковал о прорыве и о сломанных перилах. Правда, и сейчас он не выглядел более счастливым. Она вспомнила пророчество Бриджера: «Джон никогда не будет счастлив».

Все, что они осматривали потом, казалось относительно простым и понятным.

– Работает она так, – пояснял Флеминг. – Мы вводим данные через телетайп – это самый быстрый способ из всех, какие у нас есть. Управляющее устройство решает, что с ними делать. Арифметическое выполняет расчеты, обращаясь, когда нужно, к памяти. Результат поступает на выходное печатающее устройство. Кабели проложены под полом, а арифметические блоки располагаются по боковым стенам. До сих пор это напоминало

устройство обычных систем, но здесь сходство и кончается: скорость работы и емкость тут такие, какие нам раньше и не снились.

Вокруг стояла полная тишина. По сторонам матово поблескивали ряды металлических стоек с аппаратурой, храня свои секреты. Из полумрака невидящие глядела контрольная панель. Флеминг оглядывался с хозяйственным видом; он казался частью этой машины, подобно тому как за рулем был частью своего автомобиля.

— Она будет выглядеть симпатичнее, когда заработает, — сказал Флеминг и повел Джуди в другую половину зала, скрытую за стойками контрольных устройств.

Там оказалось большое полукруглое помещение, столь же слабо освещенное. В центре его возвышалась огромная, одетая в металл колонна.

— А вот сердце машины — память. — С этими словами Флеминг открыл одну из панелей в нижней части колонны и зажег расположенную внутри специальную лампочку. — Вот, можете полюбоваться этим достижением молекулярной электроники. Ячейки памяти образуют как бы сердечник. Он помещен в полный вакуум и находится при температуре в один-два градуса выше абсолютного нуля. Вот зачем нужен жидккий гелий.

Джуди заглянула внутрь и увидела куб высотой около трех футов из чего-то похожего на металл. Этот куб был заключен в стеклянный Цилиндр и опутан охлаждающими трубопроводами. Флеминг говорил привычными фразами, словно читал лекцию:

— Каждый сердечник состоит из чередующихся слоев проводящего и непроводящего вещества толщиной в несколько десятых дюйма. Слои перекрещиваются и образуют структуру, похожую на пчелиные соты. В результате образуется полная бинарная ячейка, умещающаяся на микроскопически малом кусочке металла.

— И эта ячейка соответствует клетке мозга?

— Если угодно.

– А сколько здесь таких ячеек?

– Объем сердечника – около одного кубометра. Следовательно, ячеек несколько тысяч миллиардов. А всего таких сердечников шесть.

– Значит, это больше, чем человеческий мозг?!

– О да! И намного. Да и работает он быстрее и лучше.

Он закрыл дверцу и замолчал. Джуди попыталась представить, как все это будет работать, но задача оказалась ей не по силам. Она не могла понять самой сути дела. Все было слишком огромным и необычным, чтобы уместиться в ее воображении. Джуди поздравила Флеминга и пошла к выходу. Флеминг смотрел ей вслед, одинокий и погруженный в какие-то невеселые размышления, но так и не попытался остановить ее. Затем он снова принял – в который раз – проверять расчеты.

Денниса Бриджера в отличие от Флеминга нельзя было назвать слишком увлеченным работой. Он делал свое дело флегматично, угрюмо и не предпринимал явных попыток установить связь с «Интелем». Майор Кводринг со своими подчиненными внимательно следил за ним. Устраивались периодические проверки сотрудников, выходящих через главные ворота, чтобы убедиться, что никто не выносит какой-либо документации и секретных материалов. Однако Бриджер не делал решительно ничего, что могло бы вызвать подозрения. Ездил он только на прибрежный островок Торхольм, откуда возвращался с яйцами чаек и олуш, а также с умилительными фотографиями тупиков. Посулы Кауфмана, сколь бы соблазнительны они ни были, казалось, не возымели действия.

Джирс со своей стороны относился с подозрением ко всей группе в целом. Хотя он и не ставил им палки в колеса, взаимоотношения между ними установились враждебные. Было ясно, что если бы эксперимент не удался, он почувствовал бы себя в некотором роде удовлетворенным. Однако теперь, когда сверхмашина была почти готова и у его подчиненных и начальников интерес к ней возрастал, Джирс принял меры, чтобы возможный успех был приписан ему. Именно он предложил устроить официальную, но негласную церемонию открытия. И ми-

нистр науки, чтобы взять реванш за прошлогоднюю неудачу в Болдершоу-Фелл, позволил уговорить себя и дал согласие разрезать ленточку в Шотландии. Флеминг пытался, насколько возможно, оттянуть эту церемонию, однако в конце концов она была назначена на один из октябряских дней; к этому времени в машину следовало ввести программу, чтобы она была полностью готова к приему данных. Генерал Ванденберг и десятка два ответственных чиновников в Уайтхолле попросили своих секретарей сделать пометки в календарях.

У Джуди наконец появилась работа. Конечно, ни о какой прессе не могло быть и речи, зато нужно было согласовать церемонию открытия с различными министерствами и разработать с помощниками Джирса программу визитов. Джуди почти не видела Флеминга. Закончив работу, она долго гуляла одна по вересковым полям, несмотря на ненастье ранней осени.

Примерно за неделю до открытия, гуляя, она увидела далее-ко в море большую белую океансскую яхту. От Городка ее закрывал остров Торхольм, и увидеть ее можно было только пройдя большое расстояние вдоль берега моря. Джуди заметила ее, когда к вечеру возвращалась домой по тропе над прибрежным обрывом.

На следующий день яхта все еще была на том же месте, и Джуди, которая шла по тропинке между обрывом и вересковыми зарослями, показалось, что она заметила вспышки сигнального фонаря.

Само по себе это не возбудило бы ее любопытства, если бы вдруг откуда-то сверху до нее не донесся шум автомобильного мотора. Она инстинктивно нырнула за куст дрока и замерла в ожидании. Это была явно дорогая машина; ее мощный, но мягко работающий мотор мурлыкал еле слышно.

Затем Джуди увидела, что сигналы с яхты прекратились. Несколько секунд спустя мотор взревел, и она услышала, как машина тяжело отъехала прочь. Джуди поднялась и поспешила вверх по тропинке. Когда она выбралась на гребень обрыва, то увидела там глубокий след автомобильных колес, который,

извиваясь, вел от берега в сторону проезжей дороги, проходившей в долине между холмами. Большой сверкающий автомобиль как раз исчезал за еловой рощицей у первого поворота. Джуди долго и пристально смотрела ему вслед: ей показалось, что она где-то видела эту машину.

Джуди ничего не сказала Кводрингу, но на следующий день снова пришла на то же место. Ни яхты, ни машины не было. Поросшие вереском холмы и море вновь были пустынны, и безмолвие нарушалось только криками чаек. На третий день шел дождь, а потом Джуди была слишком занята приготовлениями к приезду министра и никуда не отлучалась. Вечером накануне церемонии открытия она закончила все свои дела: были назначены шоферы для встречи гостей на станции, обеспечена аэродромная команда для встречи министерского вертолета – бутылки и сандвиchi дожидались гостей в дирекции, а программа визита была согласована с Рейнхартом и остальными. Флеминг ходил раздраженный и замкнутый. Да и у самой Джуди разболелась голова.

Часам к четырем выглянуло солнце; надев плащ, Джуди отправилась на прогулку. Она шла над обрывом; от земли подымался пар, а далеко внизу зеленые волны разбивались о камни и пенные гребешки, срываемые крепнущим ветром, вспыхивали на солнце.

Яхты не было. Не было и машины – там, где у гребня обрыва дорожку пересекала старая колея. Но зато были свежие следы автомобильных колес, оставленные здесь после дождя. Джуди размышляла над этим обстоятельством, когда ее внимание привлек какой-то новый звук. За островом, милях в двух от места, где она стояла, работал подвесной мотор. Сощурившись, – Джуди стояла против солнца она различила вдали едва заметную черточку – лодку, выбиравшуюся из-за оконечности острова. Лодка направлялась в бухту, рядом с которой был расположен их городок. Это была лодка Бриджера, и Джуди даже разглядела, что в ней сидит один человек, вероятно сам Бриджер.

На этом ее наблюдения оборвались. Раздался свист, резкий щелчок, и от скалы рядом с ее головой отлетел осколок. Она не

стала осматривать след пули на скале, а бросилась бежать. Вторая пуля просвистела поблизости, когда Джуди сломя голову летела по тропинке. Но тут она обогнула скалу и оказалась вне опасности. Она бежала что есть силы, ненадолго переходила на шаг и снова бежала. Джуди была еще далеко от дому, когда солнце скрылось за грядой облаков. Ветер усилился и, казалось, сдул краски солнечного дня. Джуди дрожала, ноги у нее подкашивались.

Когда она прошла через главные ворота, то почувствовала себя в большей безопасности, но в то же время ощутила страшное одиночество. Кабинет Кводринга был заперт, а больше по-говорить было не с кем. Идти в столовую ей не хотелось, чтобы не встретить Бриджера. Пока она ходила между коттеджами, совсем стемнело. Неожиданно для себя Джуди оказалась у домика, где жил Флеминг. Не в силах больше оставаться на улице, она стукнула в дверь и, не дожидаясь ответа, быстро вошла.

Флеминг лежал на кровати и слушал мелодии Веберна, льющиеся из проигрывателя особо высокого класса, который он сам сделал.

Подняв глаза, он увидел на пороге Джуди: она тяжело дышала, лицо ее раскраснелось, волосы растрепались.

– Очень эффектное явление, – сказал он. – К чему бы оно? – И потянулся за бутылкой виски.

Джуди захлопнула за собой дверь.

– Джон!..

– Ну?

– В меня стреляли!

Присвистнув, он отставил стакан и спустил ноги на пол.

– Да, стреляли! Только что, на берегу!

– Ты хочешь сказать, что слышала свист пули?

– Я стояла над обрывом; вдруг рядом пролетела пуля и ударила в скалу. Я отскочила, а другая пуля...

– Это, наверное, со стрельбища залетело. Здешние вояки – все никудышные стрелки. – Флеминг подошел к проигрывателю

и выключил его. Он твердо стоял на ногах и был вполне трезв, несмотря на то что выпил, очевидно, довольно много.

— Там никого не было! — воскликнула Джуди. — Вообще никого!

— Тогда это были не пули. Выпей-ка и успокойся. — Он стал искать для нее стакан.

— Нет, пули, — настаивала Джуди, сидя на кровати. — Кто-то с оптическим прицелом...

— У тебя нервы совсем никуда, — Флеминг вручил ей нали-тый до половины стакан. — Ну, зачем кому-то в тебя стрелять?

— Могли быть причины.

— Например?

Джуди уставилась на дно своего стакана.

— Так, ерунда всякая.

— Что ты делала на берегу?

— Просто смотрела на море.

— А что было в море?

— Лодка доктора Бриджера. Больше ничего.

— Почему тебя так заинтересовала лодка Денниса?

— Она меня не интересовала!

— Ты полагаешь, что это он стрелял в тебя?

— Нет. Не он. — Джуди ухватилась за спинку кровати, чтобы унять дрожь в руках. — Можно я побуду здесь? Только вот немного успокоюсь.

— Да делай что хочешь. И выпей-ка вот это.

Джуди глотнула неразбавленного виски; оно обожгло ей рот и горло. Из ночного безмолвия за окном вдруг донесся прорывной низкий вопль, и за стеной прогнула водосточная труба.

— Что это?!

— Ветер, — ответил Флеминг, не спуская с нее глаз.

Джуди ощущала, как спирт, разливаясь, согревает ее изнутри.

— Мне здесь не нравится, — пожаловалась она.

— И мне тоже, — согласился Флеминг. Они пили в тишине, нарушающей только стонами ветра, который бился о соседние дома. Небо за окном было почти темным, с черными клочьями

облаков, несущихся с моря. Джуди поставила стакан и взглянула Флемингу в глаза.

– Зачем доктор Бриджер ездит на остров? – Она по-прежнему не могла называть Бриджера по имени.

– Изучать повадки птиц. Ты же отлично знаешь, что он ездит изучать повадки птиц.

– Каждый вечер?

– Ну, а я, когда к вечеру устаю, так хожу под парусом. Если только не выматываюсь вконец, как вот сегодня.

Это была правда. Флеминг, никогда не покидавший пределов городка, действительно иногда ходил на швертботе. Впрочем, он делал это не часто и всегда в одиночку, пренебрегая компанией остальных членов местного яхт-клуба.

Флеминг взял бутылку за горлышко и нахмурился, подумав о Деннисе Бриджере.

– Конечно, он ездит наблюдать морских птиц.

– Всегда на этот остров?

– Так ведь они только там и водятся, – сказал он с раздражением. – Там же их масса – тупики, кайры, глупышки... Налить еще?

Джуди позволила ему подлить виски в ее стакан. В голове у нее начало шуметь.

– Прости, что я ворвалаась к тебе.

– Ну что ты! – он ласково взъерошил ее и без того растрепанные волосы. – В такой дыре даже приятно, когда к тебе приходят гости. Особенно если этот гость – такая симпатичная и милая девушка.

– Ничуть я не симпатичная.

– Ну-у?

– Я себе не нравлюсь, – она снова уставилась на дно стакана, – и мне не нравится то, что я делаю.

– Так, значит, нас уже двое. – Флеминг смотрел поверх ее головы в окно. – Мне тоже не нравится то, что я делаю.

– А я думала, что ты захвачен этой работой.

— Так было. Но сейчас, когда она окончена, я не знаю. Я пытался нализаться, но ничего не получается. — Он смотрел на нее с каким-то странным, растерянным выражением — совсем не так, как тогда, около новой машины. — Может быть, сейчас мне нужна именно ты.

— Джон...

— Да?

— Не надо слишком доверять мне. — Флеминг ухмыльнулся.

— Ты что, замешана в каком-нибудь темном деле?

— Но к тебе это не относится.

— Рад слышать. — Он взял ее за подбородок. — У тебя честное лицо.

Он легко и как бы шутя коснулся губами ее лба.

— Не надо. — Джуди отстранилась. Флеминг опустил руку и отвернулся, словно его внимание переключилось на что-то другое. За стеной опять застонал ветер.

— Что ты собираешься делать дальше с этим — я говорю об этих выстрелах? — спросил он, помолчав.

Она вздрогнула, хотя виски ее и согрело; Флеминг положил ей руку на плечо.

— Иногда, по ночам, — сказал он, — я лежу, слушаю ветер и думаю о ней, которая там.

— О ком это — о ней?

Кивком головы он дал понять, что говорит о новой счетной машине, созданной его руками.

— У нее нет тела, органического тела, которое дышит и чувствует, как наше. Но мозг у нее лучше нашего.

— Но ведь это не личность. — Джуди потянула Флеминга вниз, и он сел рядом с ней.

На миг она почувствовала себя намного взрослеей его.

— Разве мы знаем, что она такое? — сказал Флеминг. — Кто бы ни отправил сие послание, он занимался этим не ради развлечения. Они затеяли то, что нам еще не по зубам.

— Ты думаешь, они о нас знают?

— Они знают, что во Вселенной должны быть и другие разумные существа. Ну, и натолкнулись на нас.

Джуди взяла его за руку.

— Ты можешь не продолжать, если хочешь.

— Надеюсь, что так.

— Ты должен был только построить машину.

— Способную мыслить гораздо лучше нас.

— Это действительно так?

— Человек — весьма несовершенно мыслящая машина.

— Только не ты.

— Все мы такие. Все счетные машины, основанные на биологических системах, несовершены.

— А меня эта биологическая система вполне устраивает, — сказала Джуди. Язык у начал заплетьаться, в глазах поплыло. Флеминг порывисто и сильно прижал ее к себе, но тут же снова отпустил.

— Ты очень аппетитная особа... Он поднялся, зевнул, потянулся и включил свет. Джуди почувствовала, что напряжение внезапно схлынуло, и блаженно прислонила к стене.

— Тебе нужно отдохнуть, — с трудом пробормотала она.

— Может быть.

— Ты уже много месяцев без передышки возишься с этим, — она махнула рукой в сторону окна.

— Надо же было подготовить все для его министерского сиятельства.

— Если машина выйдет из-под контроля, ты всегда сможешь ее остановить.

— Ой ли? А ведь она заработала еще месяц назад. Ты об этом знала?

— Нет.

— Мы вводили в нее команды, чтобы с приездом этих господ можно было ввести все данные.

— Что-нибудь случилось?

— Сначала ничего. Но там была небольшая группа команд, которыми я сначала пренебрег. Эти команды устраивали все таким образом, что после включения питания первый же импульс тока автоматически запускал все с того места, которое машина

выбирала по собственному усмотрению. Я нарочно не стал вводить эти команды, чтобы не давать ей полной воли. И она взбесилась.

Джуди недоверчиво посмотрела на Флеминга.

— Это какая-то ерунда.

— Ну, ладно, скажем, что она просто отметила нарушение. Без всякого предупреждения, прежде чем мы начали вводить данные, она принялась выстукивать на выходе отсутствующую часть кода. Снова, снова и снова, требуя, чтобы я ввел эту часть. Она очень рассердилась. — Флеминг серьезно смотрел в недоверчивые глаза Джуди. — Я выключил ее на минутку и затем начал вводить эти данные. Тогда она успокоилась. Но она сконструирована именно так, чтобы регистрировать нарушения. Одному богу известно, для чего еще она сконструирована!

Джуди лежала, глядя на Джона сквозь полуприкрытые веки.

— Завтра мы введем оставшуюся часть данных, — продолжал он. — Кто знает, что тогда произойдет. Мы получили послание с расстояния в две сотни световых лет. Неужели ты полагаешь, что все это для того, чтобы снабдить нас усовершенствованными арифмометрами? Я думаю иначе! Так же как и те, кто убил Харриса, стрелял в тебя и, возможно, выслеживает Дениса и меня.

Она хотела было прервать его, но передумала.

— Помнишь, — спросил Джон, — помнишь, я толковал тебе насчет прорыва?

— Очень хорошо помню. — Она улыбнулась.

— О прорыве, который случается раз в тысячелетие? И бьюсь об заклад на что угодно...

Он отвернулся к окну, погруженный в глубокое раздумье.

— Но ведь ты всегда сможешь ее выключить.

— Может быть. Может быть, мы и сумеем это сделать.

За окном была черная мгла и хлещущие струи дождя. Ветер продолжал завывать.

— Темно, — сказал Флеминг. Он задернул штору и обернулся к Джуди с тем же потерянным выражением в глазах, что и тогда, около машины.

— Так, значит, нас уже двое, которые боятся темноты... — сказала она.

— Я провожу тебя домой, если хочешь. — Он взглянул на нее и улыбнулся. — А хочешь — оставайся здесь до утра.

ГЛАВА V

Джуди ушла к себе, лишь когда занялась заря. К полудню прибыла первая группа столичных гостей; в столовой для них был накрыт завтрак. Пробираясь между темно-серыми костюмами, Джуди раздавала информационные листки и чувствовала себя бодрой, полной сил и даже счастливой. Флеминг с Бриджером и Кристин был у машины, вводя последние группы данных. Рейнхарт и Осборн уединились с Джирсом.

Ванденберг, Уотлинг и миссис Тэйт-Аллен с верным и безгласным Ньюби приехали двухчасовым поездом; на станции их ждали два роскошных автомобиля. Министр должен был прибыть в три часа на вертолете – типичная прихоть, рассчитанная на внешний эффект, которую остальные предпочли обойти молчанием.

К тому времени дождь прекратился и на плацу в центре территории выстроился почетный караул. Рейнхарт и Кводринг дожидались там же; майор облачился в парадный мундир с новыми орденскими ленточками; профессор кутался в старенький капроновый плащ.

Остальные гости и хозяева собрались на крыльце у здания новой счетной машины и с надеждой смотрели на небо. Осборн пытался поддерживать дипломатическую беседу.

– Наверное, вы не ожидали, что Британские острова просятся так далеко на вер, а, генерал? – обратился он к Ванденбергу, начинавшему проявлять признаки нетерпения и досады. – Как вы думаете, Джирс?

Джирс, в новом костюме, стоял вперед всех – директор с головы до ног.

– Так кого же здесь вывели – лебедя гадкого утенка? – освещомилась у него миссис Тэйт-Аллен.

— Вот уж не знаю. Мы едва успеваем заниматься конкретными делами.

— А разве это не конкретное дело? — спросил Осборн.

Уотлинг задумчиво проговорил: — Я часто летал над этими местами во время войны.

— Неужели? — без всякого интереса спросил Ванденберг.

— Патрульные полеты над Северной Атлантикой. Я тогда был в береговой авиации...

Но его уже никто не слышал: появился вертолет. Он, словно встревоженная птица, помедлил над плацем и наконец присел на гидравлические лапы. Винты еще с минуту резали воздух, а затем замерли. Дверца открылась, и достопочтенный Джеймс Рэтклифф выбрался наружу. Солдаты взяли на караул, Кводринг — под козырек, а Рейнхарт торопливо засеменил вперед, пожал высокую руку и повел министра к собравшимся на крыльце. Рэтклифф выглядел превосходно и весь источал свежесть, словно только что принял ванну. Он пожал руку Джирсу, а остальных одарил самодовольным лучезарными улыбками.

— Как поживаете, доктор? С вашей стороны было очень любезно уделить нам местечко под вашей крышей.

Джирса словно подменили.

— Для нас такая честь содействовать подобным исследованиям, сэр! — сказал он с самой любезной из своих улыбок. — Рядом с нами, грубыми прикладниками, — чистая наука!

Осборн с Рейнхартом переглянулись.

— Может быть, войдем в здание, — предложил Осборн.

— Да-да, конечно! — министр снова расцвел в улыбке. — Как поживаете, Ванденберг? Очень мило, что вы приехали.

Джирс опередил всех и вцепился в дверную ручку.

— Может быть, я? — он с вызовом посмотрел на Рейнхарта.

— Давайте, — сказал тот.

— Сюда, сюда, господин министр. — И под водительством Джирса все вошли внутрь.

На сей раз зал, где помещалась машина, был полностью освещен, и Джирс с гордостью играл роль хозяина. Рейнхарт и

Особорн не мешали ему в этом, а Флеминг угрюмо следил за происходившим, стоя у пульта управления. Джирс представил министру Бриджера и Кристин и под конец, как бы между прочим, самого Флеминга.

— Кажется, вы знакомы с доктором Флемингом, конструктором этой машины.

— Ее конструкторы находятся где-то в созвездии Андромеды, — сказал Флеминг. Рэтклифф рассмеялся, словно это была чрезвычайно остроумная шутка.

— Ну, ведь и вам пришлось немало поработать. Теперь я вижу, почему вам понадобилось столько денег.

Гости двинулись дальше. Миссис Тэйт-Аллен особенно пленили неоновые лампочки. Темно-серые костюмы с любопытством и недоумением изучали голубые панели аппаратурных стоек, оттеснив Флеминга в конец процесии, где шел Особорн.

— Нет хуже работы, чем показывать работу!

— Это комплимент в ваш адрес, — сказал ему Особорн. — Они ведь все вам передоверили: знание, деньги, власть...

— Ну и дураки, значит.

С этим Особорн не согласился.

После того как гости обошли вокруг колонны запоминающего устройства, они столпились перед пультом управления.

— Итак? — сказал Рэтклифф.

Флеминг взял со стола большой лист бумаги, испещренный цифрами.

— Вот, — сказал он так тихо, что его трудно было расслышать, — вот последние группы данных, содержащихся в послании.

Рейнхарт громко повторил сказанное, взял из его рук бумагу и пояснил:

— Сейчас мы введем эти данные через входное устройство и тем самым включим машину.

Он передал бумаги Кристин, которая сел за телетайп и засстучала по клавишам. Делал она это очень ловко и выглядела на редкость хорошенькой; публика восхищалась.

Когда она кончила, Флеминг и Бриджер щелкнули переключателями, нажали кнопки на пульте и стали ждать. Министр тоже ждал. Из недр машины доносилось лишь ровное гудение. И больше ничего. Кто-то кашлянул.

— Все в порядке, Деннис? — спросил Флеминг. И тут замигали индикаторные лампочки.

Сперва это выглядело очень эффектно, и гостям объяснили: вот как данные проходят через машину. Когда она закончит свои расчеты, полученные результаты будут печататься вон на той широкой бумажной ленте.

Но ничего не произошло. Час спустя они все еще стояли и ждали. В пять часов переставший улыбаться министр влез в свой вертолет, взмыл в небо и улетел на юг. В шесть уехали на станцию остальные гости, чтобы успеть на вечерний поезд до Абердина. Их сопровождал безмолвный и подавленный Рейнхарт. В восемь ушли домой Бриджер и Кристин.

Флеминг остался в опустевшем зале, вслушиваясь в гудение машины и напряженно вглядываясь в мерцающие лампочки на индикаторной панели. Джуди пришла, как только освободилась, и сейчас сидела рядом с ним за пультом. Он молчал, даже не ругался и не жаловался, а она все не могла придумать, что ему сказать.

Стрелки часов на стене приблизились к десяти, и вдруг лампочки перестали мигать. Флеминг вздохнул и решительно поднялся, чтобы уйти. Джуди робко тронула его за рукав, желая как-то утешить. Он повернулся, чтобы поцеловать ее, и в этот момент в тишину ворвалась дробь ожившего печатающего устройства.

Рейнхарт остался ночевать в Абердине, где в то время проходил съезд шотландских университетов. Впрочем, съезд был только предлогом: просто Рейнхарту не хотелось провести остаток пути лицом к лицу с вежливо-снисходительными джентльменами из Лондона. Его немного утешила лишь встреча со старым другом, Мадлен Дауни, профессором химии Эдинбургского университета. Возможно, она был лучшим биохимиком Ан-

глии и чрезвычайно одаренным ученым, но, как утверждали ее студенты, обладала таким же обаянием, как про бирка, обтянутая сухой кожей. Рейнхарт долго беседовал с Мадлен, после чего вернулся свой номер и предался печальным размышлениям.

Утром ему принесли телеграмму из Торнесса:

АНШЛАГ ТЧК ВСЕ ЧЕТЫРЕ КОЗЫРНЫХ ТУЗА
ТЧК ПРИЕЗЖАЙТЕ БЫСТРЕЕ ТЧК ФЛЕМИНГ

Он отменил заказ на место в лондонском само лете, взял билет на поезд и снова отбыл на северо-запад, пригласив с собой Дауни.

— Что значит это послание? — спросила она.

— Уповаю на небеса, чтобы произошли какие-то изменения.

Проклятая машина обошлась в несколько миллионов, и вчера вечером я уже решил, что мы станем посмешищем для всего Уайтхолла.

Рейнхарт не вполне отдавал себе отчет, почему он пригласил Дауни. Возможно, ему просто хотелось иметь хоть какую-то моральную поддержку.

Когда он позвонил со станции с просьбой прислать машину и выписать еще один пропуск, его соединили прямо с кабинетом Кводринга.

— Черт бы побрал этих ученых! — сказал тот своему ординарцу. — Ездят, понимаешь, взад-вперед, словно тут базар.

Он взял заполненный ординарцем пропуск и пошел по коридору в кабинет к Джирсу. В общем-то Кводринг отличался неплохим характером, но у него только что побывала Джуди, доложившая о происшествии на берегу, и это вывело майора из равновесия.

— Не знаю, подпишете ли вы, сэр? — он положил пропуск перед Джирсом.

— Кто это?

— Да вот профессор Рейнхарт кого-то привез.

— Вы его проверяли?

— По правде говоря, это не он, а она.

– Как ее фамилия? – Джирс покосился на пропуск сквозь бифокальные очки.

– Профессор Дауни.

– Дауни? Мадлен Дауни? – Он оживился. – Можете не беспокоиться. Я знал ее еще в Манчестере, до того как она переехала в Лондон.

Подписывая пропуск, он задумчиво улыбнулся, наверное, что-то вспомнил. Кводринг нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Трудно за ними следить, за этой публикой из министерства науки.

– Ну, пока они сидят в своем здании... – Джирс вручил ему подписанный пропуск.

– Они не сидят.

– Кто же это не сидит?

– Ну хотя бы Бриджер. Он только и делает, что ездит на своей лодке на остров.

– Он же любит наблюдать за птицами.

– Мы думаем, здесь что-то другое. Лично я подозреваю, что он возит с собой материалы.

– Материалы? – Джирс резко поднял голову, блеснув очками. – У вас есть доказательства?

– Нет.

– Ну, в таком случае...

– Может быть, обыскать его на причале?!

– А если вы ничего не найдете?

– Я бы очень удивился.

– А нас поставили бы в глупейшее положение. – Джирс снял очки и критически оглядел майора. – Ну, а если и вправду что-то есть, он только насторожится.

– Что-то определенно есть.

– Так представьте факты, и мы примем меры.

– Не вижу пока возможности сделать это.

– Ведь вы же начальник нашей службы безопасности?

– Да, сэр.

Джирс на минуту задумался.

– А что мисс Адамсон? – Кводринг рассказал.

– И с тех пор – ничего?

– Ничего, сэр, насколько нам известно.

– Хм! – Щелкнув дужками, он сложил очки, показывая, что разговор окончен. – Если вы идете к счетной машине, то, пожалуйста, захватите пропуск профессора Дауни.

– Нет, я не туда.

– Тогда пошлите кого-нибудь. И передайте ей от меня привет. Кстати, передайте еще, что если они освободятся не слишком поздно, то пусть заглянут ко мне на рюмку хереса.

– Хорошо, сэр, – Кводринг осторожно попятился от стола.

– И Флеминг, если он будет там, тоже может прийти.

– Есть, сэр.

Кводринг наконец добрался до двери. Джирс мечтательно смотрел в потолок, думая о Мадлен Дауни.

– Хотелось бы мне, чтобы у нас здесь проводилось больше научно-исследовательских работ. Устаешь заниматься одними прикладными темами!

Кводринг поспешно ретировался.

В конце концов нести пропуск пришлось Джуди. Она застала Дауни у пульта управления; Рейнхарт и Бриджер объясняли ей, как устроена машина, в то время как Кристин звонила по внутреннему телефону, пытаясь найти Флеминга. Джуди отдала пропуск и была представлена профессору Дауни.

– Уполномоченная по связи с прессой? Ну, я рада, что они хоть что-то предоставляют делать девушкам, – энергичным басом сказала Дауни. Она поглядывала на всех с суровой снисходительностью. Рейнхарт казался обеспокоенным и непривычно нервным.

– Чего же хотел Джон?

– Не знаю, – ответила Джуди. – По крайней мере я не вполне поняла!

– Я получил от него телеграмму. Через минуту поспешил вошел Флеминг.

– А, вы уже приехали?

Рейнхарт так и кинулся к нему.

– Что случилось?

– Здесь нет посторонних? – спросил Флеминг, холодно взглянув на Дауни.

Рейнхарт раздраженно представил их друг другу и в нетерпении беспокойно переступал с ножки на ножку, пока Дауни расспрашивала Флеминга об устройстве машины.

– Мадлен все известно.

– Завидую. Мне – так нет. – Флеминг выудил из кармана сложенный лист бумаги и протянул его профессору.

– Что это? – Рейнхарт развернул лист. Флеминг с наслаждением следил за ним, как маленький мальчик, решивший подшутить над взрослым. На бумаге было отпечатано несколько строчек цифр.

– Когда это произошло? – взволнованно спросил Рейнхарт.

– Вчера вечером, когда все ушли. Остались только мы с Джуди.

– И ты даже не сказал мне? – укоризненно вставил Бриджер.

– Ты ведь ушел.

Рейнхарт сосредоточенно смотрел на цифры.

– Это что-нибудь вам говорит? – спросил он.

– Разве вы не узнаете?

– Пожалуй, нет.

– Разве это не относительные расстояния между энергетическими уровнями атома водорода?

– Как по-вашему? – Рейнхарт передал бумагу Дауни.

– Ты хочешь сказать, – спросил Бриджер, – что машина так сразу и выдала это?

– Что ж, вполне возможно. – Дауни медленно просматривала цифры. – Действительно, похоже на относительные частоты. Что за чудеса!

– Да и всю эту историю обыкновенной не назовешь, – сказал Флеминг.

Дауни еще раз просмотрела цифры и кивнула головой.

— Я не совсем улавливаю, в чем здесь дело, — робко сказала Джуди, чувствуя себя ужасной тупицей.

— Можно подумать, кто-то там, — Дауни показала наверх, — не пожалел трудов, чтобы сообщить нам о водороде то, что мы о нем уже давно знаем.

— И это все? — Джуди вопросительно посмотрела на Флеминга, но он молчал. Мадлен Дауни повернулась к Рейнхарту.

— Досадно!

— А я не раздосадован! — спокойно сказал Флеминг. — Это отправная точка. Вопрос в том, стоит ли нам продолжать?

— А как вы думаете это делать? — спросила Дауни.

— Ну, водород — самый распространенный элемент во Вселенной. Так? Значит, это очень простая и универсальная единица информации. Если мы ее не опознаем, то машине не имеет смысла продолжать, а если опознаем, то она перейдет к следующему вопросу.

— К какому следующему вопросу?

— Мы еще не знаем. Но бьюсь об заклад, что это только первый шаг в долгой-долгой игре в вопросы и ответы. — Он взял бумагу из рук Дауни и вручил ее Кристин. — Введите-ка это в машину.

— Вести? — Кристин перевела вопросительный взгляд на Рейнхарта.

— Введите.

Рейнхарт не произнес больше ни слова, но в нем произошла перемена. От былой подавленности не осталось и следа, глаза ожили и засияли. Пока Кристин устраивалась за входным телетайпом, а Бриджер делал на пульте необходимые переключения, остальные молча и сосредоточенно ждали.

— Давайте, — сказал Бриджер. Он был совсем спокоен — даже спокойнее Флеминга, Джуди так и не смогла решить, откуда происходит это спокойствие — от зависти, страха или просто он, как и другие, пытался разрешить эту загадку.

Кристин бойко застучала по клавиатуре, из-за металлических панелей неслось ровно гудение. Машина, казалось, действительно заполняла все вокруг — огромная, бесстрастная и ожи-

дающая. Дауни смотрела на ряды голубых панелей и ритмически пульсирующие огоньки неонок с интересом, но без благоговейного страха, как Джуди.

— Вопросы и ответы... Вы уверены, что это так?

— Находясь там, среди звезд, вы не могли бы прямо спросить нас, что мы знаем, а чего нет. А эта машина — может. — Флеминг кивнул в сторону индикаторной панели машины. — Может, если только она рассчитана и сконструирована для того, чтобы сделать это за них.

Дауни снова повернулась к Рейнхарту.

— Если доктор Флеминг прав, у вас в руках действительно что-то невероятное.

— У Джона чутье на такие вещи, — сказал Рейнхарт, не отрывая глаз от рук Кристин.

Когда она кончила печатать, ничего не произошло. Бриджер колдовал над кнопками и переключателями пульта, а остальные ждали. На лице Флеминга отразилось недоумение.

— Ну, что там Деннис?

— Я не знаю.

— Вы могли ошибиться, — сказала Джуди.

— Пока не ошибались!

Едва Флеминг произнес эти слова, лампочки на индикаторной панели замигали, а через секунду затрещало печатающее устройство. Они столпились вокруг него, глядя, как широкая бумажная полоса, скачками разматываясь с рулона, покрываеться рядами цифр.

Один из длинных низких шкафчиков в кабинете Джирса служил миниатюрным баром. Директор поставил на него четыре стакана и взял с нижней полки бутылку джина.

— То, что делает Рейнхарт и его люди, страшно интересно. — Хотя Джирс не надел парадного костюма, он был предельно любезен — ради Дауни. — Вчера, правда, случилась небольшая осечка, но сейчас, насколько я понимаю, все наладилось?

Дауни, утопавшая в одном из кресел, подняла глаза и встретила взгляд Рейнхарта. Осторожно наливая горькую настойку в один из стаканов, Джирс продолжал:

— Собственно говоря, в этой глупши имеем дело с простыми железками. Прав мы обеспечиваем значительную часть национальной ракетной программы, а в ней есть много интересного и сложного, но все же я с удовольствием влез бы в старый костюм и вернулся в лабораторию. Настойки нам хватит?

Он поставил наполненный стакан на письменный стол, в уровень с ухом Дауни, подложив картонную подставочку, чтобы не портить полировку.

— Спасибо, хватит. — Дауни едва видела: стакан и с трудом дотягивалась до него. Джирс вынул из шкафчика другую бутылку.

— А вам херес, Рейнхарт? — Херес был налит. — Сидя в административном кресле, так тупеешь! Ваше здоровье... Рад снова видеть вас, Мадлен. Чем вы сейчас занимаетесь?

— ДНК, хромосомами, происхождением жизни, — ворчливо ответила она и, поставив стакан на стол, закурила сигарету, помужски выпуская дым через ноздри. — Я тут зашла в тупик. Как раз собиралась куда-нибудь уехать и хорошенько подумать обо всем, когда встретила Эрнеста.

— Оставайтесь и думайте здесь. — Джирс мило улыбнулся ей, но тут же стал серьезным. — Куда же пропал Флеминг?

— Он сейчас придет, — сказал Рейнхарт.

— Он у вас парень талантливый, но трудный, — сообщил ему Джирс. — Вся ваша группа не слишком-то легкая.

— Зато мы стали получать результаты, — невозмутимо ответил Рейнхарт. — Машина начала печатать.

Джирс высоко поднял брови.

— Неужели? Что же она печатает? Очень странно! — сказал он, услышав объяснения Рейнхарта. — Очень, очень странно. А что получилось, когда вы снова ввели это в машину?

— Она выдала массу цифр.

— Каких цифр?

— Понятия не имеем. Мы долго разбирались, но пока... — И Рейнхарт пожал плечами.

Небрежно стукнув в дверь, вошел Флеминг.

— Я попал по адресу?

— Входите, входите, — сказал Джирс, словно обращаясь к способному, но робкому студенту. — Выпить хотите?

— А когда я не хочу?

Флеминг принес с собой испещренные цифрами бумажные ленты. Он бросил их на стол, чтобы взять свой стакан.

— Чем-нибудь порадуете? — спросил Рейнхарт.

— Ничем. Тут что-то не так — либо с ней, либо с нами.

— Это последние результаты? — спросил Джирс, разворачивая ленты и склоняясь над ними. — Да, вам придется немало потрудиться над анализом... Если мы сможем чем-нибудь помочь...

— Это должно быть очень простым, — Флеминг говорил медленно и задумчиво, будто пытаясь вспомнить нечто знакомое, но вместе с тем постоянно ускользающее. — Я уверен, что это должно быть чем-то совсем простым, хорошо нам известным.

Рейнхарт взял ленты и начал их просматривать.

— Тут есть одна часть, которая вызывает во мне какие-то смутные воспоминания. Взгляните-ка еще раз вот сюда, Мадлен.

Мадлен взяла ленту.

— Чего именно вы ожидаете? — спросил Джирс Флеминга, наполняя его стакан.

— Не знаю. Я еще не понял правил игры.

— Вас не заинтересует атом углерода? — спросила Дауни, взглянув на них с легкой улыбкой.

— Атом углерода??!

— Здесь он представлен несколько иначе, чем обычно делаем мы: впрочем... да, это вполне может быть описанием структуры углерода. — Она выпустила дым из ноздрей. — Не это ли вы имели в виду, Эрнест?

Рейнхарт и Джирс снова склонились над лентой.

– Конечно, я все подзабыл... – сказал Джирс.
– Но ведь это возможно?
– Да-да, вполне. Но нет ли там чего-нибудь другого?
– Не должно быть, – сказал Флеминг. Он почувствовал себя увереннее, от прежней задумчивости не осталось и следа. – Разберемся с самого начала: вспомните вопрос о водородном атоме. Она спрашивает нас, к какой форме жизни мы принадлежим. Все остальные цифры – это прочие возможные пути создания живых существ. Но мы о них ничего не знаем, потому что земная жизнь основана на углероде.

– Хорошо, но ведь это лишь предположение, – согласился Рейнхарт. – Как мы поступим дальше? Введем в машину цифры, относящиеся к атому углерода?

– Да, если хотим сообщить ей, из чего мы сделаны. Она это-го не забудет.

– Вы что же, предполагаете, что машина может обладать разумом? – сказал Джирс, у которого не было времени фантазировать.

– Послушайте, – повернулся к нему Флеминг. – Принятое нами послание состоит из двух частей: во-первых, оно содержит схему построения машины и, во-вторых, дает нам массу основных данных, предназначенных для ввода в эту машину. Раньше мы не знали, что заключается в этих данных, но теперь начинаем узнавать. Имея информацию, которая содержится в основной программе, и получив то, что сообщим ей мы, она сможет уз-нать о нас все, что ей заблагорассудится. И научится использо-вать такие данные. И уж если это не разум, то что же это такое?

– Просто очень полезная машина, – сказала Дауни. Флеминг резко повернулся к ней.

– Ну, ясно – раз нет протоплазмы, ни один биохимик не способен вообразить, что может быть мысль!

Дауни пренебрежительно фыркнула.

– Чего же вы все-таки боитесь, Джон? – спросил Рейнхарт.

– Конечных результатов. Нас научили, как построить машину, не ради развлечения и не для нашей пользы.

– Это у вас навязчивая идея, – заметила Дауни.

– Вы так считаете?

– Вам преподнесли чудесный подарок воспользуйтесь же им! – Дауни обращалась к Рейнхарту. – Если вы по методу доктора Флеминга введете в машину формулу углерода, то, наверное, получите что-нибудь еще. Таким путем можно строить все более сложные структуры, используя для обработки вашу замечательную машину. Только и всего. Так воспользуйтесь же случаем!

– Ну как, Джон? – обратился к Флемингу Рейнхарт.

– На меня не рассчитывайте.

– А вы не взялись бы за это, Мадлен? спросил профессор.

– Отчего вы сами не хотите? – в свою очередь поинтересовалась она.

– Слишком уж далеко от астрономии до биосинтеза. Если университет отпустит вас...

– Мы создадим вам все условия. – Если уж Джирс за что-то брался, то он действовал быстро. – Вы ведь говорили, что зашли сейчас в тупик?

Дауни колебалась.

– Вы будете со мной работать, доктор Флеминг?

Флеминг покачал головой.

– Прежде чем начать, надо хорошенько все обдумать.

– Я с вами не согласна.

– Я сделал то, что хотел, и с меня хватит. И, собственно говоря, сделал даже больше, чем собирался, – решил доказать, что я был прав. Дальше я не пойду.

Рейнхарт хотел что-то возразить, но Флеминг уже отвернулся.

– Хорошо! – сказал профессор. – Так вы беретесь, Мадлен?

Об остальном они договорились, когда Флеминг ушел.

Дауни перебралась в Торнесс через неделю и немедленно принялась работать со счетной машиной. Ей помогали Бриджер и Кристин и всячески содействовал Джирс, вдруг преисполнившийся энтузиазма. Флеминг вернулся в Лондон, и Джуди ниче-

го о нем не знала: как офицер действительной службы, связанная присягой, она должна была оставаться там, где приказано. Отчасти она даже испытывала облегчение, так как оборвались их двусмысленные отношения. После той единственной ночи в его домике Джуди старалась держать Джона на расстоянии. Она разрывалась между любовью и тягостным ощущением, что он принимает ее не за то, что она есть. Во всяком случае, пока он отсутствовал, ей хоть не приходилось включать его в свои рапорты; теперь там фигурировал только Бриджер, а это не вызывало в Джуди такого протеста.

Бриджер, однако, продолжал оставаться загадкой для всех. Джуди теперь избегала вересковых полей, а патрули Кводринга так и не смогли ничего обнаружить. Сам же Бриджер становился все более мрачным и замкнутым. Работал он усердно, но без особого энтузиазма и проводил все свое свободное время, наблюдая, как улетают последние пернатые обитатели Торхольма.

Вечерние краски осени сменились зимним сумраком. В Лондоне Флеминг засел за пересмотр послания в целом и своих первоначальных расчетов. В Болдершоу-Фелл все еще следили за сигналом, но больше для очистки совести: код оставался неизменным. Подняв заново все свои материалы, Флеминг так и не нашел никакого подтверждения своим опасениям. В Торнессе, у Дауни, дела шли куда лучше – Парень был прав в одном, – как-то сказала она Рейнхарту. – Это действительно похоже на игру в вопросы и ответы. Мы ввели в машину цифры, относящиеся к атому углерода, и она немедленно отстукала структуру белковой молекулы.

Когда же Дауни опять ввела эту структуру в машину, последовали новые вопросы. Машина предлагала формулы множества различных структур, основанных на белках, и явно требовала дополнительных сведений о них. Дауни пришлось усадить за работу свой отдел в Эдинбургском университете. Между тем в машину заложили все известные сведения о строении клетки. К новому году машина предложила им молекулярную структуру гемоглобина.

— Почему именно гемоглобина? — спросила Джуди, которая поехала с Дауни в Эдинбург, пытаясь понять, что происходит.

— Гемоглобин, входящий в состав крови, осуществляет электрическое питание мозга.

Они собрались в кабинете Дауни в одном из старых серых университетских зданий: Дауни сообщила им, что, по ее мнению, вопрос должен быть вынесен на рассмотрение министерства.

— Машина предложила это вам как одну из многих возможностей? — спросил Рейнхарт.

— Да, — ответила Дауни, — так же как и раньше. А мы ввели в нее вот этот ответ.

— Значит, теперь ей известно, как работает наш мозг.

— Ну, сейчас она знает гораздо больше. Рейнхарт потер подбородок своими пальчиками.

— Зачем ей все-таки это нужно?

— Похоже, что и вы попали под влияние Флеминга, — укоризненно сказала Дауни. — Машина ничего не «хочет знать». Она лишь делает логические выводы из той информации, которую сообщаем ей мы, и той, что в ней уже содержится. Это же только счетная машина.

— Только ли? — То немногое, что знала Джуди, заставляло ее разделять сомнения Рейнхарта.

— Слушайте, — сказала Дауни, — давайте подойдем к этому с научной точки зрения, без мистики.

— Но ведь и профессор Рейнхарт...

Рейнхарт замялся.

— Флеминг сказал бы, что машина хочет знать, какой разум ей противостоит: какого рода счетными машинами мы являемся, как велик наш мозг, как мы питаем его, что за существа являются его носителями...

— На мой взгляд, этот молодой человек эмоционально неуравновешен, — сказала Дауни. Она махнула рукой в сторону стеллажей, забитых рулонами бумажной ленты. — У нас сейчас так много материала, что мы работаем не разгибаясь. Но, кажется,

ся, я подошла к разгадке – вот зачем я вас позвала. Я считаю, что машина дала нам основную структуру живой клетки.

– Чего?

– Правда, нам от этого не легче. У нас есть лишь множество чисел. Это настолько сложно, что мы и разобраться-то во всем не можем.

– Почему же?

– Взгляните на объем этих материалов! Мы сумели различить там хромосомные структуры, но наши знания весьма отрывочны. Чтобы проанализировать все, пришлось бы потратить годы.

– Но, может быть, от вас требуется совсем другое.

– Что вы имеете в виду?

Рейнхарт снова потер подбородок. Джуди заметила на руках у профессора маленькие ямочки. В нем всегда проглядывало что-то очень привлекательное и человечное – особенно тогда, когда какие-то теоретические вопросы оказывались ему не по силам.

– Мне нужно поговорить с Флемингом и Осборном, – сказал он наконец.

В конце концов Рейнхарту удалось свести их в кабинете Осборна. К тому времени профессор уже полностью разобрался в положении и теперь жаждал действий. Флеминг выглядел постаревшим и каким-то поникшим, будто сломалась поддерживавшая его пружина. Лицо его стало одутловатым, под глазами набрякли мешки.

Осборн, как всегда, элегантный, откинувшись на спинку кресла, слушал Рейнхарта.

– Профессор Дауни высказывает предположение, что в ее руках находится детальная хромосомная структура клетки.

– Живой клетки?

– Да. Это то, чего мы до сих пор не знали, – третичная структура нуклеиновых кислот.

– Что же, теперь действительно можно создать живую клетку?

— Да, если мы сумеем использовать нашу счетную машину для контроля над экспериментом и если удастся создать химическую установку, чтобы претворять в жизнь инструкции машины по мере их поступления. По сути дела, нужно построить установку для синтеза ДНК, и тогда, я полагаю, можно будет создать живую ткань.

— К этому биологи стремятся уже много лет, не так ли?

— Вы действительно позволите машине создать живой организм? — спросил Флеминг.

— Дауни хочет попробовать, а Флеминг возражает, — сказал Рейнхарт. — Что будем делать?

— Почему это вы возражаете? — небрежно, будто речь шла о пустяках, спросил Осборн.

— Потому что нас втягивают в это отчасти помимо нашей воли, — устало ответил Флеминг. — Я говорил так с того самого дня, когда мы построили эту проклятую штуку, и сейчас не вижу ничего, что могло бы заставить меня думать иначе. Мадлен Дауни воображает, будто чертову машину можно использовать как обычный лабораторный прибор, — завидую ее оптимизму. Если ей хочется развлечься синтезом ДНК, то пусть сидит в своем университете и делает там, что ей угодно. Не подпускайте ее к машине. Или, если уж это так необходимо, сначала сотрите память.

— Рейнхарт? — Осборн со скучающим видом повернулся к профессору. Какое впечатление произвели на него слова Флеминга, осталось неясным.

— Не знаю, — развел руками профессор. — Просто не знаю. Конечно, все это плоды чуждого разума, но...

— Мы всегда сможем выключить рубильник, — закончил за него Флеминг. — Разве мы построили машину не для того, чтобы проверить содержание послания? Верно? Так мы это сделали. Мы запустили машину, чтобы узнать ее назначение. Теперь мы и это знаем.

— Знаем?

— Я знаю! Это мыслящее чудовище — пятая колонна другого мира, другой формы существования. В ней заключены и семена жизни, и семена разрушения...

— Скажите, а у вас есть хоть какие-нибудь основания утверждать все это? — спросил Осборн.

— Ничего конкретного нет.

— Тогда как же мы можем... — Флеминг тяжело поднялся с кресла и направился к двери. — Ну что ж, давайте! Валяйте — и увидите сами. Только потом не приходите плакаться ко мне.

ГЛАВА VI

И все-таки весной Флеминг приехал в Торнесс; по его словам, чтобы навестить Джуди, но на самом деле им двигало болезненное любопытство. Он не подходил к корпусу, где стояла счетная машина, но Джуди и Бриджер независимо друг от друга рассказали ему о том, что там происходило. К зданию было пристроено дополнительное крыло, в котором Дауни разместила свое лабораторное оборудование, включавшее установку для химического синтеза и электронный микроскоп. Кроме Кристин, Дауни привлекла к работе несколько своих аспирантов. Ей были предоставлены денежные средства: Рейнхарту и Осборну удалось добиться больших субсидий.

— А что же делаешь ты? — спросил Флеминг.

Они сидели на обрыве над причалом.

— Меняюсь с временами года, — Джуди улыбнулась ему ласково, но осторожно. Ее поразила перемена в нем — нездоровый цвет лица и весь его изможденный вид, но более всего какая-то глубокая внутренняя опустошенность. Ей мучительно хотелось близости с ним. Но одновременно она стремилась сохранить то расстояние, которое разделяло их во времена прежней дружбы: это расстояние Джуди считала границей, и ей казалось бесчестным переступить эту черту, одновременно продолжая делать свое дело, которого она теперь стыдилась. Узнав, что Флеминг возвращается, она даже пыталась отказаться от назначения, но ее не отпустили. Она уже знала слишком много, чтобы рассчитывать на освобождение от должности, и слишком много, чтобы сказать Джону правду о себе.

Бриджер всю зиму провел за работой, не покидая территории Центра; в его поведении как будто не было ничего подозрительного. Однако в окрестностях несколько раз замечали авто-

мобиль Кауфмана, а на станции высокий, невообразимо одетый шофер следил за приезжающими и уезжающими; по крайней мере один раз он звонил Бриджеру. После этого звонка Бриджер стал казаться еще несчастнее и начал перепечатывать для собственных нужд выдаваемые машиной результаты. Об этом узнала не Джуди, а Кводринг, однако это не имело последствий. Белая яхта больше не появлялась, что, впрочем, было не удивительно, так как зимнее море неистово бурлило штормами и снежными шквалами. Ближе к весне начал работу военно-морской патруль, усиленный вертолетами; все это, видимо, отпугнуло тех, кто посыпал яхту. Но вместе с усилением режима секретности повысилась и цена за получаемые сведения, и среди начальников Джуди бытовало общее мнение, что ставки в этой игре растут.

Джуди, единственной обязанностью которой было наблюдение, как всегда, могла свободно распоряжаться своим временем. Кводринга это даже устраивало, так как и Флеминг был, что называется, под присмотром. Джуди сидела с ним над обрывом, притворялась, что счастлива видеть его, и терзалась от мутивальной раздвоенности.

— Когда же вы собираетесь устроить пресс-конференцию? — задал Флеминг очередной вопрос.

— Не знаю, может быть, в этом году или в будущем... В общем, когда-нибудь устроим.

— Все это должно было стать достоянием гласности еще несколько месяцев назад!

— Но если это секрет?

— Секрет потому, что так удобнее политиканам. Вот почему все идет куда-то не туда. Как только науку отнимают у ученых и передают политиканам — ее обрекают на гибель. — Он кивнул головой в сторону городка. — Если все это и без того не обречено.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Джуди.

Он задумчиво смотрел на волны, разбивающиеся внизу, на глубине полутораста футов, а затем повернулся к ней, и впервые за долгое время на его лице появилось подобие улыбки.

— Уйти с тобой на яхте, — ответил он.

Стояли те обманчивые весенние дни, которые неожиданно выпадают в начале марта. Солнце сияло, с юго-запада тянулся легкий бриз, и море было прекрасным. Флеминг решил, что Джуди больше нечего делать, и каждый день они ходили на маленькой яхте по заливу и вдоль берега, добираясь до мыса Гринстон-Пойнт в одну сторону и до Гэрлоха – в другую. Вода была ледяная, но песок прогревался, и днем они обычно загоняли сущенышко в какую-нибудь живописную бухточку, шлепали по воде до берега и грелись на солнышке.

Уже через несколько дней Флеминг выглядел лучше. Он повеселел и, казалось, надолго забыл о томивших его мрачных мыслях. По-видимому, он чувствовал, что Джуди больше не хочет близости с ним, и очень скоро вошел в прежнюю роль – ласкового старшего брата. Джуди вся внутренне сжалась, но продолжала надеяться на то, что все изменится к лучшему.

Как-то в жаркий солнечный день они зашли в крошечный заливчик на обращенной к морю стороне Торхольма. Они лежали рядом на песке, и отвесные скалы, вздымавшиеся позади них, согревали их отраженным солнечным теплом. Они видели только голубое небо над скалами и слышали лишь тяжелые, мягкие всплески волн да крики морских птиц. Полежав немногого, Флеминг сел и стянул свой толстый свитер.

– Я бы на твоем месте тоже снял, – сказал он.

Поколебавшись, Джуди все же стянула через голову свитер и теперь лежала в шортах и бюстгальтере, чувствуя, как солнце и ветерок ласкают ее. Флеминг сперва как будто ничего не замечал.

– Это получше, чем счетные машины. – Глаза Джуди были закрыты, она улыбалась. – Значит, сюда ездит Бриджер?

– Ага.

– А я не вижу ни одной птички.

– Ну, одна-то есть! – он повернулся на бок и поцеловал ее. Джуди лежала безучастно, и Флеминг снова отвернулся, оставив руку на ее талии.

– Почему он не ездит сюда с тобой? – спросила Джуди.

– Не хочет нам мешать.

Она нахмурилась, а может быть, ее ослепило солнце.

– Он просто меня не любит.

– Но ведь это же взаимно.

Она не ответила. Рука Флеминга скользнула вниз, к ее бедру.

– Не надо, Джон!

– Ты что, дала обет воздержания? – с неожиданной злостью и раздражением спросил он.

– Нет, Джон, это не потому... Ты ведь...

– Что – я ведь?..

– Ты меня совсем не знаешь.

– Черт! Не много же у меня возможностей тебя узнать!

Джуди решительно встала и осмотрелась. Позади них в скале виднелась расщелина.

– Давай посмотрим, что там?

– Как хочешь.

– Наверное, это пещера?

– Да.

– Давай сходим посмотрим.

– Мы не так одеты.

– Что за формальности? – улыбнулась ему Джуди и натянула свитер. Затем бросила Флемингу его собственный. – Держи!

– Она чертовски глубокая. Нужно специальное снаряжение, шахтерские каски.

– Мы далеко не пойдем.

– Ну ладно! – он поднялся на ноги, совладав с раздражением. – Пошли!

Внутри пещера расширялась, а затем снова медленно сужалась, углубляясь в скалы. Сначала пол пещеры был песчаный, усеянный камнями, но дальше им пришлось карабкаться по большим камням. Было холодно и очень тихо. Флеминг принес с борта яхты фонари и осветил уходящие в темноту каменные стены. В свете фонарика блестели струйки сочавшейся по стенам воды. Пройдя несколько десятков метров, Джуди и Флеминг по-

пали другую пещеру; в ее дальнем конце оказался большой бассейн. Джуди опустилась на колени и взглянула в черную воду.

– Смотри, здесь какой-то шнур.

– Что-что? – Флеминг присел на корточки рядом с ней и тоже посмотрел в воду: в глубину уходил длинный белый шнур, конец которого был привязан к камню на берегу. Флеминг подергал его: шнур был натянут.

– Здесь глубоко? – Джуди проследила глазами за лучом фонаря, но не увидела ничего, кроме черноты, разливавшейся по поверхности воды.

– Ну-ка, подержи фонарь.

Флеминг взялся за шнур обеими руками и медленно вытянул его. К концу шнура вместе с камнями – для тяжести – была привязана большая металлическая коробка, похожая на дорожный термос; Джуди осветила крышку коробки.

– Да ведь это же термос Денниса! – воскликнул Флеминг.

– Денниса Бриджера?

– Ну да! Он купил его для пикников. Вот и его метка, видишь зигзаг?

– Зачем он его оставил здесь? – размышляла вслух Джуди.

– Откуда я знаю? Спроси лучше у него. Джуди открыла крышку и засунула внутрь руку.

– Да оставь ты, ради бога!

– Здесь бумаги, – сказала Джуди и, вытащив несколько листов, сунула их под фонарь. – Узнаешь?

– Наши материалы! – Флеминг недоверчиво разглядывал бумаги. – Копии. Надо отдать их ему.

– Нет. – Джуди снова вложила бумаги в термос и завернула крышку.

– Что ты хочешь сделать?

– Оставить там, где мы их нашли.

– Но это же абсурд!

– Джон, пожалуйста. Я знаю, что делаю: – Джуди подняла коробку и бросила ее обратно в воду, а он, нахмурившись, наблюдал за ней, держа фонарь в руке.

— Так что же ты делаешь? — резко спросил он. Джуди ничего не ответила.

Вернувшись в городок, они обнаружили там Рейнхарта. Профессор вцепился в Флеминга у подъезда административного корпуса.

— Можно вас на минутку, Джон?

— Меня здесь нет.

— Ну, Джон, не надо так, — профессор выглядел огорченным. — Мы зашли в тупик.

— Очень хорошо!

— Мадлен удалось синтезировать ДНК. Действительно обра-зуются клетки.

— Можете ею гордиться.

— Отдельные клетки. Но они не живут или живут всего не-сколько минут.

— Тогда вам повезло. Если бы они жили, то машина бы их контролировала.

— Каким же образом?

— Не знаю каким, но только они были бы нашими врагами.

— Но ведь отдельная клетка не в состоянии причинить боль-шого вреда. — Джуди и не предполагала, что профессор может так настойчиво уговаривать кого-нибудь. — Зайдите же к нам.

Флеминг упрямно выпятил нижнюю губу. Джуди поверну-лась к нему.

— Ну, иди, Джон. Ведь не укусят же они тебя.

Флеминг ссгустился и побрел за профессором.

А Джуди отправилась прямо в кабинет Кводринга доло-жить о Бриджере.

— Так. Это уже нечто, — сказал тот. — Где сейчас Бриджер?

Они позвонили в помещение счетной машины, но там отве-тили, что Бриджер только что вышел.

— Прикажите людям из контрразведки найти его и следить за ним, — сказал Кводринг своему ординарцу. — Но так, чтобы он их не заметил!

— Есть, сэр! — Ординарец повернулся на вращающемся табурете в сторону коммутатора.

— Кто сегодня патрулирует берег?

— Взвод «Б», сэр.

— Скажите им, чтобы держали под наблюдением дорожку к причалу.

— Они должны задержать его?

— Нет. Пусть дадут ему пройти и сообщат нам. — Квординг повернулся к Джуди. — Сегодня звонил его приятель. Должно быть, им что-то срочно понадобилось, если они идут на такой риск.

— Зачем им это?

— Возможно, подвернулась выгодная сделка. Мы, конечно, слушали разговор. Оба были страшно осторожны, но говорили что-то о новом маршруте.

Джуди не поняла и пожала плечами. Квординг подождал, пока ординарец поговорит по телефону с капралом из контрразведки, а когда тот отправился с приказом к командиру взвода «Б», майор подвел Джуди к карте на стене.

— Старый маршрут проходил через остров. Бриджер мог доставлять туда материалы и прятать их под водой, не покидая пределов лагеря. По мере надобности материалы могла забирать яхта. У одного из коллег Кауфмана есть, вероятно, океанская яхта, которая может стать на якорь где-нибудь в сторонке и выслать шлюпку на свидание с Бриджером.

— Белая яхта?

— Ну да, та, что вы видели.

— Так вот почему... — Джуди смотрела на карту. В ее памяти отчетливо всплыл тот далекий день, когда в нее стреляли.

— Кауфману нужен был кто-то, чтобы общаться с Бриджером и поддерживать связь с яхтой. Он поручил это своему шоферу, который пользовался его автомобилем.

— Так это шофер стрелял в меня?

— Да, вероятно, он. Это было глупо, но, видимо, он полагал, что сможет бросить труп в море.

Джуди стало зябко под толстым свитером.

– А новый маршрут?

– Из-за погоды и из-за нас они не могут использовать яхту, чтобы добраться до острова. Как вы обнаружили, Бриджер продолжает пользоваться тайником. Однако теперь ему придется забрать материалы и пронести их через главные ворота, что рискованнее.

Джуди смотрела в холодные сумерки за окном, вытеснившие ласковое тепло дня. На мысу, на фоне темнеющей травы, выступали черные прямоугольные крыши приземистых лабораторных зданий, в нескольких окнах жилых домиков светились огни, а над всем этим постепенно таял и исчезал в густеющем мраке гигантский купол неба. Где-то там, в ярко освещенной полуподвальной комнате, трудилась Дауни, увлеченная своим делом и не ведающая о том, что из этого получится. Где-то там Флеминг спорил с Рейнхартом о будущем. И где-то там, одинокий и жалкий, может быть внутренне трясясь от страха, Бриджер переодевался в дождевик, рыбакскую фуфайку и болотные сапоги, готовясь отправиться в ночь.

– Советую вам одеться потеплее, – сказал Кводринг. – Я и сам так сделаю.

В лаборатории Дауни было тепло. Свет и приборы не выключались там неделями и постепенно сводили на нет работу кондиционеров.

– Пахнет биологом, – заметил Флеминг, вошедший в лабораторию вместе с Рейнхартом. Дауни не отрываясь смотрела в окуляр микроскопа. Она рассеянно подняла глаза.

– Хэлло, доктор Флеминг! – Дауни произнесла это так, будто он выходил, только чтобы выпить чашку чаю. – Боюсь, что все это немножко смахивает на кухню ведьмы.

– Ну и как варево? – спросил Рейнхарт.

– Мы только что приготовили новую порцию. Хотите остаться и посмотреть? – Микроскоп был снабжен электронным устройством вроде телевизионного экрана. – Если что-нибудь произойдет, вам будет видно.

– Новую культуру? – спросил один из ассистентов Дауни, надевая иглу на шприц.

– Возьмите оттуда и следите за температурой иглы.

Пока ассистент доставал из холодильника маленький пузырек, Дауни рассказывала Флемингу о своих достижениях.

– Мы проводим синтез при температуре, близкой к точке замерзания, а их жизнедеятельность начинается уже при нормальной температуре. – Дауни казалась исполненной дружелюбия и, видимо, нимало не заботилась о том, что думает Флеминг. Ассистент проткнул иглой резиновую пробочку и набрал в шприц немного жидкости.

– Что это за форма жизни? – поинтересовался Флеминг.

– Всего лишь простые комочки протоплазмы с ядрами. А вам что нужно – щупальца и головы?

Взяв шприц, она выжала на предметное стекло каплю жидкости и закрепила его на столике микроскопа.

– Как они ведут себя?

– Двигаются немного, а затем погибают. В том-то и беда. Вероятно, мы еще не подобрали нужного состава питательной среды.

Дауни склонилась над микроскопом и подфокусировала изображение. Она двигала предметное стеклышко под объективом, и было видно, как возникают отдельные клетки – бледные диски с более темным центром. Несколько секунд они плавали по экрану, а затем замерли. К тому времени, как Дауни перешла на большее увеличение, клетки, очевидно, были мертвые. Она вытащила стеклышко. – Что ж, попробуем другую партию. – Она оглянулась и устало улыбнулась им. – Это ведь может продолжаться всю ночь.

Вскоре после полуночи было замечено, что Бриджер вышел из дома. Береговой патруль наблюдал за тем, как он спускался по тропинке к причалу. Его не окликнули, но тут же из старого дота у верхнего конца тропинки позвонили в караульное помещение. Когда Кводринг и Джуди присоединились к патрулю,

Бриджер уже отталкивал лодку от причала. Подвесной мотор его лодки фыркнул два раза и ровно затарахтел, удаляясь от берега.

При тусклом свете луны виднелась лодка, пересекающая залив.

— Вы не будете преследовать его? — спросила Джуди.

— Нет. Он вернется. — Кводринг негромко приказал часовым: — Оставайтесь наверху и не высовывайтесь. Возможно, он вернется очень нескоро.

Джуди посмотрела на море, где маленькая лодка уже терялась в волнах. Луна зашла задолго до рассвета, и, хотя мужчины были в шинелях, а Джуди в пальто, все сильно продрогли.

— Почему он не возвращается? — спросила Джуди.

— Не хочет плыть в темноте.

— А вдруг он знает, что мы здесь?..

— Откуда? Он просто ждет, чтобы стало светлее.

В четыре часа сменились часовые. Было еще темно. В пять часов небо окрасилось в серовато-жемчужные тона. Побрякивая термосами с чаем, прошел ночной дежурный по кухне. Один термос он оставил в караульной, другой — в проходной главных ворот, а третий — в здании счетной машины.

Дауни сдвинула очки на лоб и с шумом отхлебнула чай.

— Вы здесь надолго расположились, Мадлен? — Рейнхарт зевнул.

— Сейчас кончую. — Еще одно предметное стеклышко легло под объектив микроскопа. Лоток на столе рядом с Дауни уже до половины был наполнен использованными предметными стеклами; на уголке стола примостился Флеминг. Он не одобрял происходящего, но явно заинтересовался.

— Подождите немного, — Дауни повернула микрометрический винт. — Вот она!

На экране возникла формирующаяся клетка.

— Она, пожалуй, чувствует себя лучше, чем другие, — заметил Рейнхарт.

— Она растет! — Дауни уменьшила увеличение. — Глядите, начинает делиться!

Сужаясь посередине, клетка вытягивалась в два лепестка. Лепестки разделились, и каждый из них снова распался на две части.

— Воспроизвожу себя! — Дауни откинулась на спинку стула, не отрывая глаз от экрана. На лице ее были заметны следы утомления и радости. — Мы создали жизнь! Настоящую способную к воспроизведению клетку! Смотрите, снова делятся... Ну как, доктор Флеминг?

Флеминг соскочил со стола и стал внимательно смотреть на экран.

— Как вы собираетесь остановить деление?

— Совсем не собираюсь! Я хочу посмотреть, что получится.

— Смотрите-ка, образуется довольно четкая структура, — заметил Рейнхарт.

Руки Флеминга сжались в кулаки.

— Убейте ее!

— Что-о? — Дауни с легким удивлением взглянула на него.

— Убейте, пока можете!

— Но ведь она полностью под контролем.

— Будто бы?! Глядите, как она растет. — Флеминг указал на экран, где быстро увеличивалась масса непрерывно делящихся клеток.

— Ну что ж, так и должно быть. Давайте вдоволь питательных веществ, и за неделю можно вырастить амебу размером с Землю.

— Но это не амеба!

— Очень похоже на амебу.

— Убейте ее! — Флеминг посмотрел на их возбужденные, неумолимые лица и снова уставился на экран. Неожиданно он схватил тяжелый термос из-под чая и обрушил его на предметный столик микроскопа. Грохот металла и звон стекла прорезали тишину лаборатории. Экран погас.

– Вы, кретин! Щенок! Что вы наделали!? – со слезами в голосе крикнула Дауни.

– Джон... Что вы?!! – Рейнхарт бросился к нему, но опоздал: Флеминг уже смахнул на пол осколки предметного стеклышка и припечатал их каблуком.

– Вы все с ума сошли, все! Слепые, сбесившиеся психи, черт вас побери! – крикнул он и выбежал из лаборатории.

Он промчался через помещение счетной машины, по коридору и выскоцил на крыльце. Там он остановился передохнуть; холодный воздух обжег его лицо. Очутившись после душной лаборатории под открытым небом, в бледном свете начинающегося дня, Флеминг словно очнулся от кошмара. Он несколько раз глотнул холодный воздух и побрел по траве к оконечности мыса, пытаясь провентилировать свои легкие и мысли.

До его слуха донесся слабый звук подвесного мотора.

Он повернул и почти побежал к обрыву, к дорожке, ведущей от причала. Звук мотора все приближался, нараставая вместе со светом, и притягивал Флеминга словно магнит. На гребне он едва не наступил на лежавших в засаде Кводринга, Джуди и двух солдат. Флеминг резко остановился.

– Что здесь происходит, черт побери? Он уставиля на них диким, недоуменным взглядом. Кводринг поднялся на ноги. На груди у него болтался бинокль.

– Назад! Уходите отсюда!

Звук мотора оборвался. Там, внизу, лодка скользила к причалу. Джуди попыталась было подняться, но Кводринг осадил ее.

– Пожалуйста, Джон, уходи, – сказала она страдальческим голосом.

– Почему «уходи»? Что вы тут затеваете, черт побери?

– Тихо! – приказал Кводринг. – Не подходите к обрыву!

– Мы ждем Денниса Бриджера, – сказала Джуди.

– Денниса? – Флеминг был слишком потрясен, чтобы быстро осознать смысл происходящего.

– Советую исчезнуть, если не хотите увидеть, как его арестуют, – сказал Кводринг.

— Арестуют? — Флеминг медленно переводил взгляд с Кводринга на Джуди, по мере того как осознавал смысл этих слов.

— Да вы все спятили!

— Отойдите от обрыва! Молчать! — приказал майор.

Флеминг бросился было к краю обрыва, но Кводринг кивнул, и двое солдат, схватив его за локти, оттащили назад. В беспомощном отчаянии стоял он между державшими его солдатами. Капли холодного пота стекали по его лицу, а остановившиеся глаза видели только Джуди.

— Так, значит, и ты с ними?..

— Ты же сам знаешь, что мы нашли. — Она отвела глаза.

— Ты...

— Да! — сказала Джуди и отошла к Кводрингу.

Поднимавшийся по тропинке Бриджер тащил ту самую тяжелую коробку, что была в пещере. Ему дали дойти до самого верха, но когда его голова появилась над краем обрыва, Флеминг крикнул:

— Деннис!..

Один из солдат зажал ему рот, но Бриджер уже увидел их. Бросив коробку, он побежал, и Кводринг не успел помешать ему.

Хотя Бриджер был обут в резиновые сапоги, он бежал очень быстро; он мчался по тропе над самым обрывом, а за ним с топотом неслись Кводринг, солдаты, потом Флеминг, а Джуди замыкала погоню. Все это напоминало травлю оленя холодным ранним утром. Никто не видел, куда бежит Бриджер. Он уже достиг конца мыса, повернулся — и поскользнулся. Мокрые резиновые подошвы не смогли удержать его на поросшем травой краю обрыва, и он сорвался. Через пять секунд его изуродованный труп лежал на камнях у воды.

Подоспевший Флеминг глядел вниз, стоя рядом с солдатами на краю обрыва. Джуди подошла было к нему, но он молча отвернулся и медленно пошел обратно, в сторону городка. В пальце у него все еще торчал осколок стекла от микроскопа.

Задержавшись на мгновение, Флеминг вытащил его и побрел дальше.

ГЛАВА VII

Новая штаб-квартира генерала Ванденберга размещалась теперь в основательном бомбоубежище под министерством обороны. Координационные функции Ванденберга постепенно расширялись, пока он не стал фактическим руководителем всей английской военно-воздушной стратегии. Правительство Ее Величества скрепя сердце примирилось с этим ввиду все ухудшающейся международной обстановки.

Опираясь на министерство обороны, Ванденберг руководил теперь всеми соответствующими национальными учреждениями, включая Торнесс. Он не натягивал вожжи, но правил твердой рукой и внимательно следил за всем происходящим. Получив доклад о гибели Бриджера, он пригласил к себе Осборна.

Позиции Осборна были сейчас уже далеко не те, что в Болдершоу-Фелл, когда все еще только начиналось. Теперь их министерство не пользовалось прежним влиянием и ему с Рэтклиффом приходилось во всем уступать желаниям военных, напрягать все усилия, чтобы сохранить хоть какое-то влияние на ход собственных дел. Впрочем, Осборна не так-то легко было вывести из равновесия. Вот и сейчас он стоял перед письменным столом генерала, как всегда, безупречно элегантный и обходительный.

— Присаживайтесь, — кивнул на кресло Ванденберг, — в ногах правды нет.

Они обсудили обстоятельства гибели Бриджера — ход за ходом, словно играли в шахматы; генерал непрерывно атаковал, а Осборн стойко защищался, ничего, однако, не отрицая и не думая оправдываться.

— Все-таки вы должны признать, — сказал Ванденберг в конце разговора, — что ваше министерство здорово опростоволосилось.

— Смотря с какой точки зрения. Оттолкнув кресло, Ванденберг встал и подошел к карте на стене.

— Нам сейчас нельзя играть в науку, Осборн. Эта машина может сослужить службу и нам. Она построена на территории военного предприятия и с помощью военного министерства. Мы можем использовать ее в интереса общества.

— А чем же, черт побери, по-вашему, занимается Рейнхарт?!

— Осборн все-таки вышел из себя. — Ясно, ваши люди спят и видят, как бы прибрать ее к рукам. Конечно, мы вам кажемся анархистами только потому, что у нас не такой образ мышления. Да, я знаю, что произошла трагедия. Но то, что они там делают, — это жизненно важно!

— А то, что делаем мы, не важно?

— Вы не можете остановить их на полпути!

— Ну, а ваш кабинет думает иначе.

— А вы его запрашивали?

— Нет. Но это точно.

— По крайней мере, — к Осборну вернулось обычное хладнокровие, — по крайней мере дайте нам закончить нынешнюю программу, а мы дадим вам определенные гарантии.

Едва вернувшись в свой кабинет, он позвонил Рейнхарту:

— Бога ради, как-нибудь наладьте отношения с Джирсом!

Разговор Рейнхарта с директором удручающе походил на встречу Осборна и Ванденберга с той, однако, разницей, что профессор был сильнее Джирса в стратегии. После двух часов пререканий они вызвали Джуди.

— Нам придется усилить режим секретности, мисс Адамсон.

— Но ведь не могу же я... — и она умолкла.

Глаза Джирса недобро блеснули под очками. В поисках сочувствия она повернулась к Рейнхарту.

— Мое положение здесь станет невыносимым! Все мне доверяли, а теперь, оказывается, я шпион из контрразведки!

– Ну, я так всегда знал об этом, – мягко проговорил Рейнхарт, – а профессор Дауни догадалась. И она приняла это как должное.

– А доктор Флеминг не знал и не догадывался!

– Так и должно было быть, – заметил Джирс.

– Он считал, что я занимаюсь другим.

– Все понимают, что вам приходилось выполнять свои обязанности, мисс Адамсон, и это никого не возмущает. – Рейнхарт с несчастным видом разглядывал свои пальцы.

– Зато меня возмущает.

– Простите, я что-то не понимаю... – Джирс снял очки и прищурился, словно хотел отчетливее разглядеть Джуди. Ее била дрожь.

– Я ненавидела эту работу с самого начала. Было же совершенно ясно, что все тут заслуживают полного доверия, кроме Бриджера.

– Даже Флеминг?

– Доктор Флеминг на голову выше любого из всех, кого я когда-либо встречала! Его нужно оберегать от его собственной неосторожности, и я пыталась это делать. Но шпионить за ним я не буду!

– А что говорит Флеминг? – спросил Рейнхарт.

– С тех пор он со мной не разговаривает...

– Где он сейчас? – поинтересовался Джирс.

– Пьет, я полагаю.

– Так он продолжает в том же духе?! – Джирс возвел глаза к потолку с безнадежным видом, и Джуди неожиданно пришла в ярость.

– А что же ему, по-вашему, делать после того, что случилось? В картишки играть?! – Она снова повернулась к Рейнхарту, все еще надеясь найти поддержку. – Я очень... Я очень люблю... их всех. Я восхищаюсь ими!

– Моя дорогая, я, право же, не могу... – Рейнхарт не смотрел ей в глаза. – Может быть, это и хорошо, что теперь все открылось...

Джуди вдруг заметила, что стоит по стойке смирно. Она повернулась к Джирсу.

– Меня сменят?

– Нет.

– В таком случае могу я получить другое назначение?

– Нет.

– Ну, а раз так, могу я подать в отставку?

– Нет, пока не отменено чрезвычайное положение.

Она заметила, что глаза у Джирса посажены слишком близко. Эти глаза смотрели ей прямо в лицо; то был начальственный взор.

– Если бы не ваш отличный служебной список, я подумал бы, что вы слишком неопытны для этой работы. Но я полагаю, что на вас просто повлиял образ мышления наших ученых, в особенности таких неуравновешенных и безответственных, как Флеминг.

– Он не безответственный.

– Неужели?

– Когда речь идет о важных вещах.

– Здесь у нас считается важным лишь то, что обеспечивает стране возможность выжить. На нас оказывают очень сильное давление!

– Для военных – все война, – холодно заметил Рейнхарт. Он подошел к окну и остановился, заложив руки за спину. – Мрачное, знаете ли, место. Все мы чувствуем его гнет!

Некоторое время после этой стычки Джирс был необычно говорчив. Он сделал для Дауни все, что мог, и новое оборудование взамен разбитого Флемингом было доставлено очень быстро. Вообще Джирс уже открыто причислял себя к участникам ее работы. Рейнхарт боролся изо всех сил, пытаясь сохранить хоть какое-то влияние на ход дела, а Джуди в мрачном отчаянии вернулась к исполнению своих обязанностей. Она даже набралась храбрости и пошла к Флемингу, но его комната была пуста, так же как и три валявшиеся у кровати бутылки. В течение нескольких дней после смерти Бриджера Флеминг ни с кем и словом не обмолвился, за одним-единственным исключением.

Едва получив возможность, Дауни снова ушла с головой в работу; сравнительно простые вычисления, связанные с подготовкой данных для счетной машины, выполняла Кристин. Не прошло и недели, как им удалось осуществить еще один успешный синтез. Поздним вечером они следили за его ходом в отремонтированный микроскоп, как вдруг дверь лаборатории распахнулась: на пороге, пошатываясь, стоял Флеминг.

Дауни выпрямилась и посмотрела на него. На Флеминге не было ни куртки, ни галстука — только измятая и перепачканная рубашка; видимо, он не брился уже с неделю. Казалось, он был на грани белой горячки.

— Что вам нужно?

Он устремил на нее мутный взгляд и сделал неверный шаг вперед.

— Нет-нет, пожалуйста, не подходите.

— Я вижу, у вас приборы новые, — сказал он заплетающимся языком, и его губы, задергавшись, расползлись в бессмысленную улыбку.

— Правильно. Пожалуйста, уходите.

— Бриджер умер... — Он продолжал тупо улыбаться.

— Я знаю.

— Вы тут все работаете, как будто ничего не случилось... — Трудно было понять, что он говорит. — А Бриджер — мертвый. Его больше не будет никогда...

— Мы все это знаем, доктор Флеминг. Качнувшись, он сделал еще один шаг вперед.

— Что вы все здесь делаете?..

— Это вас не касается. Может быть, вы наконец уйдете? — Дауни поднялась и решительно направилась к нему. Он, мигая, смотрел на нее, и улыбка гасла на его лице.

— Он был мой самый старый друг. Дурак он был, но он был мой самый...

— Доктор Флеминг, — спокойно сказала Дауни, — вы уйдете, или мне вызвать охрану?

Он еще несколько секунд смотрел на нее, словно пытаясь разглядеть ее сквозь туман, затем пожал плечами и потащился прочь. Дауни шла за ним до двери и заперла ее, когда он переступил порог.

— Только этого нам не хватало! — сказала она Кристин.

Флеминг с трудом добрался до своего домика, вытащил из ящика стола начатую бутылку виски и выпил ее в раковину. После этого он свалился на постель и проспал целые сутки. На следующий вечер он побрился, принял ванну и начал собирать вещи.

Новая клетка размножалась с фантастической быстротой. Через несколько часов Дауни пришлось перенести комочек вещества с предметного стеклышка в небольшую ванночку с питательным бульоном, которую на следующее утро пришлось заменить ванночкой побольше. Весь день, пока Флеминг спал, клетки продолжали безостановочно делиться; к вечеру Дауни была вынуждена обратиться за помощью к Джирсу. Тот отнесся к проблеме как рачительный хозяин и приказал, чтобы в мастерской изготовили глубокий бак с электрическим подогревом, системой капельной подпитки над верхним открытым концом и смотровым окном в середине передней стенки. Перед рассветом четыре ассистента извлекли новое существо из ванны, ставшей слишком тесной, и поместили его в бак.

Оно продолжало расти, пока не достигло размеров овцы; затем рост прекратился. Существо, по-видимому, чувствовало себя хорошо, казалось вполне безвредным, но отнюдь не отличалось красотой.

Утром пришел Рейнхарт, который наконец принял определенное решение и намеревался поговорить с Дауни. Она все еще была в лаборатории и возилась у бака, проверяя систему подпитки. Он ходил вокруг да около, пока она не освободилась.

— Все еще живет?

— И процветает! — Дауни за это время побледнела, вокруг глаз и рта залегли морщинки, но тем не менее она совсем не выглядела усталой. — А ведь полтора дня назад это было просто пятнышко на предметном стекле. Я же говорила, что организм

может расти с любой быстротой – лишь бы было соответственное питание.

– Но, кажется, оно уже перестало расти? – Рейнхарт заглянул внутрь, сквозь смотровое стекло, за которым виднелась шевелящаяся во мраке темная масса.

– Похоже, что его размер и форма предопределены заранее, – сказала Дауни, беря со стола пачку рентгенограмм. Она протянула их Рейнхарту. – Правда, здесь мало что видно. Полное отсутствие костных образований. Напоминает огромный кусок студня. Но в то же время у него есть глаз и какое-то подобие мозга, напоминающее очень сложные нервные узлы.

– И больше ничего примечательного? – Рейнхарт, прищурившись, рассматривал рентгенограммы.

– Нет, разве что зачатки ног, хотя, вернее всего, это просто раздвоенный кусок ткани.

Рейнхарт отложил рентгенограммы и сосредоточенно нахмурился.

– Как оно питается?

– Непосредственно через кожу. Оно живет в питательной среде и усваивает ее прямо клетками тела. Очень просто и очень эффективно.

– А что машина? Дауни сделала большие глаза.

– При чем тут машина? – Она как-нибудь реагирует на все это?

– Но каким образом?

– Не знаю, – Рейнхарт обеспокоенно нахмурился. – Так как же, реагирует?

– Нет. Она была совершенно спокойна. Профессор отправился в машинный зал и медленно возвратился, опустив голову, сосредоточенно рассматривая поблескивающие при каждом шаге носки тщательно вычищенных туфель. Время было раннее, кругом стояла полная тишина. Он заложил руки за спину и сказал, не поднимая глаз:

– Я хочу, чтобы Флеминг сюда вернулся. Сначала Дауни ничего не ответила, потом сказала:

– Эксперимент полностью контролируется.

– Кем контролируется?

– Мной.

Профессор заставил себя взглянуть на нее.

– Мы живем в долг, Мадлен. Местное начальство хочет от нас избавиться.

– Сейчас, когда работа в самом разгаре?!

– Нет, министерство отстояло нас, но мы должны работать как единая группа и давать результаты.

– Хорошенькое дельце! А это что же, не результаты? – Дауни ткнула в бак коротким костлявым пальцем. – Мы на пороге величайшего открытия века – мы создаем жизнь!

– Да, я знаю, – уныло сказал Рейнхарт, неловко переминаясь с ноги на ногу. – Но куда это нас приведет?

– Нам еще многое нужно узнать.

– Но мы больше не можем допускать никаких инцидентов.

– Я управлюсь сама.

– Мадлен, дело ведь касается не только вас одной, – Рейнхарт говорил с мягкой настойчивостью. – Мы все в этом участвуем.

– Я управлюсь сама, – повторила она.

– Вы не сможете отделить существо от его создателя – от машины.

– Конечно, не смогу. Но у меня есть Кристин, она разбирается в машине.

– Кристин разбирается, так сказать, в арифметике, а тут, помоему, существует еще высшая логика или что-то вроде этого. Ее понимает только Флеминг.

– Я не потерплю, чтобы Джон Флеминг околачивался здесь в пьяном виде, срывал мой эксперимент и ломал приборы! – повысила голос Дауни. Рейнхарт спокойно посмотрел на нее. В нем еще было некоторое напряжение, но оно уже почти сменилось решимостью.

– Нам не всегда приходится делать то, что хочется! – он сказал это так резко, что Дауни снова посмотрела на него с изумлением. – Я пока еще руководитель этих работ. Хотя бы

номинальный. И останусь руководителем, пока мы работаем единой группой и работа имеет смысл. Это значит, что Флеминг будет здесь!

– Пьяный или трезвый?

– Боже мой, Мадлен, если мы не можем доверять друг другу, кому же нам доверять?

Дауни хотела было что-то возразить, но остановилась.

– Ну, ладно. Если он будет вести себя прилично и не станет совать нос в чужие дела...

– Спасибо, моя дорогая, – и Рейнхарт улыбнулся ей.

Выйдя из лаборатории, он направился прямо к Джирсу.

– Но Флеминг сообщил мне, что уезжает, – сказал тот. – Я сейчас послал мисс Адамсон к счетной машине, чтобы помешать ему натворить на прощание каких-нибудь дел.

Однако в здании счетной машины Флеминга не было. Джуди в нерешительности стояла перед пустым пультом управления, но тут к ней подошла Дауни.

– Хэлло! Хотите взглянуть на Циклопа?

– Почему вы его так называете?

– Из-за его физических характеристик. Дауни, по-видимому, была в прекрасном настроении. – И чему только учат современных девиц? Ну, пошли, он здесь, рядом.

– А это нужно?

– Не интересуетесь?

– Да, но...

Джуди совсем растерялась. Она ничего знала о том, как развивался эксперимент. Последние двое суток все ее мысли были заняты только Флемингом и Бриджером да собственным беспросветным положением. Поэтому, если она и думала о созданном Дауни существе, то как о чем-то микроскопически маленьком и не имеющем к ней никакого отношения. Она прошла за Дауни в лабораторию, ни чем не думая и совершенно не представляя, что ее там ждет.

Внушительный вид бака озадачил ее. Он не ожидала увидеть ничего подобного. – Загляните внутрь, – сказала Дауни.

Джуди склонилась над открытым верхом бака, не подозревая, что ей предстоит увидеть. Существо имело некоторое сходство с удлиненной медузой, но ни конечностей, ни щупалец у него не было; с одного конца оно как будто раздваивалось, а на другом находилось некое утолщение – подобие головы. Существо плавало в жидкости – подрагивающая, колышущаяся масса протоплазмы, зеленоватожелтой, слизистой и блестящей. А в середине того, что можно было бы назвать головой, располагался глаз – огромный, лишенный век, бесцветный глаз.

Неудержимый приступ тошноты и ужаса потряс Джуди. Сделав глотательное движение, она отвернулась от бака и впилась глазами в Дауни, словно та была тоже порождением кошмаря. Затем, закрыв рот рукой, Джуди бросилась вон.

Не разбирая дороги, она побежала напрямик к домику Флеминга, распахнула дверь и ворвалась в комнату.

Флеминг запихивал в рюкзак остатки своего имущества; на полу стояли запертые чемоданы. Он холодно взглянул на задыхающуюся Джуди.

– Второй раз не выйдет, – сказал он.

– Джон! – Ей не сразу удалось заговорить. Голова кружилась и звенела, к горлу подступал комок. – Джон, ты должен туда пойти.

– Куда? – В его взгляде была только враждебность.

Невзгоды прошедшей недели наложили отпечаток на его лицо – оно было бледным, с темными мешками под глазами, но сам он был спокоен, чисто выбрит и, несомненно, полностью владел собой. Джуди попыталась выдавить из себя:

– В лабораторию.

– Ради вас? – спросил он спокойно, но с издевкой.

– Не ради меня. Они создали что-то ужасное. Какое-то существо...

– Почему бы вам не сообщить об этом в пятый отдел?

– Ну, прошу тебя! – Джуди двинулась нему. Она чувствовала себя совсем беззащитной, но сейчас ей было все равно, что он скажет или сделает. Флеминг отвернулся и снова занялся

своим рюкзаком. – Джон, пожалуйста. Происходит что-то ужасное. Ты обязан остановить...

– Не указывайте мне, что я обязан дела а чего – нет, – сказал он.

– Они создали какую-то тварь! Это чудовище, и у него – глаз. Глаз!

– Это не мое дело. – Он затолкал поверх всего старый свитер и затянул тесемки рюкзака.

– Джон, только ты один...

Он стащил рюкзак с кровати и, пройдя мимо Джуди, бросил его рядом с чемоданами.

– Чья это вина?

Джуди сделала глубокий вдох.

– Я не убивала Бриджера!

– Не убивала? И не ты натравила на него эту шайку?

– Я пыталась предостеречь тебя.

– Ты пыталась одурачить меня. Спала со мной...

– Нет! Только однажды. Я ведь тоже человек. У меня была своя работа...

– Грязная работа, и ты с ней справилась блестяще.

– Я никогда не шпионила за тобой. Бриджер – другое дело!

– Деннис Бриджер был мой самый старый друг и мой самый лучший помощник.

– Он предавал тебя!

– Предавал! – Флеминг быстро взглянул на нее, отошел к шкафу и принялся разбирать коллекцию старых бутылок и стаканов, – Приберегите свои ярлычки для другого случая. Деннису принадлежала половина нашего дела. Это было создание его ума и моего тоже; оно не принадлежит ни тебе, ни твоим хозяевам. Если Деннис захотел продать свою собственность – так на здоровье! Тебе-то что было до этого?

– Я же говорила тебе: мне не нравится то, что я должна делать. Я же говорила, чтобы ты не доверял мне. Ты думаешь, у меня...

Помимо воли голос Джуди задрожал.

— А, да не распускай нюни, — сказал Флеминг. — Иди-ка ты отсюда!

— Я уйду, если ты поговоришь с Дауни.

— Я уезжаю.

— Ты не можешь! А как же эта чудовищная тварь?! — Джуди в отчаянии вцепилась в рукав Флеминга, но он оттолкнул ее и пошел к выходу. — Всего хорошего! — и он распахнул дверь.

— Ты не можешь сейчас умыть руки!

— Всего хорошего, — сказал он спокойно, дожидаясь, когда она уйдет. Джуди медлила, пытаясь придумать, что бы еще сказать ей, и в этот момент на пороге появился Рейнхарт.

— Здравствуйте, Джон. — Он перевел взгляд на Джуди. — Здравствуйте, мисс Адамсон.

Она молча прошла между ними к двери и только жмурилась, чтобы сдержать слезы.

Рейнхарт хотел было остановить ее, но Флеминг захлопнул дверь.

— Вы знали, кто эта особа?

— Да.

Рейнхарт подошел к кровати и опустился на нее. Он выглядел старым и усталым.

— И что же, не могли сказать мне? — спросил Флеминг с осуждением в голосе.

— Нет, Джон, не мог.

— Хорошо. — Флеминг выдвигал и задвигал ящики, провевая, все ли он взял. — Можете нанять на мое место кого-нибудь, кому вы будете доверять!

Професор обвел глазами комнату.

— У вас не найдется чего-нибудь выпить? — Он потер лоб ладошкой, чтобы прийти в себя. Второй разговор с Джирсом был не из легких. — С чего это вы взяли, что я вам не доверяю?

— А разве хоть кто-нибудь нам доверяет? — Флеминг рылся среди пустых бутылок. — Всем плевать на то, что мы говорим.

— Но не на то, что мы делаем.

— Брэнди сойдет? — Флеминг наконец нашел что-то на дне одной из бутылок и вылил в стакан. — Ну конечно, мы очень

толковые мастеровые! Но когда дело доходит до основной идеи, до мысли о том, зачем все это, — тут они ничего не желают знать.

Он протянул стакан.

— У вас не найдется чуть-чуть водички? — попросил Рейнхарт.

— Этого — сколько угодно.

— А вы? — кивнул на бутылку Рейнхарт. Флеминг покачал головой.

— Они просто считают, что им повезло, — продолжал он, наливая воду из крана. — А когда мы говорим, что это только начали чего-то большего, они смотрят на нас как на буйнопомешанных. Натравливают на нас своих сторожевых псов... Вернее, сучек.

— Не вымешайте своего раздражения на этой девушке. — Рейнхарт взял стакан и отхлебнул.

— Ничего я ни на ком не вымешаю. Но если они не видят, что сигналы, пойманные нами тогда по чистейшей случайности, могут полностью изменить нашу жизнь, то пускай и распутывают все как знают. В любом случае они только все испоганят и ничего не получится.

— Кое-что уже получилось.

— Уродец у Дауни?

— Вы знаете о нем?

— А! Это всего лишь подпрограмма, придаток машины. — Флеминг заглянул в пустой шкаф, но думал уже о другом. — Дауни считает, что машина наделила ее властью создавать жизнь. Но она ошибается. Машина наделила этой властью себя.

— В таком случае вы должны быть здесь и все контролировать, Джон.

— Это не мое дело, — он с силой захлопнул дверцу шкафа. — Видит бог, как я жалею, что ввязался в эту историю!

— Но, раз уж вы начали, на вас лежит ответственность.

— Ответственность? Перед кем? Перед теми, кто не хочет меня слушать?

– Я же вас слушаю.

– Ну, хорошо. – Флеминг бродил по комнате, подбирай бумажки, всякий хлам и бросая все это в корзину. – Я только расскажу вам, с чем вы здесь имеете дело.

– Если вы предложите что-нибудь конструктивное... – После брэнди голос Рейнхарта стал увереннее.

– Послушайте... – Флеминг наконец остановился в ногах кровати и оперся о спинку, сосредоточившись уже не на том, что было в комнате, а на своих мыслях. – Вот все вы только и спрашиваете: «Что?», «Что это такое?», «Что оно делает?», и никто, кроме меня, не спросил: «Зачем?» Зачем чуждый нам разум за две сотни световых лет отсюда не пожалел трудов, чтобы затеять все это?

– Разве мы можем ответить на этот вопрос?

– Мы можем строить логические заключения.

– Догадки.

– Ну, если вы не хотите додумывать до конца...

Он резко выпрямился, и его руки бессильно упали. Рейнхарт понемножку потягивал брэнди и ждал. Через минуту Флеминг снова успокоился и чуть смущенно усмехнулся.

– Старый черт вы эдакий! – Он сел рядом с профессором. – Ведь это же логический разум, где бы и каким бы он ни был! Он посыпает ряд инструкций, составленных в абсолютных терминах и описывающих устройство, которое мы интерпретируем как счетную машину. Зачем? Или, по-вашему, они сказали себе: «Ах, какая интересная техническая информация. Ну-ка, растро-звоним о ней по всей Вселенной – вдруг кому-нибудь да пригодится?»

– Очевидно, сами вы так не думаете?

– Не думаю. Потому что там, где разум, там и воля. А где воля, там и честолюбивые устремления. Предположите-ка, что этот разум желает распространиться.

– Ну что ж, теория как теория.

– Это единственное логическое предположение! – Флеминг ударил себя кулаком по колену. – Так что же делает этот разум? Он отправляет послание, которое могут принять, понять и

воплотить в жизнь другие цивилизации. Техника роли не играет, как не играет роли марка радиоприемника, который вы покупаете: программы для всех одни и те же. Важно то, что мы берем их программу, — программу, которая, используя математическую логику, может приспособиться к нашим условиям — или любым другим, если уж на то пошло. Машине известны основные формы жизни, и она выясняет, к какой из них принадлежим мы. Выясняет, как работает наш мозг, как устроено наше тело, как мы получаем информацию о внешнем мире, — мы рассказали машине о нашей нервной системе и наших органах чувств. И вот она создает существо, у которого есть тело и орган чувств — глаза. У него ведь есть глаза, не так ли?

— Да, есть.

— Возможно, это существо весьма примитивно, но это уже шаг вперед. Дауни считает, что пользуется машиной, а на самом деле машина использует ее!

— Шаг к чему? — небрежно спросил Рейнхарт.

— Не знаю. К какой-то форме господства.

— Над нами?

— Только это и можно предположить. Рейнхарт поднялся и, медленно и задумчиво пройдя через комнату, поставил пустой стакан рядом с остальной посудой.

— Не знаю, Джон.

Флеминг, по-видимому, почувствовал, что Рейнхарт колеблется, и мягко сказал:

— Первые путешественники, вероятно, казались туземцам вполне безобидными. Добрые старенькие миссионеры в смешных пробковых шлемах... Но кончилось-то тем, что они стали их правителями.

— Возможно, вы правы. — Рейнхарт благодарно улыбнулся ему. Это было совсем как в прежние времена, когда оба они думали одинаково. — Впрочем, миссионер этот довольно необычный.

– Скажите, какой у него мозг, у этого существа Дауни? – Рейнхарт пожал плечами, а Флеминг продолжал: – Мыслит оно, как мы или как машина?

– Еще не известно, мыслит ли оно вообще.

– Если у него есть глаз, то есть и нервные центры, значит, должен быть и мозг. Но какой мозг?

– Вероятно, тоже примитивный.

– Почему? – возразил Флеминг. – Почему бы машине не обзавестись прицелом к своему разуму – вспомогательной машиной, которая функционирует так же, как и главная, но в отличие от нее обладает органическим телом?

– А какая ей от этого польза?

– Какая польза от органического тела? Машина, наделенная органами чувств? Машина с глазом?

– Вы никого в этом не убедите, – сказал Рейнхарт.

– Не растревляйте мне раны.

– Вам придется остаться при машине, Джон.

– Для чего?

– Для того, чтобы ее контролировать. – Решение было принято много часов назад, и теперь Рейнхарт говорил твердо. Флеминг покачал головой.

– Каким образом? Машина умнее нас.

– Умнее?

– Я не желаю принимать в этом участие.

– По вашей теории, ее бы это только устроило.

– Но вы мне не верите... Рейнхарт жестом остановил его.

– Я готов вам поверить.

– Тогда уничтожьте ее. Это единственный безопасный выход.

– И мы это сделаем, если потребуется, – сказал Рейнхарт и направился к двери, словно они уже обо всем договорились. Флеминг быстро повернулся к нему.

– Уничтожите? Вы действительно считаете, что сможете это сделать? Помните, что произошло, когда я попытался все приостановить? Дауни просто вышвырнула меня вон. А если вы попытаетесь, то и вас вышвырнут.

– Меня и так хотят вышвырнуть.

– Хотят... чего?! – Флеминга словно ударили.

– Есть силы, которые хотят нас всех убрать отсюда, – сказал Рейнхарт. – Стоит им только узнать, что у нас разброд, и нас вытеснят.

– Но зачем, черт побери?

– По их мнению, они лучше знают, как использовать машину. Но пока мы здесь, Джон, мы всегда можем отключить рульник. И отключим, если понадобится. – Он перевел взгляд с встревоженного лица Флеминга на стоящие на полу чемоданы.

– Распакуйте-ка лучше все это.

При встрече Дауни и Флеминга воздух был насыщен электричеством, но ничего драматического не произошло. Флеминг был достаточно спокоен, а Дауни разговаривала с ним со снисходительной усмешкой.

– Добро пожаловать, блудный сын, – сказала она и повела его смотреть существо в баке.

Существо мирно плавало в своей питательной ванне. Оно обнаружило смотровое окно и большую часть времени проводило, прильнув к нему единственным, лишенным век огромным глазом. Флеминг уставился на него, но так и не смог решить, осознает ли оно то, что видит.

– Оно способно к какому-нибудь общению?

– Мой милый, у нас не было времени узнать о нем хоть что-нибудь, – Дауни говорила так, словно ей приходилось объяснять студенту-юнцу очевидные истины.

– Есть у него голосовые связки или что-нибудь в этом роде?

– Нет.

– Хм! – Флеминг выпрямился и заглянул через верх бака. – Возможно, это слабая попытка создать человека.

– Человека? Что-то не похоже на человека. Флеминг прошел в машинный зал, где Кристин следила за индикаторной панелью.

– Что-нибудь печатается?

— Нет, ничего. — Кристин казалась озадаченной. — Но в ней что-то происходит, — добавила она.

Лампочки на индикаторной панели безостановочно мигали. Похоже было, что машина работает сама для себя, не выдавая результатов.

Следующие два-три дня прошли без происшествий, а потом Флеминг соорудил большую магнитную катушку, обмотав провод вокруг бака и соединив его концы с машиной. Он не объяснил остальным, для чего это делает, да, говоря по правде, и не мог бы объяснить. Но сразу же индикаторная панель неистово замигала всеми своими лампочками. Из лаборатории прибежала Кристин.

— Циклоп страшно возбужден. Носится как угорелый в своем баке.

И действительно, даже в соседней комнате были слышны глухие удары и плеск Флеминг отсоединил катушку, и шум прекратился. Затем он снова подсоединил катушку, — и существо вновь заметалось; однако выходное устройство продолжало бездействовать. Пришел Рейнхарт справиться, как идут дела; в его присутствии Дауни и Флеминг еще раз проделали операцию с подключением, но так ничего и не смогли понять.

На следующий день Флеминг снова созвал их.

— Я хочу произвести один эксперимент, — объявил он.

Он подошел к индикаторной панели и встал спиной к ней между двумя таинственными стержнями, назначение которых по-прежнему не было известно. Постояв немного, он снял со стержней прозрачные предохранительные чехлы и снова встал между ними, но ничего не произошло.

— Пожалуйста, встаньте на минутку сюда, — попросил он Рейнхарта и отошел, уступая место профессору. — Осторожнее, не прикоснитесь к ним. Они находятся под напряжением в тысячу вольт, если не больше.

Рейнхарт неподвижно стоял между стержнями, спиной к индикаторной панели.

— Что-нибудь чувствуете?

— Очень слабое... — Он помедлил. — Что-то вроде головокружения.

— Что-нибудь еще?

— Нет.

Рейнхарт отошел от панели.

— Ну, как, прошlo?

— Да, — ответил профессор, — сейчас ничего не ощущаю.

Флеминг повторил эксперимент с Дауни, но та не почувствовала ничего.

— У разных людей уровень электрической активности мозга различен, — сказала Дауни. — У меня, очевидно, он низкий, так же как у Флеминга. У вас, Эрнест, он должен быть выше, так как вызывает утечку тока между стержнями. Попробуйте вы, Кристин. Лицо Кристин стало испуганным. — Ну-ну, ничего, — подбодрил ее Флеминг. — Встаньте так, чтобы ваша голова была между этими штуками, но только не касайтесь их, а то поджаритесь!

Кристин встала между стержнями. В первый момент, казалось, ничего не произошло, потом она вся напряглась, ее глаза закрылись; покачнувшись вперед, она упала без сознания. Ее подхватили и перенесли на стул; Дауни оттянула ей веки, чтобы посмотреть зрачки.

— Все в порядке. Это просто обморок.

— Что произошло? — спросил Рейнхарт. — Она дотронулась до стержня?

— Нет, — ответил Флеминг, — но на всякий случай я снова надену чехлы. — Сделав это, он погрузился в задумчивость, пока Дауни и Рейнхарт приводили в чувство Кристин, пригибая ей голову к коленям и смачивая лоб холодной водой.

— Если между этими стержнями существует постоянный электрический разряд и в него вводится электрическое поле работающего мозга...

— Погодите, — нетерпеливо оборвала его Дауни, — кажется, она приходит в себя.

– О, с ней ничего не случится. – Флеминг задумчиво глядел на панель и на два торчащих из нее, изолированных теперь контакта.

– Это поле будет изменять силу тока в разряде, модулировать ее, так сказать. Мозг тоже почувствует реакцию, и тогда может происходить своего рода восприятие; значит, работать это может и туда и сюда...

– Что это вы там бормочете? – спросил Рейнхарт.

– Да все то же! – Флеминг весь был охвачен возбуждением.

– Мне кажется, теперь я знаю, для чего эти стержни. Они служат для общения с машиной – для передачи и восприятия.

Дауни недоверчиво посмотрела на него.

– Просто Кристин склонна к истерии. Вероятно, легко поддается гипнозу.

– Может быть.

Кристин пришла в себя и замигала.

– Хэлло, – сказала она со слабой улыбкой. – Я, кажется, упала в обморок?

– Так оно и было, – ответила Дауни. – я в вас, должно быть, чертовски много электричества.

– Неужели?

Рейнхарт подал Кристин стакан воды. Флеминг повернулся к ней и усмехнулся.

– Только что вы сослужили великую службу науке. Впредь держитесь от них подальше, – кивнул он в сторону стержней.

Затем Флеминг снова повернулся к Рейнхарту.

– Вся штука в том, что при наличии подходящего мозга – не человеческого, а работающего так, как задано машиной, – с ней можно установить контакт. Ведь наш способ задавать вопросы, вводя обратно ответы, очень неудобен. Все эти печатающие устройства...

– Значит, вы хотите сказать, что она может читать мысли? – ironически спросила Дауни.

– Я хочу сказать, что два мозга могут поддерживать электрическую связь, если они одного и того же рода. Если вы

возьмете вашего уродца и просунете его голову между этими стержнями...

— Не понимаю, как это можно осуществить.

— Но ведь именно это ему и нужно! Потому-то он и беспокоится... Вернее, оба они беспокоятся. Они хотят войти в контакт. Существо находится в электромагнитном поле, создаваемом машиной, и машина знает, что из этого логически следует. Вот над чем она работала все это время, не сообщая нам.

— Но Циклопа нельзя вытащить из его питательной ванны; он погибнет, — сказала Дауни.

— Значит, должен быть какой-то другой способ.

— Можно было бы соорудить своего рода электроэнцефалограф, — заметил Рейнхарт. — Вроде тех, которые применяются для анализа работы мозга. Надо прикрепить к голове Циклопа несколько электрических контактов, а для передачи информации подвести к стержням коаксиальный кабель. При этом придется подключить его через трансформатор, иначе Циклопа убьет током.

— И что это даст? — Дауни скептически посмотрела на него.

— Это свяжет машину с ее вспомогательным интеллектом, — ответил Флеминг.

— Для какой цели?

— Для ее собственных нужд. — Он отвернулся и стал расхаживать по залу. Дауни дождалась, что скажет Рейнхарт, но старый ученый только хмурился, упорно разглядывая свои руки.

— Чувствуете себя лучше? — спросил он у Кристин.

— Да, спасибо.

— Как вы думаете, смогли бы вы соорудить что-нибудь вроде того, о чем сейчас говорили?

— Думаю, что да.

— Доктор Флеминг вам поможет. Правда, Джон?

Флеминг стоял в дальнем конце зала; за его спиной высился ярус аппаратуры.

— Если вы этого действительно хотите, — ответил он.

– В противном случае, – сказал Рейнхарт, обращаясь больше к себе и Дауни, чем к Флемингу, – нам придется собирать чемоданы и сдавать дела. Кажется, другого выбора у нас нет?

ГЛАВА VIII

Джуди старалась встречаться с Флемингом как можно реже, но когда ей все же случалось видеть его, он обычно бывал с Кристин. Смерть Бриджера изменила все: даже наступившая было весенняя погода вскоре изменилась; серая, унылая пелена тумана окутала и городок, и ее душу. Терзания Джуди усилились, когда она поняла, что Кристин может занять в жизни Флеминга не только ее место, но, вероятно, и место Денниса Бриджера, помогая Флемингу работать и думать, чего она, Джуди, не способна была сделать. Сначала Джуди решила, что она не сможет этого вынести, и, действуя через голову Джирса, написала непосредственно в Уайтхолл, умоляя перевести ее в другое место. Единственным результатом была еще одна лекция, прочитанная ей Джирсом.

— Ваша работа здесь еще только началась, мисс Адамсон.

— Но с делом Бриджера покончено.

— С самим Бриджером — может быть, но не с делом. — Казалось, Джирс абсолютно не подозревает о ее горестях. — Сведения, полученные «Интелем», могли только раздразнить его, и сейчас, потеряв Бриджера, они примутся подыскивать себе кого-нибудь еще, — возможно, из числа его друзей.

— Вы думаете, что доктор Флеминг может им продаться? — язвительно спросила она.

— Кто угодно может, если мы ослабим бдительность.

Однако на этот раз о новых происках «Интеля» сообщил Флеминг, а не Джуди.

Он с Кристин и Дауни придумал способ укрепления контактных пластин энцефалографа на так называемой голове Циклопа, а Кристин помогла ему соединить пластины кабелем с высоковольтными стержнями на индикаторной панели машины,

под которой они установили дополнительный трансформатор; теперь напряжение, достигающее Циклопа, не могло превысить напряжения батареек карманного фонаря. Но все равно то, что произошло, насторожило всех. При первом же подключении существо словно окаменело, а лампочки на индикаторной панели машины замигали с такой скоростью, что отдельные вспышки перестали различаться. Однако вскоре и существо и машина, по-видимому, приспособились друг к другу; процесс прохождения информации непрерывно продолжался, хотя печатающее устройство ничего не выдавало. А Циклоп спокойно плавал в баке и смотрел в окно своим единственным глазом.

Все это заняло несколько дней, а затем Кристин оставили присматривать за соединенными кабелем лабораторией и машинным залом, наказав вызвать Дауни или Флеминга, если что-нибудь произойдет. Вскоре Дауни ненадолго уехала в заработанный тяжким трудом отпуск, а Флеминг продолжал время от времени наведываться к счетной машине, чтобы проверить, все ли в порядке, и повидаться с Кристин. Он заметил, что девушка нервничает все больше и больше, а к концу недели она уже казалась взвинченной настолько, что он решил поговорить с ней.

— Послушайте, вы знаете, что меня все это очень пугает, но я не знал, что и вы боитесь.

— Я не боюсь, — ответила Кристин. Они разговаривали около пульта управления, следя, как на панели машины равномерно мигают огоньки. — Только у меня все время какое-то странное ощущение...

— Что такое?

— Ну, все из-за этого происшествия со стержнями и... — она заколебалась и беспокойно оглянулась на дверь в лабораторию.

— Когда я там, я чувствую, что этот глаз все время следует за мной.

— Он же следит за всеми.

— Нет, за мной в особенности. — Флеминг усмехнулся.

— Ну, я его не осуждаю. Я сам все время на вас смотрю.

— А я думала, вы заняты другим объектом.

— Так и было. — Он протянул к ней руку, но передумал и пошел к дверям. — Берегите себя.

Флеминг спустился по тропинке с обрыва к самому берегу, где мог поразмыслить спокойно и в одиночестве. Пасмурный день клонился к вечеру, и побережье было пустынно. Начался отлив, и между гранитными выступами берега обнаружилась темно-серая полоса песка. Флеминг добрел до самой воды; опустив голову и засунув руки в карманы, он пытался воссоздать в своем воображении то, что происходило в недрах машины. Повернув, он медленно двинулся обратно к скалистому берегу, слишком погруженный в свои мысли, чтобы заметить приземистого лысого человека, который сидел на камне и курил маленькую сигару.

— Минуточку, сэр! — при звуке этого гортанного голоса Флеминг вздрогнул.

— Кто вы?

Лысый человек вытащил из нагрудного кармана визитную карточку.

— Я неграмотный, — ответил Флеминг. Лысый улыбнулся.

— Ну конечно, вы доктор Флеминг.

— А вы?

— Это неважно. — Лысый дышал несколько учащенно.

— Как вы сюда попали?

— Обошел мыс. Это можно, когда отлив, но приходится немножко карабкаться. — Он вытащил серебряную коробочку с сигарами. — Курите?

Флеминг не обратил внимания на его слова.

— Что вам здесь нужно?

— Я просто гуляю. — Он пожал плечами и спрятал коробочку обратно в карман. Казалось, он отышался. — Вы сами часто ходите сюда.

— Здесь частное владение.

— Но не полоса прилива. В этой свободной стране полоса прилива... — Он снова пожал плечами. — Мое имя Кауфман. Вы его никогда не слышали?

- Нет.
- Ваш друг, герр доктор Бриджер...
- Мой друг Бриджер умер.
- Я знаю. Я слышал. – Кауфман затянулся сигарой. – Очень печально!
- Вы знали Денниса Бриджера? – спросил ошеломленный Флеминг, который начал что-то подозревать.
- О да! Мы некоторое время сотрудничали.
- Так вы работаете на... – Флеминга вдруг осенило, но он тщетно пытался припомнить название.
- «Интель»? Да. – Кауфман улыбнулся и выпустил легкое колечко дыма. Флеминг вынул руки из карманов.
- Убирайтесь.
- Простите?
- Если вы не уберетесь с этой территории через пять минут, я вызову охрану.
- Ну, что вы! – у Кауфмана был огорченный вид. – Это такой счастливый случай – я познакомился с вами.
- Для Бриджера он тоже был счастливый?
- Я жалел его, как никто другой. Он был нам очень полезен...
- А теперь он мертв! – Флеминг взглянул на часы. – Чтобы подняться на обрыв, мне нужно пять минут. Когда я доберусь до верха, я сообщу охране.
- Он повернулся, но Кауфман окликнул его:
- Доктор Флеминг! У вас есть возможность намного выгоднее провести эти пять минут. Я не предлагаю вам ничего незаконного.
- Превосходно, а? – сказал Флеминг, не двинувшись с места.
- Мы думали, что вам, может быть, захочется перейти с государственной службы на почетную должность у нас. Мне кажется, что вам здесь не очень нравится.
- Давайте-ка лучше сразу все выясним, мой дорогой герр друг, хорошо? – Флеминг вернулся и остановился, глядя на Кауфмана сверху вниз. – Может быть, я не одобряю правительство

ство, может быть, мне здесь не нравится. Но даже если бы я не-навидел его всеми фибрами души и был при последнем изды-хании и в целом мире больше не к кому было бы обратиться, я скорее бы сдох, чем пришел к вам!

Он повернулся и не оглядываясь стал взбираться по тропе.

Он прошел прямо в кабинет Джирса: директор диктовал на магнитофон свой отчет.

— Что же вы ему ответили? — спросил Джирс, выслушав его.

— А как по-вашему? — на лице Флеминга отразилось отвра-щение. — И так уж приходится из кожи вон лезть, чтобы дело не попало в руки младенцев и сосунков! Еще только не хватает кормить акул!

Флеминг ушел из кабинета, недоумевая, зачем он вообще сюда приходил. Однако впоследствии этот поступок сочли од-ним из немногих, говорящих в его пользу.

После этого случая начали патрулировать берег. Проволоч-ные заграждения спускались теперь по склону и уходили в мо-ре. По приказу Кводринга служба безопасности прочесала ок-рестности, и разговоры об «Интиле» надолго затихли. Экспери-мент в здании счетной машины продолжался без видимых ре-зультатов до возвращения Дауни, а затем как-то утром вдруг заработало печатающее устройство. Забрав материалы, Фле-минг заперся в своем домике на четверо суток, а затем позвонил Рейнхарту.

Насколько он мог разобраться, машина поставила совер-шенно новую серию вопросов, касавшихся внешнего вида, раз-меров и функций человеческого тела. Флеминг утверждал, что любой физический предмет можно описать в математических терминах, и, очевидно, машина требовала именно этого.

— Например, — сказал он Дауни и Рейнхарту, когда они со-брались вместе для обсуждения результатов, — машина хочет знать, что такое слух. Много вопросов о звуковых частотах. И она, несомненно, спрашивает, как мы издааем звуки и как слы-шим их.

– Откуда она могла узнать о существовании речи? – заинтересовалась Дауни.

– Да ведь Циклоп видит, что мы используем рот для общения друг с другом, а уши – Для того, чтобы воспринимать звуки. Все эти вопросы – результат наблюдений вашего уродца. Возможно, он способен воспринимать и звуковые колебания, и теперь, когда мы подсоединили его к машине, он может передавать ей свои наблюдения.

– Это только предположения.

– А у вас есть другие объяснения?

– Не представляю, как можно проанализировать все строение человеческого организма, – сказал Рейнхарт.

– Нам и не придется этого делать. Машина продолжает строить свои хитрые догадки, и нам остается только вводить в нее те из них, которые окажутся правильными. Старая игра. Не пойму, впрочем, почему машина до сих пор не нашла более быстрого способа. Не сомневаюсь, что она в состоянии это сделать. Может быть, искусственное существо не оправдало ее ожиданий?

– Хотите попробовать? – спросил Рейнхарт Дауни.

– Перепробую все, что возможно, – ответила она.

Так начался следующий этап разработка проекта. Кристин коротала дни около машины, принимая выходящие из нее данные и снова вводя результаты их обработки. По-видимому, все это время она находилась в состоянии нервного напряжения, но ничего не говорила об этом.

– Хотите куда-нибудь перейти отсюда? – спросил ее Флеминг однажды вечером, когда они остались вдвоем в машинном зале.

– Нет. Это меня увлекло.

Флеминг взглянул на ее задумчивое красивое лицо. Теперь он не флиртовал с ней, как бывало, когда она не интересовала его и была просто сотрудницей лаборатории. Засунув руки в карманы, он повернулся и вышел. После его ухода Кристин пошла через зал к двери в лабораторное крыло. Ей пришлось сде-

лать над собой усилие, чтобы войти в помещение, где стоял бак, и она с напряженным лицом помедлила в дверях, преодолевая робость. В здании было тихо, только доносился ровный, мощный гул счетной машины. Но стоило Кристин появиться перед окном бака, как Циклоп беспокойно задвигался, толкаясь о стенки и выплескивая жидкость через верх.

— Успокойся! — громко сказала Кристин. — Тише!

Она машинально наклонилась и заглянула в окно. Глаз не отрываясь смотрел на нее, а существо неистовствовало все больше и больше, было о стенки бака краями своего студнеобразного тела. Кристин провела рукой по лбу; у нее слегка закружилась голова оттого, что она стояла нагнувшись, но, словно загипнотизированная, она не могла оторвать взор от этого глаза. Так она простояла целую долгую минуту, затем другую, теряя способность мыслить. Медленно, будто по собственной воле, ее правая рука двинулась вверх по стенке бака, и пальцы нашупали провод, ведущий к кабелю энцефалографа. Пальцы коснулись провода и дрогнули, почувствовав слабый удар тока.

Едва Кристин дотронулась до провода, Циклоп успокоился. Он продолжал не отрываясь смотреть на девушку, но метаться перестал. Теперь лишь гудение машины нарушало тишину, царившую в безлюдном здании. Кристин медленно, как в трансе, выпрямилась, продолжая держаться за провод. Ее пальцы скользнули вдоль провода, коснулись оболочки кабеля и сомкнулись вокруг него. Кабель был подвешен свободно. От бака он тянулся к стене лаборатории, а дальше шел по ней, подвязанный кусочками изоляционной ленты к гвоздям, вбитым через несколько метров друг от друга. Рука Кристин нашупывала кабель, и девушка, словно в трансе, пошла за ним — сначала через комнату к стене, затем вдоль стены — к двери в машинный зал. Глаза ее были открыты, но неподвижны и невидящи. Кабель исчезал в отверстии, просверленном в деревянном косяке двери, и Кристин, утратив возможность следовать за ним дальше, словно растерялась. Затем она подняла другую руку и обхватила кабель по ту сторону двери. Правая рука опустилась, и

девушка вошла в зал, держась за кабель левой рукой. Она медленно и с усилием продвигалась вдоль стены к стойкам контрольных блоков; ее дыхание было глубоким, но затрудненным, как у спящего, который видит дурной сон. В центре металлической стены контрольных стоек кабель подходил к трансформатору, установленному под индикаторной панелью. Огоньки на панели равномерно мигали в каком-то гипнотическом ритме, и теперь взгляд Кристин был устремлен на них, как до этого – на глаз Циклопа. Она немного помедлила перед панелью, как будто не собираясь идти дальше. Затем ее левая рука медленно отпустила кабель, а правая вновь поднялась и пальцы обеих рук сжали провода высокого напряжения, которые уходили от трансформатора вверх к двум стержням у ее головы. Провода были в изоляции, и только под самыми стержнями их жилы были оголены и зажимались выступающими клеммами. Руки Кристин медленно, дюйм за дюймом, ползли по проводам вверх.

Ее лицо побелело и стало изможденным; вдруг она зашаталась, как тогда, когда Флеминг заставил ее встать между стержнями.

Но она крепко сжимала провода, а ее пальцы по-прежнему медленно двигались вверх. И вот они коснулись оголенных жил.

Все остальное произошло мгновенно. Ее тело изогнулось, пронзенное разрядом. Раздался пронзительный крик, ноги Кристин подкосились, голова запрокинулась, и она повисла на руках, словно распятая. Лампочки на индикаторной панели вспыхнули, освещая ее искаженное лицо; в соседней комнате раздались настойчивые гулкие удары.

Так продолжалось секунд десять. Затем крик оборвался, на предохранительном щитке над головой Кристин раздался громкий взрыв, лампочки на индикаторной панели потухли, ее сведенные судорогой пальцы отпустили оголенные провода, и она тяжело, бесформенной грудой, рухнула на пол. На мгновение наступила тишина. Циклоп перестал биться, гул машины затих, словно обрезанный ножом. Затем зазвонил аварийный колокол.

Первой в зал вбежала Джуди, которая проходила мимо здания, когда на стене, над входом, ожила аварийный звонок. Распа-

хнув дверь, она сломя голову бросилась по коридору в помещение пульта управления. Сначала она ничего не увидела. Трубки люминесцентных ламп под потолком продолжали сиять, но пульт закрывал от Джуди пол у индикаторной панели. Потом она увидела тело Кристин и, бросившись вперед, упала на колени. – Кристин!

Джуди повернула тело на спину. Глаза Кристин смотрели невидящим взглядом, руки безвольно упали на пол. Ладони покривились и местами обгорели до кости. Джуди послушала сердце, но оно не билось.

«Господи! – подумала она. – Почему я всегда застаю только смерть?»

Рейнхарт узнал о случившемся в Лондоне. Он сообщил об этом Осборну, но тот отнёсся к смерти Кристин иначе, чем ожидал профессор. Осборн, несомненно, встревожился, но, по-видимому, его занимало что-то другое, и печальная новость была воспринята им просто как еще один удар из многих. Рейнхарт был огорчен и недоумевал: не только Осборна, но и всех, кого он ни встречал, странствуя по кабинетам Уайтхолла, казалось, угнетали какие-то мрачные мысли. Пытаясь вырваться из этой тягостной атмосферы, Рейнхарт решил наведаться в Болдершоу-Фелл, где он давно не был, но тут же выяснилось, что радиотелескоп передан министерству обороны и основательно засекречен. Это произошло без всякого предупреждения на прошлой неделе, пока он был в Торнессе. Рейнхарт, вне себя от бешенства из-за того, что с ним даже не поговорили, отправился к Осборну, но тот был слишком занят, чтобы принимать посетителей.

Через несколько дней пришло заключение о смерти Кристин и протокол вскрытия. Профессор был по крайней мере избавлен от тяжкой обязанности объясняться с ее близкими, так как родители Кристин уже умерли, а других родственников в Англии у нее не было. Флеминг прислал ему короткое мрачное письмо, сообщая, что серьезных повреждений в машине не ока-

залось и что у него есть своя теория насчет смерти Кристин. Затем пришло письмо подлиннее, где говорилось, что перегоревшая цепь исправлена и машина снова работает полным ходом, передавая в запоминающее устройство фантастические количества информации. Правда, что это за информация, Флеминг не написал. Дня через два после этого профессору позвонила Дауни и сообщила, что машина начала печатать и извергает целые каскады цифр, причем, насколько они с Флемингом могут судить, это уже не вопросы, а информация.

— Там тьма-тьмущая новых формул для биосинтеза, — сказала Дауни. — Флеминг считает, что машина требует нового эксперимента, и думаю, что он прав.

— Еще каких-нибудь чудищ? — спросил Рейнхарт, говоривший по телефону.

— Возможно. Но на этот раз все гораздо сложнее. Работа предстоит колossalная. Боюсь, что нам понадобится масса дополнительного оборудования и, конечно, деньги.

Рейнхарт еще раз попытался увидеть Осборна и, к своему удивлению, был вызван в министерство обороны.

Когда он явился, Осборн ждал его в кабинете Ванденберга. Там же присутствовали хозяин кабинета и Джирс: по-видимому, они разговаривали уже давно. На столе лежал раскрытый портфель Джирса, из него вытряхнули целую груду бумаг; очевидно, их только что просматривали. Атмосфера в комнате была напряженная и враждебная; профессор насторожился.

— Присаживайтесь, в ногах правды нет, — машинально, без улыбки сказал Ванденберг. Последовала короткая тягостная пауза: каждый ожидал, что заговорит другой, и наконец Ванденберг добавил:

— Я слыхал, что у вас еще кто-то отправился на тот свет?

— Это был несчастный случай, — ответил Рейнхарт.

— Конечно, конечно. Два несчастных случая.

— Результаты расследования переданы кабинету, — сказал Осборн, глядя на ковер. Джирс нервно кашлянул и начал собирать бумаги.

— Так чем могу?.. — Рейнхарт выжидательно смотрел на генерала.

— Крайне сожалею, профессор, — сказал Ванденберг.

— О чём?

В первый раз Осборн поднял на него глаза.

— Нам пришлось согласиться на то, чтобы сменить подчинение и засекретить все, что можно.

— Почему?

— Люди начинают задавать вопросы. Скоро они дознаются, что вы создали живое существо и экспериментируете над ним.

— Вы имеете в виду Общество защиты животных? Но ведь это не животное, а всего лишь скопление молекул, которые мы сами же и соединили.

— От этого никому не легче.

— Мы не можем остановиться на полпути... — Рейнхарт переводил взгляд с одного на другого, пытаясь проникнуть в их намерения. — Дауни и Флеминг только начинают разрабатывать новое направление!

— Нам это известно, — сказал Джирс, утрясая пачку с документами и убирав их обратно в портфель.

— И что же?..

— Я крайне сожалею, — снова сказал Ванденберг. — Однако здесь ваш путь кончается.

— Не понимаю.

Осборн смущенно заерзal в кресле.

— Я сделал все, что мог. Мы дрались изо всех сил.

— С кем?

— Решение кабинета окончательно. — Осборн явно старался избегать подробностей. — Наше дело проиграно, Эрнест. За него сражались на самом высоком уровне и проиграли.

— А сейчас к тому же у вас снова кто-то отправился на тот свет, — вставил Ванденберг.

— Но ведь это же только предлог! — Рейнхарт встал и очутился лицом к лицу с Ванденбергом, восседавшим по ту сторо-

ну стола. – Вы хотите нас убрать, потому что вам нужно наше оборудование. Вы готовы раздуть любой пустяк!..

Ванденберг вздохнул.

– Такова жизнь! Я и не ожидал, что вы поймете нашу точку зрения.

– Ну, вы мне в этом и не помогли! Джирс щелкнул замками портфеля и внезапно расплылся в улыбочке.

– По правде говоря, Рейнхарт, кое-кто хотел бы, чтобы вы вернулись в Болдершоу-Фелл.

Рейнхарт с неприязнью покосился на него.

– В Болдершоу-Фелл? Меня туда даже не впустили!

Джирс вопросительно взглянул на генерала, который кивком головы разрешил ему продолжать.

– Кабинет облек нас доверием, – сказал он с важным видом.

– Разумеется, все это под строгим секретом, – заметил Ванденберг.

– Так, может быть, вам лучше не ставить меня в известность? – Рейнхарт держался с отвагой загнанного в угол зверька.

– Вам необходимо это знать, – сказал Джирс. – Вы тоже будете участвовать. Правительство подает сигнал бедствия, так сказать. Оно хочет, чтобы мы все начали работать на оборону.

– Безотносительно к тому, чем мы занимаемся?

– Так решил кабинет, – объявил Осборн, глядя на ковер. – Мы сделали все, что в наших силах.

Ванденберг поднялся и подошел к карте на стене.

– Западные державы глубоко обеспокоены. – Он тоже избегал смотреть на Рейнхарта. – Обеспокоены из-за кое-каких искусственных спутников, которые мы обнаружили за последнее время.

– Каких еще спутников?

– Тех, которые наблюдаются в ваш же собственный радиотелескоп. Только он и оказался достаточно мощным. При его помощи мы обнаружили массу спутников и ракет на их орbitах.

– Земного происхождения? – Рейнхарт поглядел на проложенные на карте траектории. – Значит, вот что так тревожит вас всех?

– Ну да. Кто-то по ту сторону шарика забрасывает их один за другим, и они оказываются вне зоны действия нашей системы дальнего обнаружения. Агентство по космическим исследованиям при ООН ничего о них и слыхом не слыхало, как и все западное содружество. Словом, все не в курсе.

– Так вот, высказывают пожелание, чтобы этим занимались вы, – закончил за него Джирс.

– Это не моя специальность. – Рейнхарт, выпрямившись, стоял перед столом. – Я – астроном!

– А то, чем вы занимаетесь сейчас, разве по вашей специальности? – спросил Ванденберг.

– Все это началось с астрономии. Никто ему не ответил.

– Во всяком случае, таково желание кабинета, – наконец сказал Осборн.

– А работа в Торнессе?

– Ваша группа, то есть то, что от нее осталось, будет подчиняться доктору Джирсу, – ответил Ванденберг.

– Джирсу?!

– Все-таки я – директор Центра!

– Но вы даже не знаете... – Рейнхарт сдержался, взяв себя в руки.

– Все-таки я физик, – сказал Джирс. – По крайней мере был. И думаю, что смогу быстро войти в курс.

Рейнхарт с презрением поглядел на него.

– Вам ведь давно этого хотелось, правда?

– Я не сам выбирал! – огрызнулся тот.

– Господа! – укоризненно воззвал Осборн. Тяжело ступая, Ванденберг вернулся к столу.

– Давайте не будем переходить на личности.

– А Дауни и Флеминг? Как с их работой? – спросил Рейнхарт.

— Я не собираюсь их выгонять, — сказал Джирс. — Нам понадобится определенное время для работы с машиной, но все это можно организовать.

— Если вы выгоните меня...

— Эрнест, это не бросает на вас ни малейшей тени, — взмолился Осборн. — Вы сами убедитесь в этом после опубликования очередного списка наград.

— К черту награды! — пальчики Рейнхарта впились в ладони. — Дауни и Флеминг заняты исследованиями, важнее которых не было за всю историю Англии! Только это меня и заботит!

Джирс взглянул на него сквозь блеснувшие очки.

— Мы сделаем для них все, что сможем, конечно если они будут вести себя прилично.

— У нас готовятся некоторые перемены, мисс Адамсон.

Джуди находилась в кабинете Джирса и смотрела на доктора Хантера, начальника медицинской службы Центра. Это был высокий, костлявый человек, больше похожий на военного, чем на врача.

— Профессор Дауни готовится начать новый эксперимент, но не под руководством профессора Рейнхарта. Рейнхарт больше в этом не участвует.

— Тогда кто же? — Джуди не закончила фразы. Хантер ей не нравился, и она не собиралась быть с ним откровенной.

— Отвечать за административную часть буду я.

— Вы?

Хантер, по-видимому, уже привык к такого рода щелчкам; во всяком случае, теперь на его широком и не слишком одухотворенном лице появилась лишь легкая усмешка.

— Конечно, я только скромный врач. Основное руководство принадлежит доктору Джирсу.

— А если профессор Дауни станет возражать?

— Она уже согласилась. Ее же не интересует, как это будет организовано. От нас требуется только обеспечивать ее всем необходимым. Доктор Джирс берет на себя контроль над счетной машиной, а я буду помогать ему в биологическом эксперименте.

Ну, а вы... – он взял с директорского стола какую-то бумагу, – вы были прикомандированы к министерству науки. Можете об этом теперь забыть. Вы снова у нас. Вы мне понадобитесь для обеспечения секретности нашей части работы.

– Программы профессора Дауни?

– Да. Я думаю, что мы должны получить новую форму жизни.

– Новую форму жизни?

– Даже дух захватывает, правда?

– Какую же форму?

– Мы еще не знаем, но когда узнаем, то должны будем сохранить это в тайне, верно? – Он улыбнулся сальной улыбкой. – Мы удостоены чести быть повитухами при родах великого события.

– А доктор Флеминг? – спросила она, глядя прямо перед собой.

– Он остается по просьбе министерства науки, но я не вижу, чем, собственно, он может тут заниматься.

Флеминг и Дауни ничего не сказали, узнав о смещении Рейнхарта. Дауни была всецело поглощена своей работой, а Флеминг сторонился людей. Единственным человеком, с которым он мог бы поговорить, была Джуди, но ее он избегал. Они с Дауни, хотя и работали бок о бок, все еще не доверяли друг другу и никогда не говорили откровенно ни о чем, кроме эксперимента. Но и тут, как вскоре убедился Флеминг, ему не удавалось убедить ее, когда речь заходила о важнейших его предположениях.

Как-то они стояли у выходного печатающего устройства, просматривая бесконечные свежие колонки однообразных цифр.

– Я полагаю, что все это – информация, которая поступает через Циклопа, – сказала Дауни.

– Частично. Плюс еще то, что машина узнала, когда ей в лапы попалась Кристин.

– Что же она могла узнать?

– Помните, я говорил, что у машины, должно быть, есть способ получать информацию о нас побыстрее?

– Помнится, вам все не терпелось.

– Не только мне. Я не сомневаюсь, что за те несколько секунд, пока не вышли из строя предохранители, машина получила больше физиологической информации, чем вы могли бы подготовить для нее за целую жизнь.

Дауни по обыкновению негромко презрительно фыркнула и оставила его предаваться собственным размышлениям. А он отыскал кусок изолированного провода и неторопливо подошел к стене контрольных стоек. Там он остановился перед перемигивающейся индикаторной панелью, задумчиво держа проволоку двумя руками за оголенные концы. Дотянувшись до одного из стержней, он зацепил за него загнутый конец проволоки и, держа ее за изоляцию, медленно поднес другой конец к противоположному стержню.

– Что вы делаете? – через зал к нему спешила Дауни. – Вы устроите замыкание!

– Не думаю, – задумчиво ответил Флеминг.

Он коснулся стержня оголенным концом провода.

– Вот видите? – Между встретившимися поверхностями металла проскочила только слабая искра.

Флеминг отбросил проволоку и несколько секунд стоял в раздумье. Затем он медленно поднял к стержням обе руки, как некогда Кристин.

– Ради бога! – испуганная Дауни шагнула вперед, чтобы остановить его.

– Ничего, все в порядке. – Флеминг одновременно коснулся обоих стержней, и действительно ничего не случилось. Он стоял, вытянув руки, и сжимал металлические пластины, а Дауни недоверчиво и со страхом следила за ним.

– Мало вам было смертей?

– Для нее оказалось достаточным, – Флеминг опустил руки.

– Она сделала для себя выводы. Она не знала, как действует высокое напряжение на органические ткани, пока не заманила сю-

да Кристин. Она не знала, что это может нанести повреждения и ей самой. Но теперь, выяснив это, она принимает меры предосторожности. Если вы попытаетесь закоротить эти электроды, она уменьшит напряжение. Попробуйте!

— Нет уж, благодарю. С меня довольно ваших экстравагантных идей!

Флеминг пристально поглядел на нее.

— Это ведь не просто прибор. Это мозг, дьявольски хороший мозг.

Дауни ничего не ответила, и он ушел.

Несмотря на неотложные оборонные работы, Джирс все-таки находил время и средства, чтобы помогать Дауни. Он принадлежал к тому типу натур, которые с жадностью набрасываются на любой вид деятельности. Распоряжаясь множеством вещей и дел, он удовлетворял внутреннюю страсть души, быть может возмущая этим отсутствие творческого гения. Он представлял в распоряжение Дауни все больше оборудования и средств и с растущей гордостью докладывал начальству о ее успехах. Он хотел показать, что без Рейнхарта дело только выиграло.

К зданию счетной машины пристроили новую лабораторию, где разместилась огромная и немыслимо сложная установка для синтеза ДНК. Несколько недель спустя там было смонтировано еще и самое новейшее оборудование для рентгеноструктурного анализа и химические установки для синтеза фосфата дезоксирибозы, аденина, тимина, цитозина, тирозина и прочих составляющих, необходимых для создания молекул ДНК, этих семян жизни. Через несколько месяцев полным ходом шли работы по получению спиральной молекулы ДНК примерно с пятью миллиардами нуклеотидных кодовых единиц, а к концу года была создана генетическая единица из пятидесяти хромосом, похожая на человеческую, но несколько превышающая генетические потребности человека.

В начале февраля Дауни сообщила о появлении живого зародыша, по всей видимости человеческого.

Хантер помчался в лабораторный корпус. В машинном зале он прошел мимо Флеминга, но ничего ему не сказал. Флеминг все это время, как и обещал, выполнял только свои прямые обязанности и не сделал ни малейшего усилия, чтобы помочь биохимикам. В лаборатории Хантер увидел Дауни, склонившуюся над маленькой кислородной палаткой, в окружении различных приборов и многочисленных ассистентов.

— Оно живет?

— Да! — Дауни выпрямилась и посмотрела на Хантера.

— На что оно похоже?

— Это ребенок.

— Человеческий ребенок?!

— Я бы сказала — «да», хотя сомневаюсь, что Флеминг согласится. — Она удовлетворенно улыбнулась и добавила: — Это девочка.

— Просто не верится!.. — Хантер старался заглянуть в кислородную палатку. — Можно посмотреть?

— Смотреть-то особенно не на что, она вся запеленута.

Под прозрачным пластмассовым покровом палатки лежало нечто похожее на младенца, но тело этого существа было тугу обернуто одеялом, а лицо закрыто маской. У шеи под одеялом уходила резиновая трубка.

— Дышит?

— С посторонней помощью. Пульс и дыхание нормальные. Вес — шесть с половиной фунтов. Разве могла я подумать, когда только пришла сюда... — Дауни умолкла, внезапно поддавшись непривычному чувству. Когда она вновь заговорила, ее голос звучал теплее, мягче обычного: — Сбылась старая мечта алхимиков о создании золота! Создана жизнь! — Дауни коснулась резиновой трубочки и закончила резко, как всегда: — Мы питаем ее внутривенно. Можете убедиться, что у нее отсутствует сосательный инстинкт. Придется ее учить.

— Ну и задали же вы нам задачку, — сказал Хантер, который хотя и был растроган, но уже вспомнил о своих обязанностях и ответственности.

— Я преподнесла вам человеческую жизнь, созданную человеческими руками. Природа потратила на подобное дело два миллиарда лет, а мы — четырнадцать месяцев.

Хантер вернулся к официальному докторскому тону:

— Позвольте мне первому поздравить вас!

— Вы говорите так, словно речь идет об обычном рождении, — сказала Дауни, ухитившись одновременно и пренебрежительно фыркнуть и улыбнуться.

Крошечное существо в кислородной палатке росло на внутреннем питании, словно на дрожжах. За сутки оно вырастало примерно на полдюйма и, очевидно, не собираясь проходить через период детства, свойственный людям. Джирс доложил генеральному директору управления научных исследований министерства обороны, что при данной скорости роста существо должно стать взрослым за три-четыре месяца.

В высших сферах это открытие вызвало прилив гордости и желание сохранить все в строжайшей тайне. Генеральный директор запросил полный отчет и поставил на него гриф «совершенно секретно, особой важности». Он направил отчет министру обороны, который изложил его основное содержание удивленному и недоумевающему премьер-министру. Кабинет министров был поставлен обо всем в известность на закрытом заседании; Рэтклифф вернулся к себе, в министерство науки, потрясенный: он не знал, что делать дальше. После длительного обсуждения он поручил Осборну написать Флемингу и потребовать от него объективных сведений.

Флеминг ответил двумя словами:

— Убейте ее!

Как и следовало ожидать, он был вызван в кабинет к Джирсу, и ему предложили объяснить свое поведение.

— При всем желании не вижу, — сказал Джирс, и глаза его сузились за очками, — чтобы это имело к вам хоть какое-то отношение.

Флеминг стукнул кулаком по необъятному столу.

— Я все еще член группы или нет?

– В некотором смысле.

– Тогда, может быть, вы меня выслушаете? У нее человеческий облик, но это не человек. Это такой же придаток машины, как и Циклоп, только придаток более сложный.

– Эта теория на чем-нибудь основана?

– Она основана на логике! Первое существо было пробным выстрелом, пробной попыткой создать организм, подобный нашему и потому приемлемый для нас. Этот выстрел точнее, он основан на большем количестве информации. Я обрабатывал эту информацию, мне известно, насколько тщательно она подобрана.

Глаза Джирса округлились.

– Вы способствовали созданию этого чуда, а теперь предлагаете нам убить ее?

– Если вы не сделаете этого сейчас, то потом уже никогда не сможете сделать. Люди будут считать ее человеком и назовут ее уничтожение убийством. А мы окажемся в ее власти – во власти машины!

– А если мы не воспользуемся вашим советом?

– Тогда не допускайте ее к машине.

Джирс сидел молча, очки его поблескивали. Затем он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Так вот, Флеминг. Вас здесь только терпят и терпят из вежливости по отношению к министру науки. Право окончательного решения этом деле принадлежит не вам, а мне. Мы будем делать то, что сочту наилучшим я, и делать будем именно здесь.

ГЛАВА IX

Как и предсказывал Джирс, к концу четвертого месяца девочка выросла. Большую часть времени она еще проводила в кислородной палатке, хотя ее приучали все дольше дышать естественным образом. К концу первого месяца ее сняли с внутреннего питания и стали кормить из соски. Однако никаких попыток стимулировать ее умственное развитие не предпринималось; она все время лежала спокойно, словно младенец, и смотрела в потолок. Джирса уже начало беспокоить то, что она непрерывно растет, но на пяти футах семи дюймах рост прекратился. К этому времени девочка была уже сложена, как взрослая женщина.

— И очень красивая женщина, — сказал Хантер, причмокнув.

Видеть ее Джирс разрешал только Хантеру, Дауни и ее ассистентам. Он ежедневно посыпал секретные рапорты министру обороны, его дважды навешал генеральный директор управления научных исследований, с которым они разработали план, связанный с ее будущим. Чтобы скрыть существование девушки, были приняты чрезвычайные меры. День и ночь у здания счетной машины и лаборатории стояли часовые; у всех, кому об этом было известно, взяли подписку о неразглашении. О ее существовании, кроме торнесской группы, знал только Рейнхарт, которому неофициально рассказал Осборн, да горсточка видных чиновников и политических деятелей в Лондоне.

По мнению Джирса, наиболее ненадежным из всех был Флеминг, и Джуди получила специальное указание следить за ним. С прошлой весны они буквально не обмолвились двумя словами. Один раз он угрюмо и неохотно попытался извиниться, но она оборвала его, и с тех пор при встречах в городке они не замечали друг друга. Во всяком случае, решила Джуди,

она больше за ним не шпионит: он отказался участвовать в эксперименте Дауни, к которому она была приставлена после гибели Бриджера, а значит, в ее обязанности не входит следить за ним. Ею овладела отупляющая апатия, приглушавшая угрызения совести, связанные с ее прошлым. Однако теперь положение изменилось. Собрав всю свою решимость, Джуди пошла в здание счетной машины разыскивать Флеминга, чувствуя, что ноги как-то странно подгибаются. Она протянула ему письма с полученными ею инструкциями.

— Прочти это, — сказала Джуди без всякого предисловия.

Он взглянул на письмо и отдал его обратно.

— Бумага с грифом министерства обороны — читай сама. А я брезглив.

— Это связано с обеспечением безопасности нового существа, — сказала Джуди сдержанно, обескураженная его новым выпадом. Флеминг засмеялся.

— Тебе смешно? — сказала Джуди. — Но отвечать за его безопасность буду я.

— А кто будет отвечать за твою?

— Джон! — лицо Джуди залила краска. — Мы так и останемся по разные стороны барьера?

— Похоже, что так. — Он сказал это безразлично, хотя и с оттенком сочувствия. — А твое драгоценное существо, надеюсь, не имеет ко мне никакого отношения?

— Оно не мое. Я делаю свое дело. Я тебе не враг.

— Конечно. Ты просто из той категории девиц, которые подчиняются распоряжениям. — Он беспомощно осмотрелся. — Но все это я уже говорил.

Джуди сделала последнюю попытку разрушить стену между ними.

— Кажется, мы ходили под парусами так давно...

— Это и было давно.

— Но мы ведь остались теми же.

— Мир изменился, — он сделал движение, точно собирался уходить.

— Мир тот же самый, Джон!

– О'кей! Так им и скажи.

Мимо прошел Хантер.

– Мы собираемся выпустить ее. Флеминг с облегчением отвернулся от Джуди.

– Кого?

– Нашу малышку из ее палатки.

– Нам можно присутствовать? – спросила Джуди.

– Ну, это особый случай – выход в свет.

Хантер по привычке улыбнулся ей своей сальной улыбкой и скрылся в другой комнате. Флеминг угрюмо посмотрел ему вслед.

– И к каждому подарку прилагается живое чудовище в натуральную величину.

Джуди засмеялась и сама удивилась этому. Она почувствовала, что они с Флемингом вдруг стали на целую милю ближе друг к другу.

– Не выношу этого человека! Он всегда так важничает.

– Надеюсь, он ее убьет, – сказал Флеминг. – Надо думать, он достаточно скверный врач.

Они вместе пошли в лабораторию. Под наблюдением Дауни Хантер потребовал, чтобы раскрыли заднюю стенку кислородной палатки. В палатке стояла узкая кровать-каталка; два ассистента плавно потянули ее наружу. Остальные смотрели, как медленно заскользила из-под полога кровать с искусственным существом – взрослой девушки. Сначала появились закрытые простыней ноги, затем и все тело, также укрытое. Она лежала на спине, и, когда показалось ее лицо, у Джуди перехватило дыхание. Это было сильное и красивое лицо, немного скуластое, с крупными балтийскими чертами. Длинные светло-золотистые волосы рассыпались по подушке, глаза были закрыты, и она дышала спокойно, словно спала, – облагороженная белокурая копия Кристин.

– Это Кристин! – прошептала Джуди. – Кристин!

– Исключено! – резко сказал Хантер.

– Внешнее сходство есть, – признала Дауни.

Хантер прервал ее:

— Мы делали вскрытие. К тому же она была брюнетка.

Джуди обернулась к Флемингу.

— Это какая-нибудь чудовищная мистификация?

Он покачал головой.

— Кристин умерла. Она послужила только рабочим чертежом.

Никто не ответил; Дауни, пощупав пульс девушки, наклонилась, чтобы взглянуть ей в лицо. Глаза девушки открылись и уставились в потолок.

— Но что все это значит? — спросила Джуди. Она помнила, что видела Кристин мертвой, и все же перед ней была копия живой Кристин.

— Это значит, — сказал Флеминг, словно отвечая сразу всем, — что машина взяла за образец человека и сделала копию. В некоторых деталях она ошиблась, в цвете волос например, но в целом справилась вполне прилично. Строение человека можно выразить в цифрах. Так и было сделано; затем машина заставила нас «оживить» цифры.

Хантер посмотрел на Дауни и подал ассистентам знак везти каталку в соседнее помещение.

— Так или иначе, машина дала нам то, что мы хотели, — заметила Дауни.

— То ли самое? Здесь важен только мозг, а тело не имеет значения. Машина создала вовсе не человека, а чуждый нам разум в человеческой оболочке.

— Доктор Джирс познакомил нас с вашими теориями, — сказал Хантер, следуя за каталкой. Дауни чуть помедлила, прежде чем пойти за ними.

— Может быть, вы и правы, — сказала она. — Но тогда все становится еще более интересным.

Флеминг с трудом сдерживался.

— Что вы собираетесь с этим делать?

— Собираемся учить его, то есть ее.

Флеминг повернулся и вышел из лаборатории; Джуди последовала за ним в машинный зал.

– Что в этом плохого? – спросила она. – Ведь все остальные...

Он обернулся к ней.

– Всегда, когда высший интеллект встречается с низшим, он уничтожает его. Вот что плохо. Люди железного века уничтижили каменный век; бледнолицые взяли верх над индейцами. Что стало с Карфагеном, когда туда пришли римляне?

– Но в конечном счете так ли уж это плохо?

– Для нас – плохо.

– Но почему же?

– Сильные всегда безжалостны к слабым. Она осторожно дотронулась до его рукава.

– Тогда слабым лучше держаться вместе...

– Надо было думать об этом раньше, – ответил он.

Джуди знала, что уговаривать его бесполезно, и вернулась к своим обязанностям и своей жизни, оставив Флеминга во власти забот и сомнений.

Весна в тот год выдалась поздняя. Пасмурная погода держалась до самого конца апреля и вполне соответствовала унылому настроению, царившему в городке за колючей проволокой. Кроме эксперимента Дауни, решительно ничего не ладилось. Штат Джирса и группы специалистов по ракетам трудились не покладая рук, но без особого успеха. Запуски производились чаще, чем когда-либо, но не давал хоть сколько-нибудь удовлетворительных результатов. После очередной неудачи серы ключья атлантических туч вновь наползали на мыс, как бы показывая, что ни перемен, ни улучшений быть не может.

И только девочка, созданная Дауни, цвела, словно экзотическое растение в оранжерее. В одном крыле лаборатории было устроено что-то вроде больничного стационара с жилым помещением для девушки. Здесь ее опекали и готовили к будущей роли, как принцессу из волшебной сказки. В честь далекого созвездия ее называли Андromедой, учили есть и пить, сидеть и двигаться. На первых порах искусство владения собственным

телом давалось ей с трудом: как и предполагала Дауни, она не обладала ни одним из свойственных обычному ребенку инстинктов. Однако скоро стало ясно, что она способна воспринимать знания с невероятной быстротой. Один и тот же факт ей никогда не приходилось сообщать дважды. Стоило Андромеде понять возможности, заложенные в каком-либо действии или предмете, как она начинала пользоваться ими без колебаний или усилий.

Так же было и с речью. Вначале девушка, казалось, не понимала, что это такое; она никогда не кричала, как кричат дети, и ее пришлось учить, точно глухого ребенка, чтобы она осознала, как колеблются голосовые связки и что из этого получается. Однако, как только она все это поняла, достаточно было один раз произнести слово в ее присутствии, и она уже его знала. За несколько недель она научилась говорить, читать и писать.

За те же несколько недель она научилась двигаться, как двигаются люди, однако немного скованно, как будто ее тело действовало согласно инструкции, а не по собственной воле. Но вместе с тем ее движения были грациозны и лишены какой-либо неуклюжести. Большую часть времени она проводила в отведенных ей комнатах, но ежедневно, если только не было дождя, ее вывозили в закрытой машине на вересковые холмы, и она гуляла на свежем воздухе, окруженная охраной, вдали от посторонних взоров.

Что бы с ней ни делали, она никогда не жаловалась. Она относилась к медицинскому осмотру, обучению, постоянному надзору так, словно у нее не было ни воли, ни собственных желаний. Собственно говоря, она, казалось, не испытывала никаких чувств, кроме голода перед едой и усталости к концу дня, причем усталости только физической и никогда – умственной. Она была неизменно тихая, неизменно покорная и очень красавая. Можно было подумать, что она живет во сне.

Джирс и Дауни организовали обучение девушки такими темпами, что в кратчайший курс была втиснута целая университетская программа. Как только Андромеда усвоила основы десятичного счета, одолеть всю математику для нее не составило

труда. Она ничем не уступала вычислительной машине: одолевала частоколы цифр со стремительной логикой математических таблиц и никогда не ошибалась; без малейшего напряжения удерживала в памяти самые сложные прогрессии. В остальном ее нашпиговывали фактами, точно энциклопедию. Джирс и высокоученные преподаватели, поочередно приезжавшие в Торнесс, чтобы инструктировать учителей Андромеды (ради сохранения тайны к ней самой их не допускали), дали ей прочные знания по общеобразовательным предметам. Таким образом, к концу лета она теоретически знала о мире столько же, сколько одаренный и восприимчивый выпускник университета. Ей не хватало только житейского опыта и интереса к жизни. Хотя она неизменно была внимательна и достаточно общительна, все же казалось, будто и ходит и говорит она во сне.

— Вы правы, — призналась Дауни Флемингу. — У нее не мозг, а вычислительная машина.

— Разве это не одно и то же. — Он посмотрел на стройную белокурую девушку, которая читала, сидя за столом в отведенном ей помещении. Флеминг зашел сюда, что бывало очень редко. Из лаборатории было убрано оборудование, и теперь комнаты напоминали иллюстрации в рекламном проспекте какой-нибудь строительной фирмы, а девушка была как бы одной из деталей интерьера.

— Она непогрешима, — продолжала Дауни. — Она не забывает. Она никогда не делает ошибок. Ее знания обширнее, чем у большинства людей.

Флеминг нахмурился.

— И вы собираетесь и дальше начинять ее информацией, пока она не будет знать больше вашего?

— Возможно. Наше начальство имеет на нее виды.

План Джирса был совершенно ясен. Неотложные вопросы оборонной техники оставались нерешенными, несмотря на использование новой счетной машины. Беда была в том, что никто не знал, как именно следует ее использовать. Каждый день машину отбирали у Флеминга на несколько часов. С ее помощью

удавалось очень быстро производить значительный объем вычислений, однако никто не знал способа реализовать ее действительные возможности или использовать ее гигантский интеллект для решения проблем, не выраженных в виде чисел. Если, как предполагал Флеминг, созданные при помощи машины существа обладали определенным сродством с ней, то можно было бы использовать одно из них в качестве посредника. Чудище, созданное первым, явно не было способно передать машине какие бы то ни было человеческие требования. Другое дело – девушка. Если бы в качестве посредника удалось использовать ее, то могли бы открыться поистине захватывающие перспективы.

Министр обороны считал эту идею вполне разумной, и, хотя Флеминг предупреждал Осборна, как в свое время и Джирса, но он был слишком мелкой сошкой, и к его голосу никто не прислушивался. Флемингу оставалось только смотреть, как люди, глухие к его предупреждениям, невольно выполняют намерения машины. Сам он мог полагаться лишь на извилистую нить логических построений. Если он ошибался, то ошибался с самого начала и весь ход событий был не таким, как он его представлял. Но если он был прав, то все шло к беде.

Случилось так, что Флеминг был в машинном зале, когда Джирс и Дауни впервые привели туда девушку.

– Бога ради! – он перевел молящий взгляд с Джирса на Дауни.

– Все мы уже слышали, что вы думаете, Флеминг, – сказал Джирс.

– Так не впускайте ее сюда!

– Если хотите жаловаться, жалуйтесь в министерство, – и Джирс повернулся к двери. Дауни пожала плечами: ей казалось, что Флеминг устраивает слишком много шума из-за пустяков.

Джирс придерживал дверь, пока в нее входила Андромеда в сопровождении Хантера; тот шел сбоку от нее и чуть позади, словно они были персонажами Джейн Остин. Андромеда двига-

лась скованно, но была вся внимание, лицо ее дышало спокойствием, а глаза впитывали в себя окружающее.

Во всем этом была какая-то нереальная торжественность, словно вот-вот должен был начаться менуэт.

— Здесь расположен пульт управления счетной машины, — сказал Джирс, когда девушка остановилась, оглядываясь по сторонам. Джирс говорил приветливым, но твердым родительским тоном. — Помните, я рассказывал вам об этом?

— Почему я должна была забыть?

Хотя говорила она несколько медленно и торжественно, ее голос под стать лицу был сильным и красивым.

Джирс повел ее через зал.

— Вот входное устройство. Единственный способ для ввода информации в машину, которым мы располагаем, заключается в том, что данные набираются на этой клавиатуре. Это отнимает много времени.

— Это должно быть так. — Она спокойно, с интересом осмотрела клавиатуру.

— Если мы хотим вести переговоры с машиной, — продолжал Джирс, — то нам приходится отбирать материал у выхода и снова вводить в нее.

— Это очень громоздко, — медленно проговорила девушка.

Дауни подошла и стала с другой стороны.

— Циклоп в соседней комнате может вводить информацию прямо в машину по этому Коаксиальному кабелю.

— Вы хотите, чтобы это делала я?

— Мы хотим выяснить, — сказал Джирс. Девушка подняла глаза и встретила пристальный взгляд Флеминга. Она не заметила его раньше и теперь посмотрела на него так же пристально, но бесстрастно.

— Кто это?

— Доктор Флеминг, — сказала Дауни. — Он сконструировал машину.

Держась очень прямо, девушка направилась к нему и протянула руку.

— Здравствуйте. Как поживаете? — произнесла она, точно повторяя урок. Флеминг не обратил внимания на протянутую руку и продолжал пристально разглядывать девушку. Она в свою очередь не моргая смотрела на него и через несколько секунд опустила руку.

— Вы, должно быть, очень умный человек, — сказала она без выражения. Флеминг рассмеялся. — Почему вы делаете так?

— Как?

— Смеетесь. Это правильное слово? Флеминг пожал плечами.

— Люди смеются, когда они счастливы, и плачут, когда им грустно. Иногда мы смеемся и тогда, когда несчастливы.

— Почему? — она продолжала внимательно смотреть ему в лицо. — Что такое счастье и грусть?

— Это чувства.

— Я их не испытываю.

— Да. Вы и не должны.

— Почему у вас они есть?

— Потому что мы несовершены. — Флеминг выдержал ее пристальный взгляд, будто это был вызов. Джирс засуетился от нетерпения.

— Все ли в порядке, Флеминг? На индикаторной панели ничего нет.

— Которая панель — индикаторная? — спросила девушка, отворачиваясь. Джирс показал, и она смотрела на ряды темных лампочек, пока Джирс и Дауни объясняли ей, что это такое и для чего служат металлические стержни.

— Будьте добры встать между ними, — закончил Джирс.

Девушка осторожно направилась к панели; при ее приближении лампочки вдруг замигали. Она остановилась.

— Ничего. Все хорошо, — сказала Дауни. Джирс снял со стержней предохранительные футляры и попросил девушку походить. Флеминг напряженно наблюдал за происходящим, но молчал. Девушка шла неохотно, ее лицо напряглось и застыло. Наконец она остановилась перед панелью. Ее голова оказалась в нескольких дюймах от стержней. Лампочки начали вспыхивать

быстрее. Гул машины наполнил помещение. Девушка медленно подняла руки к стержням, хотя никто ничего не говорил ей об этом.

— Вы уверены, что они не под напряжением? — Джирс с тревогой взглянул на Флеминга.

— Машина сама сняла напряжение.

Когда руки девушки коснулись металлических пластин, она содрогнулась, замерла, лицо ее застыло, словно в трансе, потом она опустила руки и зашаталась. Дауни и Джирс подхватили ее и помогли добраться до стула.

— С ней ничего не случилось? — спросил Джирс.

Дауни дала понять, что все в порядке.

— Но посмотрите туда!

Все огни на панели вспыхнули, а гул машины сделался громче прежнего.

— Что случилось?

— Она говорит со мной, — сказала девушка. — Она знает обо мне.

— Что сказала машина? — спросила Дауни. — Что она о вас знает? Как говорит?

— Мы... мы осуществляем связь.

— Как, посредством цифр? — Джирс был сбит с толку, и это ему не нравилось.

— Это можно выразить и в цифрах, — ответила девушка, глядя перед собой широко открытыми невидящими глазами. — Нужно очень много времени, чтобы объяснить.

— А вы можете осуществлять связь... — громкий взрыв в соседней комнате прервал Дауни. Индикаторная панель погасла, гул прекратился.

— Что случилось? — спросил Джирс.

Флеминг повернулся и, не отвечая, торопливо пошел в старое лабораторное крыло — туда, где находился бак с Циклопом. От проводов, свисавших над баком, поднимался дым. Флеминг вытянул их: концы совсем покернели, и с них свисали ключья

обуглившейся ткани. Он заглянул в бак сверху, и его губы сжались в тонкую линию.

— Что с ним случилось? — в помещение; вбежала Дауни, за ней Джирс.

— Убит током. — Флеминг покачал перед ней остатком провода. — Снова произошло замыкание, а он был убит.

Джирс заглянул в бак и с отвращением отпрянул.

— Что вы там натворили? — грозно спросил он.

Флеминг отбросил обугленные остатки проводов.

— Ничего. Машина сама знает, как регулировать напряжение... знает, как жечь ткани, как убивать...

— Но зачем ей это? — недоумевал Джирс. Невольно они посмотрели на двери, ведущие в машинный зал. Там стояла девушка.

— Затем, что теперь есть она! — Флеминг пошел на нее, угрожающе выставив подбородок. — Вы ведь только что сказали ей об этом, так? Машина знает, что теперь у нее есть раб получше. Ей больше ни к чему бедный уродец. Она ведь так сказала, верно?

Девушка спокойно выдержала его взгляд.

— Да.

— Вот видите! — Флеминг повернулся к Джирсу. — Вы теперь имеете дело с убийцей. История с Бриджером могла быть случайностью. Так же как и с Кристин, хотя я бы назвал это непредумышленным убийством. Но теперь-то уж это, несомненно, заранее обдуманное убийство!

— Но ведь этот Циклоп — примитивная тварь, — заметил Джирс.

— И она была лишней! — Он снова повернулся к девушке. — Так?

— Она мешала, — ответила девушка.

— А в другой раз помешать можете вы, или я, или еще кто-нибудь, или все мы!

Девушка ответила по-прежнему без всякого выражения:

— Мы только удаляем ненужный материал.

— Мы?

— Счетная машина и я. — Она дотронулась пальцами до головы. Глаза Флеминга сузились.

— Вы с ней одно и то же? Единый разум, да?

— Да, — ответила она ровным тоном. — Я понимаю...

— Тогда поймите вот что! — голос Флеминга зазвенел от возбуждения, и он вплотную приблизился к ней. — Вот вам немного информации: убивать — плохо!

— Плохо? Что такое «плохо»?

— А ведь совсем недавно именно вы хотели убить, — сказал Джирс.

— О господи! — в исступлении вырвалось у Флеминга. — Да есть здесь хоть кто-нибудь в своем уме?

Он помедлил мгновение, пристально всматриваясь в Андromеду, а затем вышел, почти выбежал из комнаты.

Болдершоу-Фелл почти не изменился с тех пор, как Рейнхарт показывал его Джуди. Шрамы, оставленные строителями на вершине холма, заросли травой и вереском, на стенах построек появились темные полосы — в местах, где протекали водосточные трубы, не выдержавшие зимних бурь. Но тройная арка все так же высилась над огромной чашей, а за стенами главного здания обсерватории приборы и люди продолжали спокойную, методичную работу. Харви по-прежнему хозяйничал за пультом управления, а по обе стороны от него, обрамляя широкое окно, по-прежнему высались стойки аппаратуры наведения и пересчета координат; на стенах все так же висели фотографии звездного неба, хотя уже не такие новые и свежие, как раньше.

Единственным признаком того, что теперь все здесь стали служить зловещему делу, была огромная — во всю стену — закрытая прозрачной пластмассой карта мира, на которой тушью были нанесены траектории орбитальных ракет. Карта выдавала скрытую за внешним спокойствием окружающего мучительную тревогу и беспокойство, с которым здесь наблюдали за тем, как в небе над головой неотвратимо растет и растет угроза. Рейнхарт прозвал карту «письменами огненными»; вместе с сотруд-

никами лаборатории он работал дни и ночи напролет, вычерчивая на ней каждую новую траекторию и посыпая в Уайтхолл все более срочные и тревожные донесения.

За последние месяцы было прослежено около сотни зловещих неизвестных ракет; их запускали, как это удалось определить, из области, лежащей почти в центре Тихого океана. Все соседние страны заявили, что не имеют к этим ракетам никакого отношения. По словам Ванденберга, ракеты могли принадлежать любому из государств, таких же членов ООН, как и Англия.

Ванденберг частенько наведывался в обсерваторию и долго, но бесплодно совещался с Рейнхартом. Им удалось определить только, что это были ракетные снаряды, запущенные из точки с координатами примерно десять градусов северной широты и сто тридцать – сто пятьдесят градусов западной долготы, и что эти снаряды проходили над Россией, Западной Европой и Британскими островами со скоростью около шестнадцати тысяч миль в час на высоте от трехсот пятидесяти до четырехсот миль. Пройдя над Англией, они в большинстве случаев пересекали Северную Атлантику, Гренландию, полярные области Канады и, по-видимому, выходили на стационарную орбиту над Восточно-Китайским морем. Каков бы ни был путь этих ракет, они отклонялись, чтобы пройти над Англией или Шотландией: очевидно, они были управляемыми и, очевидно, вполне умышленно наводились на эту маленькую мишень. Хотя об их размерах и форме не было известно ничего определенного, но они передавали сигнал слежения и, по-видимому, были достаточно велики, для того чтобы нести ядерный заряд.

– Не знаю, для чего их запускают, – признался Рейнхарт. Эти неизвестные ракеты теперь всецело занимали его. Как ни огорчил его оборот дела в Торнессе, сейчас он думал только об этой новой угрозе.

Ванденберг мог предложить довольно логичное и убедительное объяснение: они означают, что кому-то на Востоке хочется показать нам, насколько они нас обогнали. Они гордо размахивают этими штуками у нас над головами, желая показать

миру, что мы не в состоянии дать сдачи. Новая форма бряцания оружием.

— Но почему всегда над нашей страной? Ванденберг с некоторым сожалением посмотрел на профессора.

— Потому что вы достаточно малы и достаточно важны, чтобы служить, так сказать, заложниками. Этот остров всегда был хорошей мишенью.

— Но ведь у вас есть доказательства, — сказал Рейнхарт, кивнув в сторону карты на стене. — Разве Запад не собирается представить их в Совет Безопасности?

Ванденберг покачал головой.

— Только когда сможем вести переговоры с позиции силы. Они лишь обрадуются, если мы побежим ябедничать в ООН и признаем свою слабость. Тогда мы окажемся в их власти. Нет, прежде нам нужно найти какое-нибудь оборонительное средство.

Рейнхарт скептически посмотрел на генерала.

— Что же вы предприняли для этого?

— Работы идут полным ходом. Джирс считает...

— Ах, Джирс!

— ...Джирс считает, — Ванденберг не соизволил заметить, что его перебили, — что можно добиться поразительных результатов, как-то объединив эту искусственную девицу с вашей счетной машиной.

— С бывшей моей машиной, — раздраженно сказал Рейнхарт.

— Желаю удачи.

Вечером после отъезда Ванденберга объявился Флеминг. Рейнхарт еще сидел за работой, пытаясь установить происхождение сигналов, заставлявших спутники менять орбиты, когда снаружи заурчал автомобиль. Флемингу вдруг показалось, что он возвращается домой: знакомая комната, Харви за пультом управления, аккуратная фигурка поджидающего его профессора, в котором чудилось что-то отеческое. Из них троих Флеминг выглядел самым изможденным.

— Здесь все кажется таким нормальным и разумным. — Флеминг обвел взглядом большую комнату, где царил строгий порядок. — Спокойным и чистым.

Рейнхарт улыбнулся.

— Не слишком-то оно сейчас нормально и разумно.

— Мы можем поговорить?

Рейнхарт повел его в один из дальних уголков, где стояли два глубоких кресла и маленький столик, предназначенные специально для гостей.

— Я уже говорил вам по телефону, Джон, что я решительно ничего не могу поделать. Они собираются использовать это существо в помощь машине для ракетных разработок Джирса.

— Именно этого и хочет машина. Рейнхарт пожал плечами.

— Я больше в этом неучаствую.

— Как и все мы. Я вишу на волоске. И у нас уже нет возможности выключить рубильник — разве не так? — Флеминг нервно вертел в пальцах спичечный коробок, который вынул, чтобы зажечь сигарету. — Сейчас она сама себя контролирует. Обзавелась всякими защитниками, союзниками. Если бы эта тварь в образе женщины прилетела сюда на космическом корабле, ее бы уже давно уничтожили. Поняли бы, для чего она служит. Но ее заслали сюда гораздо более хитрым способом, облекли в человеческие формы, и никто, кроме форм, ничего не желает видеть. А формы очень милы. Бессмысленно взывать к Джирсу и к прочей публике: я пытался. Знаете, профессор, мне страшно!

— Всем нам страшно, — сказал Рейнхарт. — Чем больше мы узнаем о Вселенной, тем больше она нас пугает.

— Послушайте! — Флеминг подался вперед. — Давайте пораскинем собственным умом. Эта машина — порождение чуждого нам разума — разделась с одноглазым уродом. Она разделась с Кристин. И разделается со мной, если я окажусь у нее на пути.

— Так уйдите с ее пути, — устало проговорил Рейнхарт. — Если вам грозит опасность, возьмите и уйдите прямо сейчас.

— Опасность! — угрюмо фыркнул Флеминг. — Неужели вы думаете, что мне хочется умереть какой-нибудь гнусной смер-

тью, как Деннис Бриджер, например, ради правительства или ради «Интеля»? Но просто я следующий в списке. Если меня выставляют или убывают, что будет потом?

— Весь вопрос в том, что произойдет раньше. — Рейнхарт проговорил это тоном врача, знающего, что спасти больного невозможно. — Я бессилен помочь вам, Джон.

— А Осборн?

— Бразды правления теперь не в его руках.

— Он мог бы устроить так, чтобы его министр пошел к премьер-министру.

— К премьер-министру?

— Ведь Осборн на государственной службе, правда?

Рейнхарт покачал головой.

— У вас нет никаких доказательств, Джон.

— У меня есть аргументы.

— Сомневаюсь, будет ли кто-нибудь из них выслушивать аргументы. — Рейнхарт указал на карту. — Вот что нас теперь тревожит.

— А что это?

Рейнхарт объяснил. Флеминг сидел и слушал, напряженно и грустно, сдавливая пальцами спичечный коробок.

— Мы же не можем всегда быть впереди, правда? — И, отмахнувшись от объяснений профессора, закончил: — По крайней мере это люди, и с ними можно договориться.

— На каких условиях? — спросил Рейнхарт.

— Это не важно по сравнению с тем, что, может быть, наступает на нас. Бомба — это быстрая смерть цивилизации, но медленное порабощение планеты... — Он не договорил.

Премьер-министр находился в своем отделанном дубом кабинете в палате общин. Это был спортивного вида пожилой джентльмен с насмешливыми голубыми глазами. Он сидел за большим столом, занимающим большую половину комнаты, и слушал министра обороны. Солнечный свет мягко струился сквозь частый переплет старинных окон. В дверь постучали, и

военный министр нахмурился: это был самолюбивый молодой человек, не привыкший, чтобы его перебивали.

— А, вот и наука тут как тут. — Премьер-министр приветливо улыбнулся, когда в комнату вошли Рэтклифф и Осборн. — Вы ведь не знакомы с Осборном, Бэрдett?

Министр обороны поднялся и небрежно пожал вошедшему руки. Премьер-министр жестом пригласил их сесть.

— Прекрасная погода, не правда ли, господа? Помню, такая же была в дни Дюнкерка. Кажется, солнце всегда улыбается нашим национальным бедам. — Он повернулся к Бэрдettу. — Может быть, изложите наши требования, мой милый?

— Речь идет о Торнессе, — сказал Бэрдett Рэтклиффу. — Мы намерены полностью забрать счетную машину и все, что к ней относится. Ведь в принципе это было давно решено, не так ли? И премьер и я считаем, что время пришло.

Рэтклифф неприязненно посмотрел на него.

— Вы ведь ею уже пользуетесь.

— Сейчас нам этого недостаточно, правда, сэр? — воззвал Бэрдett к премьер-министру.

— Нам нужен новый перехватчик, господа, и как можно быстрее! — Под благодушной, ленивой и несколько старомодной манерой держаться скрывалась железная твердость и деловая хватка. — В девятьсот сороковом у нас были «Спитфайры», но в данный момент ни у нас, ни у наших союзников нет ничего, что можно противопоставить их новинкам.

— И никакой надежды найти что-нибудь подходящее, — вставил Бэрдett. — Во всяком случае, обычным путем.

— Мы могли бы сотрудничать, совместно разработать подходящий проект, — обратился Рэтклифф к Осборну.

Но Бэрдett не любил тратить время попусту.

— Мы справимся сами, если получим ваше оборудование в Торнессе и эту девушку.

— Искусственное существо? — Осборн поднял вышколенную бровь, но премьер-министр ободряюще улыбнулся ему.

— Доктор Джирс полагает, что, используя эту столь странным образом появившуюся на свет девицу для изложения на-

ших требований счетной машине и обратного перевода вычислений, мы можем очень быстро разрешить множество проблем.

— Если верить в ее благие намерения. Премьер-министр, казалось, заинтересовался:

— Я не вполне уловил вашу мысль?

— Кое-кто из наших работников сомневается в ее предназначении, — сказал Рэтклифф, цепляясь за соломинку. Ни один министр не любит посягательств на свои права и готов для их защиты пускать в ход сомнительные аргументы. Но премьер-министр не счел его возражение серьезным.

— Ах, да, я об этом слышал.

— До последнего времени, сэр, это существо изучалось силами нашей группы, — сказал Осборн. — Профессор Дауни...

— Дауни может остаться.

— В роли консультанта, — поспешил добавил Бэрдett.

— А доктор Флеминг? — спросил Рэтклифф.

Премьер-министр снова повернулся к Бэрдettу.

— Флеминг, вероятно, будет полезен? Бэрдett нахмурился.

— Нам нужен полный контроль и полная секретность.

Рэтклифф пустил в ход последний козырь.

— Вы думаете, что она, эта девушка, способна выполнить ваши требования?

— Я собираюсь спросить об этом у нее самой, — невозмутимо ответил премьер-министр. Он нажал кнопку звонка на столе, и в дверях немедленно вырос лощеный молодой человек. — Будьте добры, попросите доктора Джирса привести сюда его спутницу.

— Как, она здесь? — Рэтклифф укоризненно посмотрел на Осборна, словно это была его вина.

— Да, голубчик. — Премьер-министр в свою очередь вопрошающе посмотрел на Осборна. — А она, э-э...

— Она выглядит вполне нормально. Премьер-министр испустил легкий вздох облегчения и приподнялся, когда дверь снова открылась, чтобы пропустить Джирса и Андромеду.

— Входите, входите, доктор Джирс! Входите, моя дорогая!

Андромеде он предложил кресло напротив своего. Она спокойно села, слегка наклонив голову и сложив руки на коленях, как будто приготовилась записывать интервью.

— Вы, должно быть, находите все это довольно странным, — сказал премьер-министр успокаивающим тоном. Девушка ответила медленно, строя фразу по всем правилам грамматики:

— Доктор Джирс мне все объяснил.

— Объяснил ли он, почему мы привез вас сюда?

— Нет.

— Бэрдett, вы?.. — сказал премьер-министр, поручая остальное министру обороны. Рэтклифф сердито наблюдал, как Бэрдett подвинулся вперед, на краешек стула, утвердил локти на столе, сцепил пальцы и строго взорвался на Андромеду.

— Наша страна — вы знаете, что это такое?

— Да.

— Нашей стране угрожают орбитальные ракеты.

— Мы знаем об орбитальных ракетах.

— Кто — мы? — Бэрдett посмотрел на не еще строже. Однако лицо девушки по-прежнему ничего не выражало.

— Счетная машина и я, — последовал ответ.

— Откуда это известно счетной машине?

— Мы делимся нашей информацией.

— На это мы и надеялись, — сказал премьер-министр.

Бэрдett продолжал:

— У нас есть ракеты-перехватчики — ракетные снаряды различных систем, — но ни одна из них не обладает одновременно достаточной скоростью, дальностью и точностью, чтобы, э-э... — он замялся, подыскивая подходящее выражение.

— Чтобы поразить их? — просто спросила она.

— Совершенно верно. Мы можем предоставить вам все необходимые данные, касающиеся скорости, высоты и курса, и еще многое другое, а нам нужны конкретные расчеты, позволяющие построить соответствующий снаряд.

— Это трудно?

— Для нас — да. Нам требуется чрезвычайно сложное оружие для перехвата, способное принимать собственные мгновенные решения.

— Я понимаю.

— Нам хотелось бы, чтобы вы работали над этим вместе с нами. — Премьер-министр говорил мягко, словно уговаривая ребенка. — Доктор Джирс объяснит вам, что именно нам нужно, и предоставит в ваше распоряжение все необходимое.

— А доктор Флеминг, — добавил Рэтклифф, — может помочь вам в работе со счетной машиной.

Андромеда в первый раз подняла глаза.

— Доктор Флеминг нам не потребуется, — сказала она, и в ее спокойном, размеренном голосе послышалась холодная металлическая нотка.

После возвращения из Лондона Андромеда проводила большую часть времени в конструкторском бюро, расположенным в стороне от здания счетной машины. Она подготовливалась данные и затем пересыпалась их на машину для расчетов. Иногда она приходила сама и работала с машиной. Тогда из печатающего устройства извергались длинные и сложные ряды чисел, которые Андромеда уносила, чтобы перевести на язык техники. Результаты превзошли все ожидания Джирса. На чертежном столе возникли новая система наведения и новые баллистические формулы, а проверка подтвердила их полное соответствие начальным требованиям. Машина и девушка вместе за сутки делали то, на что в обычных условиях потребовался бы год. Полученные решения были не только изящны, но и весьма эффективны. Было ясно, что в самое ближайшее время можно будет создать совершенно новый тип ракеты-перехватчика.

В рабочее время Андромеда могла свободно расхаживать по территории, и, хотя после работы ее под охраной уводили в отведенные ей комнаты, скоро в городке уже все знали ее. Джуди объясняла, что Андромеда — научный руководитель работ, прикомандированный министерством обороны.

Через неделю на Даунинг-стрит, 10, опубликовали следующее коммюнике:

«Правительство Ее Величества располагает сведениями о запуске в воздушное пространство над Британскими островами орбитальных ракет, возможно военного назначения. Эти ракеты неизвестного, но земного происхождения движутся с большой скоростью и на значительной высоте; однако непосредственных причин для тревоги пока нет. Правительство Ее Величества вместе с тем указывает, что запуск этих ракет свидетельствует о преднамеренном нарушении наших воздушных границ; в связи с этим приняты соответствующие меры для их перехвата и опознавания».

Флеминг слушал это коммюнике, сидя перед портативным телевизором в своем торнесском домике. Он больше не отвечал за работу счетной машины, и Джирс высказал предположение, что, может быть, вдали от нее он чувствует себя счастливее. Однако Флеминг остался, отчасти из упрямства, а отчасти из-за предчувствия надвигающейся беды; теперь он следил за успехами Андromеды и двух молодых операторов, помогавших ей в работе с машиной. Однако держался он в стороне и от нее, и от Джуди, которая все еще околачивалась в городке, наблюдая неизвестно за кем, и была посредницей между Андromедой и начальством. После передачи коммюнике Флеминг побрел в здание машины, смутно ощущая, что необходимо что-то предпринять.

Джуди, войдя в помещение, увидела, что Флеминг сидит в задумчивости на врачающемся стуле у пульта управления. Она ни разу не разговаривала с ним со времени его последнего взыва, но следила за ним с тревогой и скрытой нежностью, не покидавшей ее.

Она подошла к пульту и остановилась перед Флемингом.

– Почему ты не бросишь все это, Джон?

– Тебе бы это, конечно, доставило удовольствие?

– Нет. Но ты бессилен что-либо изменить здесь и только мучаешься.

– Зато какой занятный треугольник, а? – он насмешливо взглянул на нее. – Я слежу за ней, ты следишь за мной...

– Ты ничего не добьешься!

– Ревнешь? – спросил он.

Она нетерпеливо тряхнула головой.

– Не говори чепухи!

– Они все так чертовски уверены! – Флеминг задумчиво смотрел на стойки контрольных блоков. – Может быть, я чего-то не понимаю тут... или в ней...

Андромеда вошла в машинный зал, когда Джуди и Флеминг еще разговаривали. Она стояла у двери с пачкой бумаг в руке и ждала, когда они кончат. Андромеда была всегда спокойна, но в излишней скромности ее никак нельзя было обвинить. С Джуди и с другими своими коллегами она говорила безапелляционным тоном непререкаемого авторитета. Она не делала исключения даже для Джирса и, оставаясь безупречно вежливой, обходилась со всеми ними как с умственно неполноценными особями.

– Мне нужно поговорить с доктором Джирсом, – заявила она с порога. – Будьте так добры, займитесь этим.

– Сейчас? – Джуди попыталась ответить ей еще более спокойно и пренебрежительно.

– Сейчас.

– Я узнаю, свободен ли он, – сказала Джуди и вышла.

Андромеда медленно пошла к индикаторной панели, не обращая на Флеминга ни малейшего внимания, но он вдруг заговорил с ней сам, не зная почему.

– Вам нравится ваша работа?

Она повернулась и молча посмотрела на него. Флеминг, насторожившись, откинулся на спинку стула.

– А ведь вы становитесь незаменимой, а? – спросил он ее тем тоном, каким обычно разговаривал с Джуди.

Андромеда с величавым видом смотрела на него. Правильное лицо, длинные волосы, свободно опущенные руки, простое неяркое платье делали ее похожей на статую.

– Пожалуйста, говорите осторожнее.

– Это угроза?

– Да. – Она говорила спокойно, точно устанавливая факт.

Флеминг встал.

– Черт побери, я не позволю... – он умолк и неожиданно улыбнулся. – Пожалуй, я и впрямь кое-что упустил.

Она не осознала смысла этих слов и повернулась, чтобы уйти.

– Погодите!

– Я занята. – Однако она обернулась к нему и остановилась в ожидании. Флеминг медленно подошел и, словно поддразнивая, оглядел ее с ног до головы.

– Вам надо заняться собой, если вы хотите подчинить себе людей. – Она стояла неподвижно. Подняв руку, он отвел прядь, закрывавшую часть ее лица. – Зачесывайте волосы назад, чтобы мы могли видеть, как вы выглядите. Так. Очень мило!

Андромеда отступила, и его рука скользнула вниз, но девушка продолжала смотреть на него во все глаза, озадаченная и заинтересованная.

– И можно употреблять духи, – продолжал он. – Как Джуди.

– Это то, что так пахнет?

Он кивнул.

– Не очень экзотические. Так, лавандовая вода или что-нибудь вроде этого. Но приятные.

– Я вас не понимаю. – Легкая складка рассекла гладкую кожу ее лба. – Приятно – неприятно, хорошо – плохо. Здесь нет логического различия.

– Подойдите, – позвал он, продолжая улыбаться.

Андромеда заколебалась, но все же шагнула в его сторону. Спокойно и хладнокровно он ущипнул ее за руку.

– Ой! – Она отступила назад с внезапным испугом в глазах и потерла больное место.

– Приятно или неприятно? – осведомился он.

– Неприятно.

– Это потому, что вы созданы так, чтобы ощущать боль. – Он снова поднял руку, и она отстринилась. – Сейчас я не стану делать вам больно.

Он легоночко провел рукой по ее лбу, а она стояла, напрягшись всем телом, как ручной олень, которого гладит ребенок, – покорный, но готовый сорваться с места. Его пальцы скользнули с ее щеки на обнаженную шею.

– Неприятно или приятно?

– Приятно. – Она внимательно следила за ним, чтобы понять, что он сделает в следующий момент.

– Вы созданы так, что ощущаете удовольствие. Вам это было известно? – Он осторожно отвел руку и отошел от девушки.

– Вряд ли это было сделано намеренно, но коли уж вас наградили человеческим телом... Ведь люди живут не по законам логики.

– Это я заметила! – Она держалась теперь так же уверенно, как до начала их разговора, но продолжала смотреть на Флеминга с глубоким вниманием.

– Мы живем нашими чувствами. И они определяют наше стремление к хорошему и плохому, наши эстетические и моральные принципы. Без них мы, наверное, уже давно истребили бы друг друга.

– Но разве вы всеми силами не стремитесь именно к этому?

– С высокомерной улыбкой Андromеда посмотрела на свои бумаги. – Вы с вашими бомбами и ракетами – как дети.

– Не причисляйте меня ко всем этим...

– Нет, я не причисляю. – Она задумчиво рассматривала Флеминга. – Тем не менее я собираюсь спасти всех вас. Это же совсем просто. – И небрежным кивком она указала на свои бумаги.

Вошла Джуди и остановилась в дверях, как раньше Андromеда.

– Доктор Джирс может принять вас. Пожалуйста!

– Спасибо.

Роли переменились. Взаимоотношения всех троих стали теперь иными. Хотя Флеминг продолжал наблюдать за Андромедой, ее взгляд стал другим.

— От меня неприятно пахнет? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Это вам придется выяснить самой. Андромеда вместе с Джуди пошли по бетонной дорожке к приемной Джирса. Им нечего было сказать друг другу, и их ничто не объединяло, кроме чувства настороженного безразличия. Джуди проводила Андромеду в кабинет Джирса и вышла. Директор, сидя за столом, разговаривал по телефону.

— Да-да, мыдвигаемся вперед, просто замечательно! — говорил он, — Еще одна проверка, и мы сможем приступить к изготавлению.

Он положил трубку, и Андромеда протянула ему бумаги — так небрежно, словно это была чашка чаю.

— Вот все, что вам нужно, доктор Джирс, — сказала она.

ГЛАВА X

Новая ракета была построена и прошла испытания в Торнессе. После того как ее запустили, вернули на Землю и размножили, премьер-министр послал Бэрдэтта к Ванденбергу.

Торнесский проект очень тревожил генерала. Ему казалось, что для солидного дела все идет слишком быстро. Хотя его начальство требовало именно быстрых действий, генерал не слишком доверял этому детищу заграничной науки и техники и настаивал, чтобы ракету отправили для испытаний в США. Однако правительство Ее Величества вдруг заупрямилось.

Бэрдэтт спорил с генералом в его подземном командном пункте.

— В кои-то веки мы имеем возможность обойтись своими силами. — Молодой министр выглядел очень независимым, щеголеватым и энергичным в синем с иголочки костюме и галстуке цветов школы, в которой он учился. — Конечно, мы с вами будем работать сообща, когда примемся за дело.

Ванденберг хмыкнул.

— А нельзя ли нам узнать, как именно вы приметесь за дело?

— Осуществим перехват.

— Ну, а как?

— Рейнхарт из Болдершоу будет давать нам информацию о движении цели, а подразделение Джирса станет запускать ракеты.

— А если ничего не выйдет?

— Не может не выйти.

Двое мужчин упорно глядели друг на друга: Бэрдэтт — изящный и улыбающийся, Ванденберг — массивный и насупившийся. Наконец генерал небрежно пожал плечами.

— Ни с того ни с сего это вдруг стало внутренним делом!

На том они и разошлись; Бэрдett дал указание Джирсу и Рейнхарту продолжать работу.

А в Болдершоу-Фелл почти каждый день регистрировали новые трассы. Харви сидел перед большим окном, выходившим на плоскую вершину холма, и заносил в журнал моменты прохождения.

«...12 августа, 03 часа 50 мин. по ср. гринв. врем. Баллистический снаряд номер один-один-семь прошел над пунктом курсом 2697/451. Высота 400 миль. Скорость ок. 17 500 миль/час...»

Огромная чаша внизу казалась пустой и тихой под сенью возвышавшихся над ней конструкций, но тем не менее жила, наполненная отражениями сигналов. Каждый проносившийся снаряд передавал свои позывные, и можно было слышать, как он приближается с другой стороны земного шара. В обсерватории имелась специальная аппаратура, с помощью которой движение целей отмечалось на экране катодно-лучевой трубки, а системы автоматического определения угловых координат и дальности были соединены наземной линией с Торнессом.

А в Торнесссе над береговой кручей выстроилась шеренга ракет — «первый бросок», по местной терминологии, — и две запасные. Три снаряда, похожих на заточенные карандаши, с заостренными носами и хвостовым оперением, стояли в ряд на пусковых столах, отливая серебром в холодном сером свете. Ракеты были на удивление невелики, очень тонки и довольно красивы. Они напоминали стрелы на натянутой тетиве и были готовы в любую минуту рвануться из тяжелой и сложной сбруи пусковых приспособлений. Каждая ракета, заправленная топливом, до отказа начиненная точными приборами, несла в острой головке небольшой ядерный заряд.

Наземное наведение осуществлялось через машину, работу которой в свою очередь направляли Андромеда и ее помощники. Передаваемая из Болдершоу информация о движении цели поступала на пульт управления машины, мгновенно расшифровывалась, преобразовывалась и синхронно передавалась пере-

хватчику. Ход перехвата можно было корректировать с точностью до миллиметра.

Доступ в машинный зал был теперь разрешен только Джирсу и сотрудникам, имеющим непосредственное отношение к работе. Флемингу и Дауни в виде любезности разрешили следить за ходом событий по телевизору из другого здания. Андromеда невозмутимо заняла свой пост у машины, а Джирс с озабоченным, но важным видом сновал между стартовой площадкой, зданием счетной машины и пусковым командным пунктом. Последний представлял собой небольшой оперативный центр, откуда осуществлялся надзор за процедурой запуска. Прямой телефон соединял Джирса с министерством обороны. Теперь Джуди была постоянно занята — майор поручил ей проверять и перепроверять всех, кто приезжал или уезжал.

В последний день октября Бэрдett после совещания с премьер-министром позвонил Джирсу и Рейнхарту.

— Следующую, — приказал он. Рейнхарт и Харви провели на ногах тридцать шесть часов кряду, прежде чем обнаружили новую трассу. Но вот на рассвете они наконец приняли первый слабый сигнал и была запущена автоматика.

В Торнессе измученный боевой расчет встряхнулся и взялся за дело, а Андromеда, которая совсем не казалась усталой, следила, как проверяют прохождение данных через машину. Машина немедленно выдала оптимальный момент запуска; его передали на пусковой командный пункт, и начался отсчет времени. Очень скоро движущаяся цель появилась на радиолокационных экранах. Один экран был установлен в машинном зале для Андromеды, другой — на пусковом командном пункте для Джирса, третий — в оперативном центре министерства обороны в Лондоне; перед главным контрольным экраном в Болдершоу сидел Рейнхарт. Там можно было слышать и сигнал спутника — равномерное «блин-блин-блин», передаваемое громкоговорителями и усиленное до такой степени, что звук заполнял обсерваторию.

В Торнессе громкоговорители непрерывно передавали счет времени, и у подножия ракет над обрывом проворно работали стартовые команды. В момент «нуль» следовало сделать «первый бросок», а при неудаче запустить вторую и, если необходимо, третью ракету; баллистические расчеты в этих случаях пришлось бы делать заново, с учетом изменившегося времени запуска. Андромеда утверждала, что во всем этом нет никакой необходимости, но остальным была слишком хорошо известна человеческая склонность к ошибкам. Ни Джирс, ни его начальники не могли допустить неудачи.

Счет времени прошел однозначные цифры и достиг нуля. В сером утреннем свете над мысом вдруг расцвели красным цветком сигнальные ракеты первого запуска. Воздух наполнился ревом, земля дрогнула, и высокий тонкий карандаш скользнул в небо. Через несколько секунд он был уже за облаками. У пульта управления, в оперативном центре, в обсерватории взволнованные лица следили за его трассой, возникшей на экранах катодно-лучевых трубок. Одна лишь Андромеда казалась равнодушной и уверенной в себе.

В Болдершоу Рейнхарт, Харви и их группа следили, как медленно сходились трассы спутника и перехватчика, и «блип-блип-блип» звенело в их ушах все громче и яснее по мере приближения спутника. Но вот трассы встретились – и в тот же момент звук оборвался. Рейнхарт порывисто повернулся к Харви и хлопнул его по спине, что было совсем не свойственно маленькому профессору.

– Наша взяла!..

– ...Цель поражена! – Джирс схватил трубку лондонского телефона. В помещении пульта управления машины Андромеда отвернулась от экрана, словно закончила незначительный эксперимент. А в Лондоне, в оперативном центре, повернулся к своим английским коллегам Ванденберг.

– Ну, знаете... – только и сказал он.

В тот же вечер было сделано официальное сообщение для печати:

«Министерство обороны заявило, что над территорией страны, на высоте трехсот семидесяти миль, некий орбитальный спутник был перехвачен новой английской ракетой. Остатки спутника, принадлежность которого неизвестна, так же как и остатки перехватчика, сгорели, войдя в плотные слои земной атмосферы. Ход перехвата прослеживался с помощью автоматической радиолокационной системы и может быть подтвержден вплоть до мельчайших деталей».

Из-за стен Уайтхолла донесся всеобщий вздох облегчения, и они словно засветились изнутри от самодовольства. Кабинет провел на редкость удачное совещание, и не прошло и недели, как премьер-министр снова прислал за Бэрдettом.

Министр обороны явился элегантный и улыбающийся, ис-точающий самоуверенность и запах лосьона «После бритья».

- Есть ли новые трассы? – спросил премьер-министр.
- Ни одной!
- И ничего на орбите?
- Ничего, что проходило бы над нашей страной, сэр, – с самого момента перехвата.
- Отлично. – Премьер-министр задумался. – Ну, Рейнхарт в любом случае должен получить дворянство.
- А Джирс?
- О да! Вероятно, орден Империи. Бэрдett приготовился перейти к делу.
- А счетная машина и ее... э-э-э... агент, сэр?
- Ну, юной леди можно было бы тоже дать орден, – сказал премьер с обычной, чуть насмешливой улыбкой.
- Я говорю о другом: как быть с ними дальше? – пояснил Бэрдett. – Министерство науки требует, чтобы их вернули.

- Премьер-министр продолжал улыбаться.
- Но мы ведь не можем этого сделать, не правда ли? – сказал он.
 - У нас есть для них обширная военная программа.
 - А также – обширная экономическая.
 - Что вы имеете в виду, сэр?

— Я имею в виду, — серьезно сказал премьер-министр, — что эта необычная пара сумела успешно выполнить подобное задание, а значит, сможет выполнить и многое другое. Конечно, машина должна работать на оборону, но одновременно она имеет и большой экономический потенциал. Вы же знаете, что мы хотим быть не только сильными, но и богатыми. Ученые дали нам — и я очень признателен им за это — самый совершенный в мире мыслительный инструмент. Благодаря ему страна получит возможность сделать гигантский шаг вперед в очень многих областях. Да и давно пора.

— Значит, вы собираетесь оставить ее в собственных руках, сэр? — Бэрдett говорил с раздражением, но почтительно.

— Да. В скором будущем я выступлю с обращением к нации.

— Неужели вы намерены сделать все достоянием гласности?

— Не пугайтесь, мой милый, — премьер-министр ласково посмотрел на Бэрдетта. — Я скажу что-нибудь о результатах, а средства их достижения останутся строго засекреченными. Но об этом должны позаботиться вы.

Бэрдett кивнул.

— Что я могу сказать Ванденбергу?

— Скажите, чтобы он умерил свой пыл. Впрочем, нет, можете ему сказать, что мы собираемся снова стать великой маленькой страной, но будем по-прежнему сотрудничать с нашими союзниками. То есть с любыми союзниками, каких мы сможем приобрести. — Он немного помолчал, Бэрдett вежливо ждал. — Я сам приеду в Торнесс, как только смогу.

Эта поездка состоялась через несколько дней; по-видимому, премьер-министр придавал ей очень большое значение. Джуди и Кводрингу стоило немалых трудов скрыть его посещение от прессы, так как всеобщее любопытство было крайне возбуждено. Однако в конце концов все было обставлено с должной секретностью, а городок и его обитатели тщательно и осторожно подготовлены. Успех заметно изменил Джирса. Он впервые почувствовал уверенность в себе. Казалось, он избавился от прежней заносчивости и позабыл о ней. Теперь он был деловит, но любезен и не только снова разрешил Дауни и Фле-

мингу пользоваться машиной, но и уговорил их присутствовать при обходе премьер-министра. По его словам, он хотел, чтобы каждый получил то, что ему причитается.

Весь этот парад не слишком нравился Флемингу, но он не стал возражать, надеясь, что ему хоть тут удастся высказаться. В день визита он явился в здание машины раньше других; там никого не было, кроме Андромеды. Она тоже преобразилась. Зачесанные назад длинные волосы не закрывали лица, и вместо обычного простого платья на ней было что-то вроде древнегреческой туники, облегавшей бедра и грудь и свободно струившейся по спине.

— Фью! — присвистнул Флеминг. — Если вы будете расхаживать в таком виде, с вами и впрямь может случиться нечто, совсем как с человеком.

— Вы говорите об этой одежде? — спросила она с некоторым интересом.

— Вы произведете на всех чертовски сильное впечатление, — а впрочем, это вам уже удалось. И тут уж только держись, ведь так? — зло спросил он. Андромеда взглянула на него и не ответила. — Он, вероятно, предложит вам занять вместо него дом номер десять, и вы, конечно, уверены, что все мы спокойненько уснем в своих постельках, увидев, какая вы теперь всесильная. Надо думать, вы считаете нас всех дураками.

— Вы не дурак, — сказала она.

— Если бы я не был дураком, вас бы сейчас здесь не было! Ну, а теперь вы подбили в небе кусочек металла — пустяк, если знать, как это делается, — и сразу приобрели власть.

— Так и было рассчитано, — она бесстрастно смотрела на него.

— А что вы рассчитываете делать дальше?

— Это зависит от программы.

— Еще бы! — Он приблизился к ней. — Вы же рабыня, верно?

— Почему вы не уходите? — спросила она.

— Не ухожу?

— Сейчас. Пока можете.

— Заставьте меня! — Он вперил в нее тяжелый и враждебный взгляд, но она отвернулась.

— Возможно, так и придется сделать, — сказала она.

Флеминг молчал, вызывая ее на продолжение разговора, но она не поддалась. Наконец он посмотрел на часы и проворчал:

— Уж скорее бы разыграли этот дипломатический спектакль.

Премьер-министр прибыл в сопровождении местного начальства, членов кабинета и верзил из Скотланд-Ярда. Впереди шел Джирс с премьер-министром. За ними следовали Бэрдett, Хантер и длинная свита все менее значительных особ; Джуди вошла последней, затворив двери. Джирс широким взмахом рук обвел помещение пульта управления.

— Вот это, по сути дела, и есть счетная машина, сэр.

— Совсем для меня непостижимо, — объявил премьер-министр, словно в этом было какое-то преимущество. Он заметил Андromеду.

— Здравствуйте, мисс. Примите поздравления!

Он пошел к ней с протянутой рукой, и Андromеда неловко взяла ее и встряхнула.

— Неужели вы все здесь понимаете? — спросил ее премьер.

Она вежливо улыбнулась.

— Ну, я уверен, что это так, и все мы вам очень призательны. В нашей стране уже совсем забыли, каково это — говорить с позиции силы. Мы должны оберегать вас как зеницу ока. О вас здесь позаботились?

— Да, спасибо.

Гости стояли полукругом, глядя на нее с восхищением, но она больше ничего не сказала. Флеминг поймал взгляд Джуди и указал глазами на премьер-министра. Сначала она не могла сообразить, что ему нужно, а потом поняла и бочком протиснулась к Джирсу.

— Мне кажется, доктор Флеминг не был представлен премьер-министру, — шепнула она. Джирс нахмурился — его дружелюбие, по-видимому, уже иссякло.

– Прекрасно, прекрасно... – Премьер-министр не мог придумать, что бы еще сказать ей, и снова повернулась к Джирсу. – А где вы держите ракеты?

– Я покажу вам, сэр. И еще мне хотелось бы, чтобы вы осмотрели лабораторию.

Они двинулись дальше, а Джуди так и осталась стоять на месте.

– Доктор Флеминг... – сделала она еще одну тщетную попытку, но ее не услышали. Флеминг шагнул вперед.

– Прошу прощения, одну минуту...

Джирс грозно нахмурился, взглянув в его сторону.

– Не сейчас, Флеминг!

– Но...

– Что нужно этому молодому человеку? – кратко осведомился премьер-министр; на физиономии у Джирса включилась дежурная улыбка.

– Ничего, сэр. Ему ничего не нужно.

Премьер-министр, будучи человеком тактичным, тронулся дальше, а когда Флеминг снова двинулся было вперед, его локоть сжала рука Хантера.

– Ради бога! – прошипел он.

Перед дверью в лабораторное крыло Джирс обернулся.

– Вам лучше пойти с нами, – обратился он к Андromеде, игнорируя остальных.

– Пойдемте, пойдемте, моя дорогая, – сказал премьер-министр, отступая в сторону, чтобы пропустить ее. – Уму и красоте – первое место.

Все прошли вереницей в дверь лаборатории, и в зале осталась только Джуди.

– Идешь? – спросила она Флеминга, который смотрел вслед ушедшему.

Он покачал головой.

– Великолепно, а?

– Я сделала все, что могла.

– Великолепно!

Джуди комкала носовой платок.

— Они, во всяком случае, должны были позволить тебе по-говорить с ним. Мне кажется, он умен, хоть и похож на суетливую старушку.

— Ну да, на ту самую.

— На какую?

— Из Ниццы. — Он слабо усмехнулся. — Ту, что решила на тигре верхом прокатиться. Пришлось возвращаться старухе у тигра довольного в брюхе.

Джуди знала этот стишок и почувствовала раздражение.

— Ну конечно, нас всех так прокатят, кроме тебя?

— Знаешь, что она мне только что сказала?

— Нет.

Но он вдруг изменил свое намерение и перевел взгляд с Джуди на индикаторную панель.

— Есть одна идея.

— Доступная даже мне?

— Посмотри, как она прекрасно работает — ровно, ритмично.

— Машина мягко гудела, лампочки равномерно мигали. — Ишь, мурлыкает, чувствует, что мы у нее в брюхе. Ну, а что, если я выключу рубильник?

— Тебе не позволят это сделать.

— Или притащу лом и разобью ее вдребезги?

— Все равно охрана тебе помешает, а машину восстановят.

Из ящика в пульте управления Флеминг достал блокнот и какие-то бумаги.

— Ну, тогда придется сделать ей интеллектуальную встряску, а? Барышню-то я уже тряхнул. Ну, а теперь, пожалуй, припомнемся за машину. — Флеминг заметил, что Джуди глядит на него с сомнением. — Успокойся, тебе не придется свистеть в твой свисток. Назад они пойдут этой же дорогой?

— Нет. Выйдут из лаборатории прямо на улицу.

— Хорошо. — Он принялся переписывать цифры с бумажной ленты в блокнот.

— Что это?

— Сокращенная формула искусственного существа.

– Андромеды?

– Называй ее как тебе угодно, – он продолжал писать. – Это то, как зовет ее машина. Даже не формула – кодовый ярлычок.

– Что ты собираешься с ней сделать?

– Немного преобразую.

– Но ты ничего не повредишь? Он только усмехнулся.

– Иди-ка лучше со своей экскурсией; это дело долгое.

– Я предупрежу охрану.

– Предупреждай кого угодно. Она заколебалась, но затем сдалась и пошла в лабораторию. После ее ухода Флеминг провел цифры и, забрав блокнот, подошел к входному устройству.

– Ну и задам же я тебе задачку! – сказал он вслух, обращаясь к машине, и, усевшись, принялся печатать на входном термостате.

Едва он кончил, как вернулась Андромеда.

– Я думал, вы пошли смотреть ракеты. Она покала плечами.

– Это не интересно.

Лампочки на индикаторной панели замигали быстрее, и вдруг раздался немыслимый треск – это неистово заработало печатающее устройство.

Андромеда удивленно оглянулась.

– Что случилось?

Флеминг быстро подошел к печатающему устройству и стал читать цифры, выбираемые на бумажной ленте. Он улыбнулся.

– Ваша приятельница как будто сердится. Она подошла и поглядела через его плечо.

– Это не имеет смысла!

– Вот именно.

Треск оборвался так же неожиданно, как и начался.

– Что вы сделали? – спросила девушка. Она в недоумении просмотрела цифры. – Это не имеет никакого смысла.

Флеминг насмешливо улыбнулся.

— Конечно. Она немного запуталась. Я думаю, что у нее психическое расстройство.

— Что вы сделали с машиной? — Она шагнула к стержням, но он задержал ее.

— Стойте тут.

Она заколебалась, оставаясь в нерешительности.

— Что вы сделали?

— Только ввел кое-какую информацию. Оглянувшись, девушка увидела блокнот на клавишиах входного телетайпа. Она медленно подошла к нему и прочла написанное.

— Это мое кодовое обозначение — обращенное!

— С отрицательным знаком, — подтвердил Флеминг.

— Машина думает, что я умерла!

— Как раз этого я и добивался! Андromеда в замешательстве посмотрела на него.

— Почему?

— Я дал ей понять, что она не может делать все по-своему.

— Но это было очень неумно.

— Кажется, она вас высоко ценит, — насмешливо сказал Флеминг.

Она повернулась к стержням.

— Я должна сказать машине, что я жива. Он схватил ее за плечи.

— Нет!

— Я должна. Она думает, что я умерла, и я должна сказать, что это не так.

— А я скажу, что так. Я могу играть в эту игру до тех пор, пока машина совсем не запутается.

Он отпустил одно плечо девушки и взял с клавиатуры блокнот.

— Отдайте мне! — Андromеда вырвалась. — Вы ведь все равно не сможете победить! — Она снова повернулась к стержням и, когда Флеминг сделал движение, чтобы ее остановить, вдруг закричала: — Оставьте меня одну! Уходите! Выйдите отсюда!

Они стояли лицом к лицу, дрожа, не в силах сдвинуться с места. Вдруг Флеминг крепко обхватил ее обеими руками и привлек к себе. Удивленно втянул воздух.

- Вы надушились?!
- Отпустите меня! Я позову охрану!
- Флеминг рассмеялся.
- В таком случае раскройте рот!

Она разжала губы, и он ее крепко поцеловал. Затем, не отпуская, чуть-чуть отодвинул и внимательно посмотрел ей в глаза.

- Приятно или противно?
- Пожалуйста, оставьте меня одну. – В ее голосе звучала неуверенность. Она растерянно взглянула на него и опустила глаза, но Флеминг продолжал ее держать.
- Кому же вы принадлежите?
- Я принадлежу тому, на кого указывает мой мозг.
- Тогда сообщите ему вот это... – Он снова поцеловал ее чувственным, но, в сущности, бесстрастным поцелуем.

– Не надо, – умоляюще сказала она и отвернулась. Прижав ее к себе, он ласково заговорил:

– Разве вам не нравится прикосновение губ? Вкус пищи, аромат и сладость свежего воздуха, холмы, там за проволокой, и солнце, и тени на них? Не нравится пение жаворонка? И общество человеческих существ?

Она медленно покачала головой.

- Они не имеют значения.
- Не имеют? – Он говорил, и его губы почти касались ее. – Этого не принял во внимание какой-то бесплотный разум там, наверху, разум, которому вы подчиняетесь, но для органической жизни это важно, вы еще поймете.

- Все можно учесть.
- Но этого же не было в расчетах!
- Не было, так можно ввести. – Она снова посмотрела на него. – Вы не сможете победить нас, доктор Флеминг. Прекратите эти попытки, пока они не принесли вам вреда.

Он отпустил ее.

– А мне собираются причинить вред?

– Да.

– Почему же вы меня предупреждаете?

– Потому что вы мне нравитесь, – ответила Андromеда, и он улыбнулся ей краешком губ.

– Вот вы и заговорили как человеческое существо.

– Тогда мне нужно остановиться. Теперь, пожалуйста, уходите.

Он упрямо не трогался с места, но ее голос звучал умоляюще, чего прежде никогда не случалось, а лицо сделалось несчастным.

– Пожалуйста... Вы хотите, чтобы я была наказана?

– Кем?

– Кем вы думаете? – Она бросила быстрый взгляд на стойки контрольных блоков машины. Флеминг был захвачен врасплох: ничего подобного ему в голову не приходило.

– Наказаны? Вот новость! – Он сунул блокнот в карман и пошел к двери. На пороге он обернулся, чтобы нанести последний удар.

– Так кому же вы все-таки принадлежите?

Она следила, как Флеминг уходил. Затем, сделав над собой усилие, повернулась к индикаторной панели и медленно, словно против воли, пошла к ней. Она подняла руки, чтобы прикоснуться к стержням, но заколебалась. Ее лицо исказилось от напряжения, но она снова подняла их и дотронулась до пластин. В первое мгновение ничего не произошло и только огоньки замигали быстрее, пока машина усваивала информацию, которую давала ей девушка. Затем стрелка вольтметра над панелью неожиданно подскочила.

Андromеда вскрикнула от боли и попыталась оторвать руки от пластин, но напряжение цепко держало их. Тонкая стрелка прибора опустилась, но лишь затем, чтобы опять вззвиться, и девушка снова вскрикнула... И в третий раз, и в четвертый, и еще, и еще...

Обнаружила ее опять Джуди. Она вошла в комнату через несколько минут, разыскивая Флеминга, и к ужасу своему увидала, что девушка, скорчившись, лежит на полу, на том же месте, где когда-то лежала Кристин.

— Нет! — судорожно вырвалось у Джуди, и, бросившись вперед, она повернула тело на спину. Андромеда была жива. Когда Джуди дотронулась до нее, она застонала и отодвинулась, съевшившись и осторожно сложив ладони вместе. Джуди тихонько положила к себе на колени ее светловолосую голову и бережно развела руки девушки. Ладони покернели от ожога, а кое-где красная плоть была прожжена до самых костей.

Джуди нежно опустила ее руки.

— Как это случилось?

Андромеда снова застонала и открыла глаза.

— Ваши руки, — пояснила Джуди.

— Их можно легко восстановить, — голос девушки был еле слышен.

— Что случилось?

— Некоторые неполадки, только и всего. Джуди оставила ее и пошла звонить доктору Хантеру.

С этой минуты события развивались почти с катастрофической скоростью. Хантер наложил на руки Андромеды временные повязки и уговаривал ее пойти в местный лазарет, но та отказывалась отойти от машины, не повидавшись с Мадлен Дауни.

— Так будет быстрее, — заявила она. Несмотря на последствия шока, девушка внимательно просматривала материалы, принесенные Дауни, пока не нашла требуемый раздел. Хантер сделал ей местный наркоз, чтобы успокоить боль в обожженных руках. И наркоз, и повязки очень затрудняли ей движения, однако она все же вытащила нужные свитки лент и пододвинула их к Дауни. Этот материал относился к той части формулы ДНК, которая была ответственна за производство ферментов.

– Что с ними делать? – Дауни с сомнением глядела на рулоны.

– Найдите формулу живой ткани, – сказала Андромеда и отнесла бумаги к машине. Она совсем ослабела, была бледной и еле-еле могла передвигаться. Дауни, Хантер и Джуди с тревогой наблюдали, как она снова встала между стержнями и протянула к ним свои забинтованные руки. Однако на этот раз никакого несчастья не произошло, и вскоре машина начала печатать.

– Это формула фермента. Вы легко можете изготовить его.

– С этими словами она показала Дауни на вышедшую из печатающего устройства бумажную полосу и затем повернулась к Хантеру. – А теперь мне хотелось бы лечь. Когда профессор Дауни приготовит фермент, его нужно приложить к моим рукам на любой лекарственной основе, но сделать это следует как можно скорее.

Андромеда проболела несколько дней, а, когда Дауни изготовила фермент, Хантер стал делать ей перевязки с мазью, содержавшей его. Заживляющее действие было фантастическим: буквально за несколько часов новая ткань – мягкая, естественная плоть, а не грубая ткань шрамов – заполнила раны и образовала на ладонях девушки свежий слой бледно-розовой кожи. К тому времени, когда Андромеда оправилась от последствий электрического шока, ее руки словно были созданы заново.

Между тем Хантер доложил обо всем Джирсу, и тот потребовал к себе Флеминга. Директор, все еще не уверенный в исходе происшествия, сидел, поджав губы, снедаемый беспокойством, – короткая весна его благорасположения прошла.

– Значит, это вы решили вывести ее из равновесия? – бросил он Флемингу через свой необъятный стол и тяжело опустил кулак на полированное дерево. – Вы ни с кем не проконсультировались – вы слишком умны для этого! Так умны, что машина разлаживается и, будь она проклята, чуть не убивает девушку!

– Если вы даже не хотите выслушать, что произошло... – Флеминг повысил голос, но Джирс перебил его:

– Мне известно, что произошло!

— А вы там были? Она знала, что ее накажут. Она должна была прогнать меня, она должна была стереть то, что я ввел в машину, но она этого не сделала — замешкалась. Она не решалась, она предупредила меня, дала мне уйти, а потом прикоснулась к коммуникационным стержням...

— А я думал, что вас там уже не было, — напомнил ему Джирс.

— Конечно! Я говорю вам о том, что неизбежно должно было случиться: она дала знать машине, что жива и что предыдущая информация, полученная от кого-то находящегося поблизости, была ложной и она, Андромеда, не остановила его. И тогда машина наказала девушку, дав ей серию ударов высоким напряжением. Она теперь знает, как это делается, — научилась на примере Кристин.

Директор слушал с плохо скрытым нетерпением.

— Это только ваши догадки, — сказал он, когда Флеминг кончил.

— Это не догадки, Джирс. Так должно было произойти, только я вовремя не сообразил.

— Пропуск у вас с собой? — Поблескивая очками, Джирс смотрел на Флеминга. — Пропуск в здание счетной машины?

Флеминг презрительно фыркнул и принялся рыться в кармане.

— На этом вам меня не поймать. Он в полном порядке.

Флеминг протянул пропуск через стол. Джирс взял его, внимательно изучил и медленно разорвал.

— И это чему-нибудь поможет?

— Мы не можем терпеть вас, Флеминг. Ни минуты более.

Теперь уже Флеминг стукнул кулаком по столу.

— Я остаюсь в Центре!

— Оставайтесь где вам угодно, но с машиной вы больше делать не будете. Весьма сожалею.

Избавившись от Флеминга, Джирс почувствовал себя лучше. Ему стало еще лучше, когда он услышал о выздоровлении Андромеды. Он узнал от Дауни и Хантера то, что касалось фер-

мента, и потом доложил обо всем по телефону в Уайтхолл. Его доклад произвел то впечатление, на которое он и рассчитывал. Он вызвал Андромеду, расспросил ее и, казалось, остался вполне доволен.

Случись этакое год или два назад, Флеминг запил бы, но теперь даже алкоголь его не привлекал. То же, что удерживало его около счетной машины, теперь приковало его к городку. Хотя Флеминг уже не мог участвовать в работах, он остался в Центре. В полном одиночестве, не зная, что предпринять, он проводил время, совершая дальние прогулки или валяясь на постели. Была середина зимы, но погода стояла тихая и пасмурная, как будто природа застыла в ожидании чего-то драматического.

Примерно через неделю после несчастного случая – Флеминг мысленно называл его наказанием – он возвращался с прогулки по окрестным вересковым холмам, когда увидел огромный, сверх всякой меры ослепительный автомобиль, стоявший перед зданием, где находилась резиденция Джирса. Когда Флеминг проходил мимо, из автомобиля вылез приземистый толстяк с лысой головой.

– Доктор Флеминг! – Лысый человечек поднял руку, чтобы остановить Флеминга одновременно в знак приветствия.

– Что вы здесь делаете?

– Надеюсь, не возражаете? – сказал Кауфман.

Флеминг посмотрел по сторонам.

– Убирайтесь! – резко бросил он.

– О, герр доктор, не беспокойтесь, – улыбнулся Кауфман. – Я здесь совсем официально. Как стеклышко. Я не брошу на вас тени.

– Может быть, вы и на Бриджера не бросили тени? – И Флеминг резким кивком головы показал на главные ворота. – Вон выход!

Кауфман снова улыбнулся и вытащил свои сигары.

– Курите?

– Слегка, – ответил Флеминг, – с краешку. Ваш товар меня не интересует. Постучите в следующую дверь.

— Так я и делаю. — Кауфман засмеялся и зажал сигару в зубах. — Я делаю как раз так. Я задержал вас, герр доктор, чтобы сказать, что больше не буду беспокоить вас. У меня есть другие способы, они намного лучше, намного честнее.

Он улыбнулся еще раз, закурил и уверенно вошел в вестибюль резиденции Джирса.

Флеминг бросился в здание службы безопасности, но ни Кводринга, ни Джуди не было на месте. В конце концов ему удалось поймать Джуди по телефону, но, когда она подошла к административному зданию, Кауфмана уже провожал Джирс. Оба держались дружески, и Джирс курил сигару.

— По-деловому, — говорил Кауфман. — Процесс для нас не важен. Мы не любопытны. Только результат, да?

— Мы здесь предлагаем только результаты. — На физиономии Джирса была включена улыбка номер один. Он протянул руку: — Ауф видерзен!

Джуди смотрела, как Кауфман пожал Джирсу руку и пошел к своей машине. Когда директор повернулся, чтобы войти в двери, она сказала:

— Можно мне поговорить с вами? Джирс погасил улыбку.

— Я весьма занят.

— Но это важно. Вы знаете, кто он?

— Его фамилия Кауфман.

— «Интель»!

— Совершенно верно. — Пальцы Джирса нетерпеливо нашупывали ручку двери.

— Это тот Кауфман, которому доктор Бриджер продавал... — начала Джуди, но Джирс оборвал ее:

— Дело Бриджера мне известно во всех подробностях.

Пока он говорил, Джуди услышала, как отъезжает автомобиль. Это как-то подхлестнуло ее; дело представилось ей страшноспешным, и она попыталась втолковать Джирсу его смысл:

— Это же был человек из «Интеля». Они выведывали секреты...

Джирс уже стоял на пороге.

– У меня они ничего не выведывали, – высокомерно объяснил он.

– Но... – Она без приглашения последовала за ним в кабинет и увидела, что там находится Дауни. Джуди растерялась и неловко извинилась перед ней.

– Не обращайте на меня внимания, милая, – с безразличным видом сказала Дауни и не торопясь отошла в дальний угол комнаты. Джирс уселся за свой стол и посмотрел на Джуди с видом занятого человека, которого отрывают от работы.

– Мы заключаем торговое соглашение.

– С «Интелем»?!

Она вдруг как-то разом постигла всю ужасающую нелепость происходящего, этого нагромождения безумия, которым они жили прошедшие месяцы и целые годы. Она уставилась на Джирса, не находя слов.

– Меня назначили на эту работу потому, что мы не доверяли этим людям. Доктора Бриджера затравили до смерти – и я в числе других – потому что он...

– Климат переменился.

Она взглянула в его самодовольное, чопорное лицо и окончательно вышла из себя:

– Почему-то погода всегда благоприятствует политиканам.

– Довольно! – резко сказал Джирс. Дауни тихо зашуршила в своем углу.

– А знаете, девочка права: и нам, ученым, тоже время от времени тошно становится. Мы ведь во власти законов природы. И мы не можем плутовать.

– Я тоже учений, – обиженно сказал Джирс.

– Были! – Это вырвалось прежде, чем Джуди смогла удержаться. Она ждала взрыва, но Джирс сохранил самообладание. Ледяным тоном он продолжал:

– Странно говоря, все это не ваше дело. Мировой рынок – вот что сейчас нужно правительству. Когда эта девушка, Андромеда, обожгла себе руки, она разработала схему синтеза для профессора Дауни и ее сотрудников. Вы видели ее руки?

– Я видела их обожженными.

– Сейчас на них не осталось даже следа ожогов. Ни шрамов, ничего. За одну ночь.

– Так вот что вы продаете «Интелю»?

– Через «Интель». Всем, кому это нужно. Она попыталась понять, что именно здесь не так. Наконец ей это удалось.

– А почему не через Всемирную организацию здравоохранения?

– Нас не интересует оптовая благотворительность. Нас интересует приличный торговый баланс.

– Значит, вам все равно, кому вы пожимаете руку? – спросила она с отвращением и, ощущая прилив безудержной отваги, повернулась к Дауни. – А вы тоже участвуете в этом?

Дауни ответила не сразу.

– Фермент пока еще не готов к продаже. Нам необходимо уточнить формулу. Андре – эта девушка – подготавливает данные для расчета. – Они уже давно называли ее между собой Андре.

– Так, значит, весь Центр работает на «Интель»?

– Надеюсь, что нет, – сказала Дауни так, словно она была на стороне Джуди. Но тут вмешался Джирс.

– Ну, Мадлен, этого довольно!

– Что ж, тогда я не буду отнимать у вас времени, – Джуди шагнула к двери. – Только я в этом неучаствую, так же как и доктор Флеминг.

– Позиция Флеминга нам известна, – саркастически сказал Джирс.

– А теперь вам известна и моя позиция, – заявила Джуди и хлопнула дверью.

Ей хотелось пойти прямо к Флемингу, но она боялась, что не вынесет новых оскорблений. И получилось так, что поговорить с ним зашла Дауни, когда в конце дня возвращалась из административного корпуса в здание счетной машины. Она застала Флеминга в его домике, где он смотрел по телевизору выступление премьер-министра.

— Заходите, — сказал он сухо и расчистил для нее место в ногах кровати. Она смотрела на мерцающий голубой экран и попыталась проникнуться доверием к уверенному, немолодому, интеллигентному лицу и медленной, проникновенной речи премьер-министра. Флеминг смотрел и слушал вместе с ней.

— Впервые после безмятежных лет правления королевы Виктории, — вещало бестелесное лицо, — наша страна вновь обрела бесспорное первенство в области промышленности, технологии и — что самое главное — обороны...

Дауни утратила интерес к речи.

— Извините, если я помешала...

— А вы не помешали. — Он скрчил телевизору гримасу. — Заткните глотку этому старому идиоту!

Поднявшись, он сам выключил телевизор, а затем приготовил ей коктейль.

— Визит вежливости?

— Я шла в лабораторию и увидела свет у вас в окне. Спасибо. — Она взяла у него стакан.

— Работаете сверхурочно? — спросил он. Дауни подняла стакан на уровень глаз и посмотрела поверх него на Флеминга.

— Доктор Флеминг, в прошлом я отзывалась о вас не слишком лестно...

— О, не вы одна.

— Из-за позиции, которую вы заняли.

— Но ведь я ошибался, не правда ли? Премьер-министр говорит, что так. Ошибался и изгнан. — Он сказал это скорее с горечью, чем со злобой, и налил себе немного виски.

— Я вот никак не пойму, — сказала Дауни. — Начинаю сомневаться.

Флеминг не ответил, и она добавила:

— И Джуди Адамсон тоже начинает сомневаться.

— Ну, от этого всем станет намного легче, — фыркнул он.

— Сегодня днем она устроила настоящую баталию с Джирардом. Признаюсь, это заставило меня задуматься. — Она отхлебнула коктейль и медленно проглотила, продолжая неподвижно глядеть поверх стакана, погруженная в размышления. — С одной

стороны, кажется вполне разумным, если мы используем то, что у нас есть, вернее, то, что дали нам вы.

— Не ссыпьте соль на раны.

— И все же я не знаю. В могуществе такого рода есть что-то развращающее. Вы видите, как это действует на здешних, да и на правительство. — Она кивнула в сторону телевизора. — Как будто совсем обыкновенные, вполне разумные люди вдруг оказались во власти чуждых им устремлений. Я думаю, что мы оба ощущаем это. И все же это кажется довольно безобидным.

— Так ли?

Она рассказала Флемингу о получении фермента.

— Его действие поистине благотворно. Он просто восстанавливает клетки. Он должен давать эффект всюду — от пересадки кожи до процессов старения. Это может стать крупнейшим вкладом в медицину после антибиотиков.

— Ну да, божий дар миллионам.

Когда Дауни рассказала о предложении «Интеля». Флеминг остался равнодушным.

— Куда все это заведет нас? — наконец спросила она, не ожидая ответа, но получила его.

— Всего год назад машина не имела никакой власти за пределами своего здания, но даже и тогда она нас контролировала.

— Флеминг говорил бесстрастно, словно повторял старые истины. — Сейчас от нее зависит вся страна. Что произойдет потом? Вы ведь слышали? Мы будем продолжать в том же духе, снова выйдем на первое место в мире, а кто же будет дергать за веревочки?

Флеминг показал на телевизор, совсем как до него Дауни, а потом, словно устав от этого разговора, медленно подошел к проигрывателю и включил его.

— А сумели бы вы держать ее под контролем? — Дауни настойчиво возвращалась все к той же теме.

— В последнее время — вряд ли.

— Так что же вы стали бы делать?

— Сбил бы ее с толку, насколько возможно. — Он принялся рыться в груде долгоиграющих пластинок. — Она знает это, она обзавелась этим созданием, чтобы шпионить за мной. Вот почему машина и устроила так, чтобы меня выставили. «Вы не можете победить», — сказала мне эта девица.

— Так и сказала?

Флеминг кивнул, а Дауни, нахмурившись, посмотрела на дно своего полупустого стакана.

— Не знаю. Может быть, это неизбежно. Может быть, это эволюция.

— Послушайте! — Флеминг положил пластинку и резко повернулся к Дауни. — Я могу предвидеть, что настанет время, когда мы создадим высшую форму разумной жизни, которая в конечном счете будет нашей преемницей. И, возможно, это будет неорганическая форма, вроде вот этой. Но мы создадим ее сами, для собственного блага, то есть для блага в том смысле, как мы его понимаем. В этой машине не запрограммировано условие нашего блага, или, если такое условие и было, с ним что-то не задалось.

Дауни допила коктейль. Да, то, что он говорил, звучало правдоподобно, более чем правдоподобно: здесь был какой-то здравый смысл, которого ей в последнее время так не хватало. Она была ученым-экспериментатором и сразу же почувствовала, что должен существовать какой-то способ проверки его выводов.

— Может кто-нибудь разобраться в этом, кроме вас? — спросила она.

Флеминг покачал головой.

— Из всех этих — никто.

— А я?

— Вы?

— Я же имею доступ к машине. Флеминг немедленно утратил интерес к пластинке. Его лицо осветилось, будто слова Дауни замкнули в нем какие-то контакты.

— Почему бы и нет? Мы можем попробовать один экспериментик. — Он взял со стола блокнот с записанным в нем обра-

щенным кодовым наименованием. – Кто-нибудь там сможет ввести это в машину?

– Андре?

– Нет. Только не она. Что бы вы ни делали, ей не доверяйте.

Дауни вспомнила об операторе. Она взяла блокнот, и Флэминг показал ей раздел, который нужно было ввести.

– Ну, в этом я, признаюсь, ничего не понимаю, – сказала она. Затем поставила стакан и ушла.

Пока она шла по территории, из домика Флэминга до нее доносились начало какого-то пост-Шенбергианского произведения. Затем она оказалась в здании счетной машины и уже ничего не слышала, кроме гудения аппаратуры. В помещении пульта управления находились Андре и молодой оператор. Со времени происшествия с руками Андре еще более замкнулась. Она блуждала по зданию как бледная тень, и редко покидала его, ни с кем не разговаривала и держалась хоть и не враждебно, но отчужденно. На вошедшую Дауни она взглянула с легким интересом.

– Ну, как идут дела? – спросила та.

– Мы ввели все данные, – сказала Андре. – Скоро вы должны получить формулу.

Дауни отошла и встала рядом с оператором, сидевшим у входного устройства. Это был молодой человек, новоиспеченный выпускник университета, который делал все, что ему говорили, не задавая никаких вопросов.

– Введите и это тоже, хорошо? – Дауни передала ему блокнот. Он укрепил его над клавиатурой и начал печатать.

– Что это? – спросила Андре, услышав стук телетайпа.

– Мне нужно кое-что посчитать, – Дауни не давала ей приблизиться, как вдруг лампочки на индикаторной панели принялись неистово мигать.

– Что вы ввели в нее? – Андре схватила блокнот и прочла то, что в нем было. – Где вы это взяли?

– Это мое дело, – ответила Дауни.

– Зачем вы вмешиваетесь?

– Вам, пожалуй, лучше будет уйти, – сказала Дауни оператору. Тот поднялся и покорно побрел к выходу. Андре дождалась его ухода.

– Я не хочу вам зла, – сказала она тогда, и в ее голосе Дауни почудился не гнев, а какая-то огромная сила. – Зачем вы вмешиваетесь?

– Как вы смеете так разговаривать со мной? – Дауни понимала, что ее слова звучат слабо и смешно, но ничего изменить не могла. – Я создала вас... я сделала вас!

– Вы – сделали меня? – Андре с презрением взглянула на нее, затем подошла к дикторной панели и положила руки на стержни. Сигнальные лампочки немедленно повели себя спокойнее, но продолжали мигать в время, пока девушка стояла там, сильная уверенная в себе, как юное божество. Мину спустя она отошла и остановилась, глядя на Дауни. – Мы устали от этих... этих шуточек, – сказала она спокойно, словно передавая поручение. – Ни вам, ни доктору Флемингу ни еще кому-нибудь не удастся встать между нами.

– Если вы пытаетесь запугать меня...

– Я не знаю, какие последствия может иметь ваш поступок, и не могу за это отвечать. – Казалось, Андромеда смотрела сквозь Дауни. С шумом заработало выходное устройство, и Дауни вздрогнула. Следом за Андре она направилась к нему, а, когда подошла, все уже было напечатано. Андре внимательно просмотрела бумажную ленту, а затем оторвала ее и отдала Дауни.

– Ваша формула фермента.

– И все? – Дауни почувствовала облегчение.

– Вам этого недостаточно? – спросила Андре и проводила ее неподвижным, враждебным взглядом.

С Дауни работало три ассистента: старший научный сотрудник и двое аспирантов, юноша и девушка. Они и принялись вместе за осуществление химического синтеза на основе новой формулы. Приходилось много возиться в лаборатории, работать руками, но никто из них не тревожился, так как никакого вредного воздействия на кожу это не оказывало. Но дня через два

все они почувствовали признаки утомления и нарастающую слабость. Не обращая на это внимания, они продолжали работать, пока к вечеру третьего дня девушка не слегла, а на следующее утро то же произошло с Дауни и старшим научным сотрудником.

Хантер отправил их в лазарет, где вскоре к ним присоединился и молодой человек. Неизвестная болезнь быстро прогрессировала; она не сопровождалась ни жаром, ни воспалением – просто жизнь угасала. Клетки умирали, жизненные процессы замедлялись или останавливались вовсе, и один за другим эти четверо, ослабев, впали в беспамятство. Хантер был в отчаянии и обратился к Джирсу, который окружил все случившееся стеной молчания.

Флеминг узнал подробности только на четвертый день, когда Джуди, нарушив правила секретности, все ему рассказала. Он немедленно позвонил Рейнхарту, попросив его приехать из Болдершоу, и уговорил Джуди разыскать для него у Дауни документацию эксперимента. Когда она принесла ему требуемое, он на всю ночь заперся в своей комнате, а утром вышел мрачный, но довольный. К этому времени ассистентка была уже мертва.

ГЛАВА XI

Ей только что закрыли лицо, когда в лазарете появился Флеминг. Остальные трое лежали в постелях молча и неподвижно, их осунувшиеся лица были белее подушек. Жизнь Дауни удавалось поддерживать только с помощью постоянных переливаний крови. Она лежала мраморно-застывшая и напоминала изображение древнего воина на надгробии.

Флеминг стоял и смотрел на нее, пока к нему не подошел Хантер.

— Что вам нужно? — Хантер был совсем измучен и издерган. Он даже и не пытался сохранять вежливый тон.

— Это по моей вине, — произнес Флеминг, глядя на бледное лицо на подушке.

Хантер криво усмехнулся.

— Смирение — новая для вас черта!

— Ну ладно, пусть так! — Флеминг резко повернулся к нему и выхватил из кармана скатые скрепкой бумаги. — Но я пришел, чтобы отдать вам это!

Хантер с подозрительным видом взял бумаги.

— Что это?

— Формула фермента.

— Как вы ее заполучили, черт побери?!

Флеминг вздохнул.

— Незаконным путем. Так же как мне приходится делать все.

— С вашего разрешения, я оставлю ее у себя, — сказал Хантер и опять поглядел в бумаги. — А почему она перечеркнута?

— Потому что неверна. — Флеминг откинулся верхний лист, чтобы показать лежащий под ним. — Вот правильная формула. Постарайтесь изготовить фермент как можно быстрее.

— Правильная формула? — Хантер слегка растерялся.

– Машина дала Дауни противоположное тому, что ей было нужно. Так сказать, заменила плюс на минус, чтобы отплатить Дауни за одну небольшую игру, на которую я ее подбил.

– Какую игру?

– Вместо фермента машина дала антифермент. Вместо восстановителя клеток – их разрушитель. По-видимому, он проникает в организм через кожу; клетки были поражены во время работы. – Он приподнял одну из рук Дауни, бессильно лежащих на простыне. – Вы ничего не сможете сделать, если не сумеете вовремя приготовить нужный фермент. Вот почему я и принес вам исправленную формулу.

– Вы действительно считаете?.. – Хантер скептически посмотрел на пачку бумаг, и Флеминг, оторвав взгляд от руки Дауни, которую он все еще не отпускал, неприязненно посмотрел на него.

– Неужели вы не хотите создать себе репутацию?

– Я хочу спасти жизнь больных, – сказал Хантер.

– Тогда возьмите правильную формулу. Этот фермент должен действовать как противоядие. И если это так, то он может вызвать обратный процесс. Во всяком случае, вы можете попробовать, а если нет... – Он пожал плечами и опустил исхудалую руку на простыню. – Эта машина будет делать любую грязную работу, пока ее это устраивает.

Хантер насмешливо фыркнул.

– Если машина так чертовски умна, как же она могла сделать ошибку, о которой вы говорите?

– Это была не ошибка. Она просчиталась только в одном, поразив не того человека, вернее, людей. Она старалась уничтожить меня, и ее абсолютно не беспокоило, сколько людей придется списать по ходу дела. Только одно из ваших торговых соглашений с «Интелем», и пришлось бы списать полмира!

Флеминг ушел, а Хантер остался рассматривать формулу: он понял, что обязан ее испробовать.

К вечеру умер старший сотрудник, но новый фермент был приготовлен и введен двоим еще оставшимся в живых. Сначала

это не дало никакого эффекта, но к ночи стало ясно, что состояние больных больше не ухудшается. Джуди заглянула в лазарет после ужина, а затем отправилась к главным воротам, чтобы встретить Рейнхарта, который должен был приехать с последним поездом. Проходя мимо здания счетной машины, она вдруг решила зайти туда, повинуясь неожиданному порыву. Андре в полном одиночестве сидела за пультом, неподвижно глядя прямо перед собой. Ненависть, зревшая месяцами, разочарование, накопившееся за годы, вдруг заклокотали в сердце Джуди.

— Еще один умер, — жестко сказала она. Андре пожала плечами, и Джуди ощущала непреодолимое желание ударить ее. — Профессор Дауни еще борется за жизнь. И мальчик.

— Тогда у них есть шанс, — ровным голосом сказала девушка.

— Благодаря доктору Флемингу. Не вам.

— Это меня не касается.

— Вы дали профессору Дауни эту формулу.

— Ее дала машина.

— Вы дали ее вместе! Андре снова пожала плечами.

— У доктора Флеминга есть противоядие. Он умен, он может спасти их.

— А вам все равно? — Горячие, сухие глаза Джуди с ненавистью смотрели на девушку.

— Почему мне должно быть не все равно?

— Я вас ненавижу! — Джуди почувствовала, что в горле у нее пересохло и ей трудно говорить. Ей захотелось одного: схватить что-нибудь увесистое и проломить этой девушке голову. Но тут зазвонил телефон, и пришлось идти к главным воротам встречать Рейнхарта.

Джуди давно ушла, а девушка все еще сидела совершенно неподвижно и не отрываясь смотрела на индикаторную панель. И слезы — настоящие человеческие слезы — медленно катились по ее щекам.

Джуди проводила Рейнхарта прямо в домик Флеминга, и они рассказали ему о последних событиях.

— А Мадлен? — спросил стариk. Вид у него был усталый и растерянный.

— Все еще жива, слава богу, — ответил Флеминг. — Может быть, нам удастся спасти их.

Рейнхарт как будто успокоился и даже чуть ободрился. Они взяли у него пальто, усадили его у электрического камина и налили виски. Джуди показалось, что он очень постарел и стал немного жалким. Теперь он именовался сэр Эрнест, и было похоже, что церемония возведения в дворянство окончательно состарила его. Джуди представляла, какими далекими кажутся ему дни их дружбы с Дауни, и чувствовала, что эта жизнь дорога ему так, как будто она неразрывно связана с его собственной. Он взял стакан и сказал, чтобы не молчать:

— Джирсу вы еще не говорили?

— Ну, а что бы здесь сделал Джирс? — спросил Флеминг. — Только пожалел бы, что это случилось не со мной. Он вышвырнул бы меня с территории, даже из страны, если б мог. Я твердил бог знает сколько времени, что машина опасна, но ведь им как раз это и нравится! Какие еще нужны доказательства, для того чтобы хоть кого-нибудь в этом убедить?

— Мне больше доказывать не нужно, Джон, — устало произнес Рейнхарт.

— Что ж, это уже кое-что.

— И мне тоже, — сказала Джуди.

— О, чудесно, чудесно. Теперь нас трое против всей оравы.

— Что, по-вашему, могу сделать я? — спросил Рейнхарт.

— Не знаю. Вы возглавляли добрую половину отечественной науки на протяжении едва ли не поколения, причем лучшую ее половину. Вас наверняка кто-нибудь послушает.

— Может быть, Осборн?

— Если только не побоится запачкать свои манжеты. — Флеминг на миг задумался. — А не мог бы он снова устроить мне доступ к машине?

— Подумайте сами, Джон. Он же подчинен правительству.

— А не могли бы вы затащить его сюда?

– Попробую. А что вы задумали?

– Эту графу можно будет заполнить позже, – сказал Флеминг.

Рейнхарт вытащил из кармана расписание движения поездов и самолетов.

– Если я поеду в Лондон завтра...

– А сегодня ночью вы не можете?

– Сэр Эрнест устал, – сказала Джуди. Рейнхарт улыбнулся ей.

– Можете приберечь «сэра Эрнеста» для официальных приемов. Я полечу ночных рейсом.

– Разве нельзя подождать несколько часов? – спросила Джуди.

– Я уже не молод, мисс Адамсон, но и не такой уж дряхлый старик. – Он поднялся на ноги. – Передайте Мадлен мой самый теплый привет, если она...

– Разумеется, – сказал Флеминг, подавая старику пальто. Рейнхарт направился к двери, застегивая на ходу пуговицы, но вдруг сказал, словно только что вспомнил:

– Кстати, передача прекратилась. Джуди посмотрела на него, а потом на Флеминга.

– Передача?

– Оттуда, сверху. – Рейнхарт указал небо. – Она перестала повторяться уже несколько недель назад. Может быть, мы никогда не примем ее снова.

– Мы, должно быть, захватили самый хвостик длинной передачи, – тихо сказал Флеминг, взвешивая в уме значение прошедшего. – Если бы не случайность в Болдершоу, мы могли бы и не услышать ее и ничего не случилось бы.

– И у меня промелькнула та же мысль, – сказал Рейнхарт, еще раз устало улыбнулся им и вышел.

Флеминг стал бесцельно расхаживать по комнате, размышляя над их разговором, а Джуди ждала. Они услышали, как зазвенел мотор, как отъехала машина Рейнхарта. Тогда Флеминг, остановившись рядом с Джуди, обнял ее за плечи.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — сказала она ему. — Пускай меня судит трибунал, если уж им так хочется.

— Ладно, ладно. — Он отнял руку.

— Ты можешь доверять мне, Джон.

Он посмотрел ей в глаза, и она ему ответила взглядом, в котором можно было прочесть: «Верь мне».

— Ну, хорошо... — Он, казалось, поверил. — Вот что: утром попытайся дозвониться в Лондон. Попробуй застать Осборна, когда наш профессор будет у него, и скажи, чтобы он привез еще одного посетителя.

— Кого?

— Мне все равно кого. Начальника департамента геральдики, президента Королевской академии, какую-нибудь субстанцию из министерства в крахмальной рубашке. Да и не телеса, а только одежду.

— Рубашку без субстанции?

Он усмехнулся.

— Шляпа, портфель и зонтик — этого будет достаточно. Да, еще пальто. Заодно раздобудь для него лишний пропуск. Хорошо?

— Попробую.

— Умница.

Он снова обнял ее и поцеловал. Она притихла от счастья, а потом, отклонившись, спросила:

— А что ты собираешься делать?

— Пока не знаю. — И, еще раз поцеловав Джуди, отстранил ее. — Знаешь, я хочу улечься: сегодня был чертовский день. Ты бы лучше ушла, а? Мне надо немного поспать.

Он опять усмехнулся; скав его руку, она вышла легкой походкой, напевая про себя.

Флеминг рассеянно разделся, строя планы и фантазируя. Он упал на постель и заснул почти тотчас, едва выключил свет.

Ничто не нарушало покоя городка. Ночь была темная. С северо-востока наползали тучи, неся с собой поток холодного воздуха и обещая снегопад. Они заволокли полную луну. Но

она порой пробивалась сквозь них, и при свете ее из окна в задней стене здания счетной машины выскользнула стройная фигура и стала осторожно прокрадываться между строениями. Ни один из часовых не видел ее, и, уж конечно, никто не опознал бы в ней Андре. Она пробиралась между жилыми домиками к домику Флеминга; ее лицо застыло в напряжении, а рука сжимала моток изолированного провода. В комнату Флеминга пробивался слабый свет, так как перед сном он отодвинул занавеску. Спящий не пошевелился, когда тихо-тихо приоткрылась дверь и в нее медленно проскользнула Андре. Она была босая и ступала с величайшей осторожностью; на ее руках были толстые резиновые перчатки. Убедившись, что Флеминг спит, она опустилась на колени у стены рядом с его кроватью и вставила концы провода в розетку на плинтусе. Другой конец провода она держала перед собой так, что торчали оголенные, находящиеся под напряжением концы. Вот она поднялась и медленно двинулась к Флемингу. Шансы на то, что он останется в живых, попав под полное напряжение сети, были невелики: он спал, и она могла прижимать провод к его телу до тех пор, пока не остановится сердце.

Она стала неслышно подносить обнаженные концы к его глазам. Казалось, ему не от чего было просыпаться, и все-таки он проснулся. Он увидел только склонившийся над ним темный силуэт, инстинктивно согнул ногу и изо всех сил ударил ею через простыню и одеяло.

Он угодил Андре в солнечное сплетение, и она со сдавленным криком отлетела на другой конец комнаты. Флеминг нашупал выключатель и зажег лампочку у кровати. На мгновение свет ослепил его. Он сел на постели, задыхаясь и ничего не соображая, а девушка с прудом встала на колени, все еще держа провод. Только тут Флеминг сообразил, что произошло, спрыгнул с кровати, выдернул шнур из розетки и повернулся к Андре. К этому времени она уже поднялась и бросилась к двери.

— Нет, не уйдешь! — Флеминг загородил ей дорогу. Андре отступила и, держа руки за спиной, попятилась к столу, на котором были остатки ужина. На мгновение казалось, что она соби-

рается сдаться, но тут внезапно она замахнулась на него правой рукой – в ней был зажат нож для хлеба.

– Стерва! – Он схватил ее за кисть руки, вырвал нож и повалил Андромеду на пол.

Лежа на полу, девушка ловила ртом воздух, корчилась от боли и, сжимая вывихнутую руку, смотрела на него не столько со злобой, сколько с отчаянием. Ни на секунду не спуская с нее глаз, Флеминг наклонился и подобрал нож.

– Хорошо, убейте меня. – Теперь в ее лице и голосе ему почудился страх. – Вам это не принесет никакой пользы.

– Не принесет? – Его голос дрожал; он тяжело дышал.

– Это несколько задержит дело, и только. – Она не отрываясь следила за тем, как он открыл ящик стола и бросил в него нож. По-видимому, это ее ободрило, и она села.

– Почему вы хотите убрать меня? – спросил Флеминг.

– Это было необходимо сделать. Я предупреждала вас.

– Премного обязан. – Он зашелепал по комнате, застегивая пижаму, засовывая ноги в комнатные туфли и постепенно успокаиваясь.

– Все, что вы делаете, можно предвидеть. – Она уже вновь овладела собой. – До чего бы вы ни додумались, все можно предупредить.

– И что же у вас теперь на очереди?

– Если вы уйдете, сейчас же уйдете и не будете мешать...

Он перебил ее:

– Встаньте!

Она взглянула на него с удивлением.

– Вставайте. – Он подождал, пока она встала на ноги, а затем указал ей на стул. – Садитесь тут.

Она опять с недоумением посмотрела на него и села. Он подошел и остановился перед ней.

– Почему вы делаете только то, чего хочет машина?

– Какие же вы все дети! – сказала она. – Вы думаете, что мы – раб и господин, машина и я. Но мы оба рабы. Мы – изготовленные вами вместилища того, что для вас непостижимо.

— А для вас? — спросил Флеминг.

— Я способна уловить разницу между нашим интеллектом и вашим. Я вижу, что наш берет верх, а ваш обречен на гибель. Вы думаете, что вы — вершина, венец всего, последнее слово? — Она умолкла и принялась массировать вывихнутую кисть.

— Я так не думаю, — сказал он. — Я повредил вам руку?

— Не очень. Вы умнее большинства, но этого недостаточно. Вы исчезнете, как динозавры. Когда-то Землей правили они.

— А вы?

Она улыбнулась — это была первая улыбка, которую он видел на ее лице.

— Я — недостающее звено.

— А если мы уничтожим вас?

— Сделают другую.

— А если мы уничтожим машину?

— Это ничего не изменит.

— А если мы уничтожим вас обеих и запись послания, всю нашу работу над ним — так, чтобы ничего не осталось? Передача окончилась. Вам это известно?

Девушка покачала головой. Теперь, когда она подтвердила худшие его опасения, Флеминга захлестнула волна страха — и в то же время он понял, что надо сделать.

— Ваши приятели там, наверху, устали говорить с нами. Вы теперь предоставлены самим себе, вы и машина. Допустим, что мы уничтожим вас обеих?

— Вам удастся лишь на некоторое время задержать приход на Землю высшего разума.

— Значит, именно это мы и должны сделать.

Она не дрогнув посмотрела на него.

— Вам не удастся.

— Можем попробовать.

Она снова покачала головой, медленно, точно с сожалением.

— Уходите. Живите той жизнью, какой вам хочется жить, пока есть возможность. Ничего другого вам не остается.

— Да — если вы... если ты не поможешь мне. — Он посмотрел ей в глаза, и она не сумела отвести взгляд, как тогда, раньше, около счетной машины. — Ты ведь не просто мыслящая машина — ты сделана по нашему образу и подобию.

— Нет!

— У тебя есть ощущения, есть чувства. Ты на три четверти человек, прикованный насильно к тому, что должно уничтожить нас. И чтобы спасти нас и освободить себя, ты должна только изменить конечное назначение машины.

Он взял ее за плечи, как будто собираясь встряхнуть, но она высвободилась.

— Почему я должна сделать это?

— Потому что ты этого хочешь, те три четверти...

Она встала и отошла.

— Три четверти моего существа — случайность. Неужели вы не понимаете, что я и так достаточно страдаю? Неужели вы не понимаете, что я буду наказана даже за то, что слушаю вас?

— Ты будешь наказана за то, что случилось сегодня ночью?

— Нет, если вы уедете. — Она нерешительно шагнула к двери, как будто ожидая, что Флеминг ее остановит, но он не шевельнулся. — Я была послана, чтобы убить вас.

Стоя в темном проеме двери, она казалась очень бледной и очень красивой, а в ее словах не было ни гнева, ни злорадства. Флеминг угрюмо взглянул на нее.

— Ну что ж, карты раскрыты, — сказал он.

Рядом с торнесской железнодорожной станцией было небольшое кафе; Джуди оставила Флеминга там, а сама отправилась встречать поезд из Абердина. Дело происходило на следующий день. Рейнхарт действовал быстро. Флеминг прошел в оставленную для них заднюю комнатку и стал ждать. Комнатка была унылая и непривлекательная; почти всю ее занимал старый деревенский стол и стулья; стены, обшитые тесом, были плохо выкрашены; на них висели выцветшие рекламы кока-колы и минеральной воды. Флеминг подкрепился глотком из карманной

фляжки. Он слышал, как снаружи стонал подымающийся ветер, а потом с юга донесся нарастающий шум поезда. Вскоре он остановился у станции. Через минуту-две раздался свисток, вскрик сирены и локомотив медленно отошел, оставив за собой тишину, из которой опять возник гул ветра и шаги на гравии перед входом в кафе.

Джуди ввела в комнату Осборна и Рейнхарта, закутанных, в зимних пальто. Осборн нес большой чемодан.

— По-моему, начинается метель, — сказал он, ставя чемодан. Вид у него был очень несчастный и растерянный. — Тут можно говорить свободно?

— Нам никто не помешает, — сказала Джуди. — Я предупредила хозяина.

— А дежурный оператор? — спросил Рейнхарт.

— Я договорилась и с ним. Он знает, что делать, и будет ради нас держать язык за зубами.

Рейнхарт повернулся к Флемингу.

— Как Мадлен Дауни?

— Выкарабкается. И мальчик тоже. Фермент действует как надо.

— Ну, слава богу! — Рейнхарт расстегнул пальто. Путешествие его не только не утомило, но, казалось, приободрило. Больше всех был удручен Осборн.

— Что вы намерены сделать со счетной машиной? — спросил он Флеминга.

— Попробую раскусить ее или...

— Или — что?

— Как раз это нам и нужно выяснить. Или машина сознательно творит зло, или в ней что-то напутано. Либо она именно так и запрограммирована, либо испорчена. Я думаю, что вернее первое. И с самого начала так считал.

— Но вам не удалось доказать этого.

— А болезнь Дауни?

— Нам нужно что-нибудь более осозаемое.

— Осборн обратится к министру, — вмешался Рейнхарт, — и к премьер-министру, если нужно. Правда?

— Если у меня будут доказательства, — сказал Осборн.

— Я дам доказательства! Вчера ночью машина снова пыталась убить меня.

— Как?

Флеминг рассказал.

— В конце концов я заставил ее сказать правду. Попробуйте сделать то же и вы, тогда сразу поверите.

— Нужно что-то более научное.

— Тогда дайте мне несколько часов поработать с машиной. — Он посмотрел на Джуди. — Ты принесла мне пропуск?

Джуди извлекла из сумочки три пропуска и вручила каждому. Флеминг прочитал свой и усмехнулся.

— Значит, я — чиновник из министерства? Ну и денек!

— Я поставил на карту свою репутацию, — уныло сказал Осборн. — Это только для обследования. Никаких прямых акций.

Флеминг перестал смеяться.

— Вы что, хотите связать мне руки за спиной?

— Но вы осознаете, на какой риск я иду? — сказал Осборн.

— Риск! Были бы вы на моем месте прошлой ночью!

— Во всяком случае, тогда я смог бы занять более определенную позицию. Вся наша страна, молодой человек, зависит сейчас от этой машины...

— Которую сделал я.

— Потенциально она значит для нас больше, чем паровой двигатель, чем атомная энергия, чем что бы то ни было.

— Тогда тем более важно... — начал Флеминг.

— Да я знаю! Не проповедуйте. Неужели вы думаете, что я был бы сейчас здесь, если бы не верил, что это важно, и если бы не ценил так высоко ваше мнение? Но есть способы и способы.

— Вы знаете лучший путь?

— Для того чтобы проверить — нет. Но это предел. Человек в моем положении...

— А что у вас за положение? — осведомился Флеминг. — Самый благородный римлянин из всех?

Осборн вздохнул.

– У вас же есть пропуск.

– Вы получили то, что просили, Джон, – сказал Рейнхарт.

Флеминг поднял чемодан и поставил его на стол. Открыв его, он вытащил темное пальто из гладкой ткани, черную фетровую шляпу, портфель и начал переодеваться. Новый костюм подходил для темной ночи, но Флемингу не шел.

– Вы больше смахиваете на воронье пугало, чем на государственного служащего, – улыбаясь, сказал Рейнхарт.

Джуди едва сдержала смех.

– Ну, вас всех не будут слишком придирчиво рассматривать, коли уж вы со мной.

– А ведь тебя за это могут расстрелять, – нежно сказал Флеминг.

– По крайней мере не раньше, чем нас разоблачат.

Особорну эти шутки были неприятны; остальные прятали за ними тревогу и волнение, но сам он испытывал слишком большое нервное напряжение, чтобы понять это.

– Давайте поскорее все закончим. – Он отогнул рукав пальто и посмотрел на часы.

– Нам нужно дождаться, когда стемнеет и уйдет дневная смена, – сказала Джуди. Флеминг порылся в карманах и вытащил фляжку

– Может быть, выпьем по одной перед налетом?

К тому времени, как они добрались до городка, пошел снег – не ласковые, беззвучные снежинки, а неистово жалящая лицо ледяная крупа, гонимая северным ветром. Двое часовых перед зданием счетной машины подняли воротники шинелей, хотя и укрывались в проеме подъезда. Сквозь белизну, переходящую в мрак, они всматривались в четыре приближающиеся фигуры.

Джуди вышла вперед и предъявила пропуска, а ее спутники ждали поодаль.

– Добрый вечер. Это группа из министерства.

– Прошу, мисс. – Один из караульных с капральской нашивкой на рукаве шинели взял под козырек и просмотрел пропуска.

– Порядок! – сказал он, отдавая их Джуди.
– Есть там кто-нибудь? – спросила она.
– Только дежурный оператор.
– Мы всего на несколько минут, – сказал Рейнхарт, проходя вперед.

Часовые, открыв дверь, посторонились; Джуди с Рейнхартом и Осборном, между которыми шел Флеминг, проникли в здание.

– А девушка? – спросил Рейнхарт, когда они были уже в коридоре.

– Сегодня вечером она сюда не придет, – ответила Джуди. – Мы об этом позабочились.

Коридор был длинный, с двумя поворотами под прямым углом, и двери в машинный зал находились в самом его конце, так что от главного входа их не было видно и никакие звуки туда не долетали. Джуди открыла одну из дверей; они вошли и увидели, что помещение пульта управления ярко освещено, но пусто, если не считать молодого человека, который сидел за столом с книгой. Когда они вошли, молодой человек встал.

– Здравствуйте, – сказал он Джуди. – Все сошло хорошо?

Он был очень молод, этот оператор, и ситуация, очевидно, страшно ему нравилась.

– Пожалуй, лучше возьмите-ка свои пропуска. – Джуди вернула пропуска Рейнхарту и Осборну, а Флеминговский передала оператору. Флеминг снял шляпу и нахлобучил ее юноше на голову.

– Вот что носят вышестоящие!

– Не к чему устраивать представление, – сказал Осборн, беспокойно поглядывая на дверь, пока оператор надевал пальто Флеминга и брал его портфель. Даже с поднятым воротником он явно отличался от человека, который вошел в здание, но, по словам Джуди, в такую ночь трудно что-нибудь разглядеть, а в ее присутствии часовые, вероятно, удовлетворятся тем, что просто пересчитают выходящих.

Едва молодой человек кончил застегивать пальто, как Осборн отворил дверь.

— Мы рассчитываем, что вы поступите правильно, — сказал он Флемингу. — Итак, вы проводите проверочное исследование?..

Флеминг вытащил из кармана знакомый блокнот и остановился, ожидая их ухода.

— Я вернусь, — сказала Джуди. — Только проведу их мимо часовых.

Флеминг, казалось, удивился.

— Да нет, не нужно.

— Извините, — сказал Осборн, — но это одно из условий.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь...

— Не валяйте дурака, Джон, — сказал Рейнхарт, и они ушли.

Флеминг подошел к контрольным стойкам и зло впился в них глазами, чуть посмеиваясь над собой — нервы у него были натянуты как струна. Затем он уселся за клавиатуру входного устройства и стал перепечатывать цифры из принесенного блокнота. Джуди пришла, когда он уже кончал.

— Что ты делаешь? — спросила Джуди. Она тоже нервничала, хотя и почувствовала некоторое облегчение, благополучно проведя оператора мимо часовых.

— Пробую подурочить ее. — Он допечатал последнюю группу. — Для начала сойдет та же старая шуточка с кодовым наименованием.

Прошло несколько секунд, прежде чем машина начала реагировать. Но вот лампочки индикаторной панели неистово загорались. Флеминг и Джуди ждали, думая услышать треск печащающегося устройства, но вместо этого в коридоре раздался звук приближающихся шагов. Джуди окаменела, но Флеминг схватил ее за руку и втащил в темный коридор, ведущий в старое лабораторное крыло, откуда они могли осматривать зал через полуоткрытую дверь, оставаясь невидимыми. Шаги оборвались у дальнего входа в зал. Они увидели, как повернулась ручка одной из двухстворчатых дверей, затем дверь отворилась и в нее из коридора шагнула Андре.

Джуди ахнула, но ее голос был заглушен гудением машины, а пальцы Флеминга предостерегающе сжали ее руку. Им было видно, как Андре закрыла дверь и медленно пошла вперед, к стойкам контрольных блоков. По-видимому, мигание и гул поразили ее, и, не дойдя нескольких футов до индикаторной панели, она остановилась как вкопанная.

На ней была старая серая зимняя куртка с откинутым капюшоном, и в резком сиянии ламп она казалась особенно прекрасной и неумолимой. Однако на ее лице читалась тревога, а несколько мгновений спустя от нарастающего нервного напряжения задергались мышцы на висках и вокруг рта. Медленно, неохотно она шагнула к панели и снова остановилась, словно чувствуя яростное противодействие — словно понимая, что произойдет, но подчиняясь машине, как загипнотизированная.

Теперь на ее лице блестели капли пота. Она сделала еще шаг и медленно подняла руки к стержням. При всей ненависти к девушке Джуди готова была уже броситься к ней, но Флеминг не пустил ее. Они увидели, как девушка, медленно и боязливо протянув руки, коснулась контактных пластин.

Ее первый вопль прозвучал одновременно со вскриком Джуди. Флеминг зажал Джуди рот ладонью, но вопли Андре продолжали раздаваться, спадая до всхлипываний, когда стрелка вольтметра ныряла вниз, и опять взвиваясь вместе с подпрыгнувшей стрелкой.

— Ради бога! — невнятно промычала Джуди. Она попыталась вырваться, но Флеминг держал ее, пока крики Андре не прекратились: машина, может быть ощущив, что та больше не отзывается, ослабила свою хватку, и девушка соскользнула на пол. Джуди освободилась и побежала к ней, но на этот раз она не стонала и не дышала. Глаза, в которые смотрела Джуди, остыкли, клещи, челюсть отвисла.

— По-моему, она умерла, — растерянно сказала Джуди.

— А чего же ты ждала? — спросил, подходя, Флеминг. — Ты ведь видела напряжение. Машина разделась с ней, потому что

она не убрала меня, – а я еще раз сообщил о смерти Андре. Бедный дьяволенок!

Он посмотрел на скорченное тело в грязной серой куртке, и взгляд его ожесточился.

– В следующий раз она не промахнется. Она создаст что-нибудь такое, к чему мы вообще не сможем подобраться.

– Если только ты не найдешь в машине какие-то неполадки. – Джуди отвернулась и, взяв лежавший над клавиатурой входного устройства блокнот, протянула его Флемингу.

Он выхватил блокнот из ее рук и швырнул в дальний угол комнаты.

– Теперь это не нужно! Машина в полном порядке. – Он показал на неподвижную фигуру девушки. – Вот единственный ответ, который был мне нужен. Завтра машина потребует начать еще эксперимент, потом еще, еще и еще...

Он торопливо подошел к щиткам аварийной сигнализации и предохранителей, расположенным рядом с двойными дверями, взялся обеими руками за проводку и рванул. Провода поддались, но не порвались, и тогда он уперся в стену ногой и рванул что было силы.

– Что ты делаешь?

– Собираюсь покончить со всем этим. Сейчас самый подходящий момент – второго может и не представиться. – Он опять рванул провода, а затем, оставив их, потянулся к пожарному топору, висевшему над щитками на стене. Джуди бросилась к нему.

– Нет! – Она вцепилась Флемингу в руку, но он отбросил ее в сторону и, как бы продолжая движение, ударил топором по проводам и рассек их. Затем он повернулся и обвел глазами помещение. Индикаторная панель все еще усиленно мигала, и, подойдя к ней, он с маху хватил ее топором.

– Ты с ума сошел?! – снова подбежала к нему Джуди и, перехватив топорище на середине, попыталась завладеть им. Флеминг вырвал топор.

– Пусти! Не лезь, тебе говорят!

Джуди уставилась на него и едва смогла узнать: на его лице выступил пот, как тогда у Андре, и оно горело яростью и решимостью. Теперь Джуди поняла, что было у него на уме все это время.

— Ты с самого начала хотел сделать это!

— Если понадобится.

Стоя с топором в руках, он оценивающим взглядом осматривался по сторонам, а у нее в голове была только одна мысль — раньше него добежать до дверей. Но он опередил ее и заслонил двери спиной все с тем же выражением неколебимой решимости и с той же мрачной усмешкой в углах рта. Джуди вдруг поверила, что он и в самом деле сошел с ума. Она протянула руку к топору и заговорила, точно с ребенком:

— Пожалуйста, Джон, отдай мне это. — От его смеха ее бросило в дрожь. — Ты же обещал.

— Ничего я не обещал! — Крепко сжимая одной рукой рукоятку топора, другой он запер у себя за спиной дверь.

— Я буду кричать, — сказала она.

— Давай. — Он опустил ключ в карман. — Тебя никто не услышит.

Оттолкнув Джуди, он решительно зашагал в отделение запоминающего устройства, раскрыл переднюю дверцу ближайшего блока и ударил. Раздался негромкий взрыв — вакуум был нарушен.

— Джон! — Она попыталась остановить Флеминга, направившегося к следующему блоку.

— Я знаю, что делаю, — сказал он, открыв дверцу и ударяя в отверстие топором. Раздался слабый хлопок, и посыпались стеклянные брызги. — По-твоему, может когда-нибудь еще представиться такой же случай? Хочешь пойти и донести? Ну, иди, если считаешь, что я делаю не то, что надо.

Он посмотрел ей в лицо спокойным, осмысленным взглядом и опустил руку в карман за ключом.

— Ну, тащи сюда усмирительную команду, если хочешь, — ведь это твое любимое занятие. Или ты вбила себе в голову, что

я и впрямь стал бы поступать «должным образом»? Так, как хочет Осборн?! «Должным образом»!

Он протянул ей ключ, но по какой-то не поддающейся объяснению причине Джуди не смогла его взять. Флеминг пождал, а потом сунул ключ обратно в карман, повернулся и принялся за другие блоки.

— Могут услышать часовые.

Убедившись, что он не сумасшедший, Джуди почувствовала себя его сообщницей. Она стояла на страже у дверей, пока он разбивал, кромсал один за другим сложнейшие аппараты, превращая миллионы электронных ячеек в спутанные обрывки проводов и перемолотое крошево на полу, на металле стоек, за искореженными панелями электронных блоков. Джуди старалась не смотреть туда, но прислушивалась: не раздадутся ли сквозь звон осколков и скрежет металла шаги в коридоре.

Однако им никто не помешал. Снежная буря, невидимая и неслышимая в зале, погребенном в недрах здания, совсем разбушевалась, и ее рев заглушал все. Сначала Флеминг работал методически, но ему предстояло сделать так много, что, чем больше он уставал, тем быстрее работал. Под конец он неистово размахивал топором, тяжело дыша, почти ослепнув от стекающего со лба пота. Он двигался по кругу, пока не вернулся к средней части контрольного устройства и с размаху не хватил по нему.

— Получай, ублюдок! — почти кричал он. — Вот тебе, вот тебе!

Бросив топор на пол, Флеминг остановился, чтобы отдохнуться.

— Что же теперь будет? — спросила Джуди.

— Они попытаются восстановить ее, но не сумеют, потому что не будут знать как.

— Но есть же запись передачи?

— Передача кончилась.

— У них будет оригинал.

— Не будет. Никакой записи, ни оригинала, вообще ничего, потому что все это здесь. — Он указал на массивную металли-

ческую дверь в стене позади пульта управления, затем снова взмахнул топором и обрушил его на дверные петли. Удар слеповал за ударом, но сталь не поддавалась. Джуди стояла рядом, вся сжавшись, так как звон металла о металл, казалось, разносился по всему зданию, но никто ничего не услышал. Через немалое время Флеминг отступил и, задыхаясь, оперся на свой топор. Сейчас, когда смолкла машина, в зале стояла глубокая тишина; под стать ей безмолвно распласталось на полу неподвижное тело девушки.

– Нужен ключ, – сказал Флеминг. – Где он?

– В служебном кабинете майора Кводринга.

– Но это же...

Джуди подтвердила его опасения.

– Там всегда кто-нибудь есть, – сказала она, – и ключ хранится в сейфе.

– Но есть же и другой.

– Нет. Только один.

Джуди ничего не могла придумать. Насколько ей было известно, никто, даже сам Джирс, не имел дубликата. Сначала Флеминг отказывался верить ей, а потом вновь впал в неистовство. Он взмахнул топором и принялся в бешенстве рубить стальную дверь, пока совсем не обессилел. В конце концов он отступил и, тяжело опустившись в то, что некогда было креслом у пульта управления, погрузился в мрачное раздумье.

– Какого черта ты меня не предупредила? – спросил он на конец.

– Но ты не спрашивал. – Джуди всю трясло от страшного возбуждения и сознания непоправимости происшедшего; ей лишь с трудом удавалось держать себя в руках. – Ты же никогда меня не спрашивал. Ну, почему ты меня не спросил?

– Если бы я спросил, ты помешала бы мне. Она попыталась превозмочь дрожь и рассуждать спокойно:

– Мы как-нибудь достанем ключ. Я придумаю способ, может быть прямо с самого утра.

– Будет уже поздно. – Он покачал головой и уставился на лежащее тело. – «Все, что вы делаете, всегда можно предвидеть», – так она сказала. – «Все, что вы способны придумать, всегда можно предупредить». Мы не можем победить...

– Мы достанем его Через Осборна или еще как-нибудь-скажала Джуди. – Но сейчас нужно уходить отсюда.

Она разыскала куртку оператора и его шарф, помогла Флемингу одеться и вывела его из здания.

ГЛАВА XII

Когда они добрались до кафе, было уже очень поздно. У северной стены домика буран намел большой сугроб. В задней комнатке Рейнхарт и Осборн, кутаясь в пальто, расставили карманные шахматы и играли – рассеянно и плохо.

Флеминг был слишком подавлен и оглушен, чтобы доказывать свою правоту. Он предоставил объяснения Джуди, а сам сидел, ссутулившись, на жестком стуле, пока Рейнхарт задавал вопросы, а Осборн произносил тирады, полные горьких упреков.

– Как вы посмели так обмануть меня? – Осборн утратил обычную изысканность. От его дипломатической выдержки и невозмутимости не осталось и следа: он был слишком потрясен.

– Я дал согласие участвовать в этом только потому, что рассчитывал получить веские доказательства для министра. Но это положит конец его карьере, да и моей тоже!

– И моей, – вздохнул Рейнхарт. – Впрочем, пожалуй, я согласен пожертвовать ею ради уничтожения машины.

– Но ведь она не уничтожена! – возразил Осборн. – Он даже с этим не сумел справиться. Если уж уцелел оригинал передачи, машину можно построить вновь.

– Моя оплошность, – выговорил Флеминг. – Готов взять на себя вину.

Осборн презрительно фыркнул.

– Ну, это не спасет нас от тюрьмы!

– Так вот из-за чего вы волнуетесь! А вас не тревожит восстановленная машина и новое существо с такой хваткой, от которой уже больше никогда не избавиться?

– Но, может быть, еще можно что-то сделать? – спросила Джуди.

Все посмотрели на Рейнхарта. С их помощью он принял тщательно взвешивать все возможности, словно проверяя вычисления, но так и не нашел выхода. Не было ни малейшего шанса раздобыть ключ до наступления утра, а к тому времени Джирс уже узнает и все начнется сначала. Сами они были твердо убеждены в правоте Флеминга — беда заключалась в том, что он не сумел довести дело до конца.

— Остается только одно, — сказал Рейнхарт. — Осборн должен вернуться в Лондон с первым же поездом и сделать удивленный вид, когда все это станет известно.

— А куда же я, по-вашему, уезжал? — осведомился Осборн.

— Вы побывали здесь и после краткого осмотра уехали. Осальное случилось после вашего отъезда — чистая правда, между прочим. И знать об этом вы не могли.

— А «чиновник», который был со мной?

— Он уехал с вами.

— А кто же был этот «он»?

— Любой, кому вы можете доверять. Застращайте кого-нибудь или дайте взятку, лишь бы он сказал, что приезжал сюда с вами из Лондона и с вами же уехал. Вы должны обелить себя и сохранить ваше влияние. Мы все должны как-нибудь вывернуться. Джон прав: они снова построят машину, и следует сохранить хоть одного из нас, к чьим советам могли бы прислушаться.

— Ну, а кто же разбил машину? — спросил Флеминг.

Професор слегка улыбнулся.

— Девушка. Может быть, они придут к выводу, что она помешалась и воссталла против машины и либо была убита током, либо умерла от шока, из-за отчаяния, в которое наказание ввергло ее. Впрочем, пусть сами подыскивают объяснения. Как бы то ни было, она мертва и ничего не сможет отрицать.

— А вы уверены, что она действительно мертва? — спросил Осборн у Флеминга.

— Хотите осмотреть труп?

— Спросите лучше у меня, — сказала Джуди с горечью. — Я видела мертвыми их всех.

— Ладно! — Флеминг встряхнулся и обратился к Рейнхарту:

— А что делали Джуди и я?

Профессор сразу ответил:

— Вас там не было. Известно только, что после нас в здании оставались оператор и мисс Адамсон. Они ушли вместе, а все это случилось потом.

— Не выйдет, — сказал Осборн. — Будет черт-те какое расследование.

— Ничего другого нам не остается. — Рейнхарт слегка поежился. — Как ни посмотреть — дело скверное.

Они сидели в пальто вокруг стола, ожидая, чтобы кончилась ночь и прекратился снегопад.

— А движение поездов не прекратится из-за заносов? — спросил Осборн немного спустя.

Рейнхарт склонил голову набок, вслушиваясь в удары ветра по крыше.

— Вряд ли. Метель, кажется, стихает. — Он посмотрел на Флеминга. — А как вы, Джон?

— Мы с Джуди вернемся в городок на машине. Когда мы ехали сюда, дорога была вполне приличная.

— Тогда лучше отправляйтесь сейчас же, — сказал Рейнхарт.

— Сделайте вид, что просто развлекались, и сразу возвращайтесь к себе. Вы ничего и никого не видели.

— Ну и ночка для увеселительных поездок! — Флеминг устало поднялся и обвел всех взглядом. — Мне так жаль. Правда, очень жаль!

Он вел машину почти вслепую сквозь снег, и Джуди чуть ли не каждую минуту протирала ветровое стекло; впрочем, буря слабела. Флеминг высадил Джуди у ее домика и свернулся к своему. Он настолько устал, что ему не хотелось выходить из машины. Было около часа ночи, и городок замер под белым саваном. Когда Флеминг открыл дверь, то по контрасту с заснеженной землей темнота в его комнатушке показалась ему непроницаемой. Он стал шарить по стене в поисках выключателя и только нашупал его, как чья-то чужая, замотанная бинтами рука легла

на его руку. На мгновение его охватил дикий страх, но он тут же сняхнул руку и включил свет.

Перед ним стояла Андре, поддерживая одной забинтованной рукой другую. Она стонала, была смертельно бледна и измучена, но она была жива! Несколько секунд он, окаменев, смотрел на нее, а потом закрыл дверь и, подойдя к окну, задернул занавески.

— Садись и протяни руки. — Он достал из шкафа бинты и тюбик с мазью и начал нежно и осторожно разматывать грубые повязки.

— Я был уверен, что ты погибла, — сказал он, продолжая снимать бинты. — Я видел, какое было напряжение.

— Видели? — Она сидела на койке, протянув ему руки.

— Да, видел.

— Значит, это были вы...

— Я. И еще топор. — Он посмотрел в ее словно выцветшее лицо. — Если бы я только мог представить, что в тебе теплится жизнь...

— Вы бы покончили и со мной. — Она произнесла это без злобы, просто констатируя факт. Затем она на мгновение зажмурилась от боли. — У меня сердце сильнее, чем... чем у людей. Нужно сделать очень много, чтобы вывести меня из строя.

— Кто перевязал тебе руки?

— Я сама.

— Ты кому-нибудь сказала?

— Никому.

— Кто-нибудь знает, что произошло с машиной?

— Не думаю.

— Почему же ты им не сказала? — Он изумлялся все больше и больше. — Почему ты пришла сюда?

— Я не знала, что должно произойти... что произошло. Когда я пришла в себя, то сначала не могла ни о чем думать, кроме боали в руках. Потом я огляделась и увидела, что машина разбита.

— Ты могла бы позвать охрану.

— Я не знала, что делать. Меня больше никто не направлял. Без машины я совсем растерялась. Вы знаете, что она полностью выведена из строя?

— Да, знаю.

На бледном лице девушки горели глаза.

— Я думала только о том, как найти вас. И о моих руках. Я завязала их и пришла сюда. Я ничего не сказала часовым. Вас тут не оказалось, и я стала ждать. Что же будет теперь?

— Они восстановят ее.

— Нет!

— Ты не хочешь? — с удивлением спросил он. — А как же насчет «высшей цели» — насчет вашей высшей формы жизни?

Она не ответила. Когда он завязывал бинты, ее глаза опять закрылись от боли, и Флеминг увидел, что она вся дрожит.

— Ты же совсем замерзла, — сказал он, щупая ее лоб. Он стянул с постели стеганое одеяло и набросил на нее. — Закутайся получше.

— Вы думаете, они опять ее построят?

— Конечно. — Он разыскал бутылку с виски и наполнил два стакана. — А ну-ка, выпей. От меня им помочь ждать нечего, но у них есть ты.

— Они заставят меня сделать это? — Андре отпила виски и посмотрела на него горящими, тревожными глазами.

— А тебя нужно заставлять?

Она почти рассмеялась.

— Когда я увидела, что машина вся разбита, я так обрадовалась.

— Что? — спросил он, переставая пить.

— Я почувствовала себя свободной. Я почувствовала себя...

— Как Андromеда древних греков, когда Персей разбил ее оковы?

Этого она не знала. Она отдала ему свой стакан.

— Когда машина работала, я ненавидела ее!

— Ну, нет. Это ты ненавидела нас. Она покачала головой.

— Я ненавидела машину и все, что имело к ней отношение.

– Так почему же ты?..

– Почему люди ведут себя так, а не иначе? Потому что они действуют по принуждению! Потому что связаны тем, что считают логической необходимостью, – привязаны к своей работе, или своим семьям, или своей стране. Вы думаете, эти связи определяются чувствами? Логика, которую не можешь опровергнуть, – вот крепчайшая связующая сила. Я знаю это! – Ее голос дрогнул и стал неуверенным. – Я делала то, что должна была делать, а теперь логика исчезла и я не знаю, что теперь... Я не знаю.

Флеминг сел рядом с ней.

– Ты могла бы сказать об этом прежде.

– Я сказала сейчас. – Она заглянула в его глаза. – Я пришла к вам.

– Слишком поздно. – Флеминг посмотрел вниз – на вату и бинты на ее руках, думая о следах, которые оставила в ее сознании воля машины. – Ничто на свете не помешает им восстановить ее, – повторил он.

– Но для этого нужна кодированная схема машины.

– Она все еще существует.

– Неужели вы?..

Если у него и оставались какие-нибудь сомнения в ее искренности, ужас в ее голосе и глазах сразу рассеял их.

– Я не смог взломать сейф, а единственный ключ у Кводринга.

Она пошарила в кармане своей куртки.

– У меня тоже есть ключ.

– Но мне сказали, что другого нет! Девушка вынула ключ, вздрагивая от боли, когда бинты задевали за клапан кармана.

– У меня был второй, но этого здесь никто не знал. – Она отдала ему ключ. – Вы можете пойти и докончить дело.

Это было так просто – и так невозможно. Вещь, в которой он нуждался больше всего, была у него в руках, но проникнуть в здание, чтобы воспользоваться ею, он не мог.

– Пойти придется тебе, – сказал он. Она сжалась в комочек под одеялом, но Флеминг отбросил его и взял девушку за плечи.

– Если ты действительно ненавидишь машину, если действительно хочешь стать свободной, то нужно просто пойти туда, отпереть сейф в стене и взять запись передачи – она на магнитной ленте, – бумаги с моими расчетами и перфокарты с программой. Затем поджечь и, Когда они хорошенъко разгорятся, бросить в огонь магнитные катушки. Этого будет достаточно. А потом быстро выбирайся наружу.

– Не могу.

Он встряхнул ее, и она слегка застонала от боли.

– Ты должна.

Он сгорал от возбуждения, не переставая думать – не о последствиях для себя или для нее и не об участии их всех теперь, когда оказалось, что девушка жива, но лишь об одном, главном, неотложном.

– Ты сможешь свободно пройти мимо часовых. Вот, на день, чтобы скрыть бинты. – Он достал из ящика стола пару огромных автомобильных перчаток и принялся натягивать их ей на руки.

– Не надо... нет! – Она дернулась, когда перчатки коснулись ее повязок, но он все-таки натянул их – медленно и осторожно.

– Жечь бумаги можно прямо на полу. Я дам тебе спички.

– Не посылайте меня. Пожалуйста, не посылайте меня туда.

– В ее глазах светился страх, и лицо, несмотря на выпитое виски, оставалось бледным. – Я не могу этого сделать.

– Можешь! – Флеминг сунул ей в карман спички и мягко подтолкнул к выходу. Он открыл дверь, и они увидели белую землю и черную ночь. Снег уже не падал, и ветер стих. Фонари городка всю ночь светили сквозь морозную дымку, и можно было различить очертания зданий, темных на фоне земли, с запорошенными белыми крышами. Флеминг повторил: – Ты можешь сделать это.

Андре остановилась в нерешительности, и Флеминг взял ее за локоть. Через секунду она уже шла по снегу к зданию счетной машины. Флеминг шел с ней до тех пор, пока было можно.

Когда они оказались уже почти на виду у часовых, он легонько похлопал ее по плечу.

— Желаю удачи, — сказал он и неохотно повернул обратно к своему домику.

Температура упала; стоял леденящий холод. Флеминг вдруг почувствовал, что дрожит, затворил дверь, подошел к окошку и, отдернув занавески, стал наблюдать за происходящим. До этого момента он не ощущал напряжения последних часов, но теперь оно обрушилось на него всесокрушающей волной усталости. Ему хотелось лечь и уснуть, а проснувшись, узнать, что все позади. Он попытался представить себе, что сейчас делает Андре, пытался обдумать возможные варианты того, что могло произойти, и наиболее вероятные результаты, однако его мысли упорно возвращались к событиям вечера, и он снова видел хрупкую светлую фигуру девушки, которая уходила от него по снегу.

Согреться ему тоже не удавалось. Он включил электрический камин и налил себе еще виски. Сейчас он пожалел, что так злоупотреблял им в прошлом, — теперь оно почти не действовало на него. Мысленно Флеминг принимал различные решения относительно себя и Джуди, если все окончится благополучно. Опершись на подоконник, он ждал, вслушиваясь в никем не нарушающую тишину ночи, и ему казалось, что время остановилось. Около трех часов снова пошел снег, но на этот раз выигры не было, и фонари, горевшие всю ночь в различных местах го-родка, превратились в расплывчатые пятна света за белой завесой из падающих хлопьев. Некоторое время Флеминг не мог разобрать, действительно ли фонарь у здания счетной машины окутан дымом или это были просто снежинки. Затем он услышал звон аварийного колокола и возбужденные крики часовых. Подняв воротник пальто, он открыл окно и сразу же стал и видеть и слышать яснее. Да, это был дым.

Первым его порывом было выбежать из дома, самому посмотреть, что произошло, разыскать девушку и помешать охране потушить пожар, но он сознавал свое бессилие, и ему оставалось только рассчитывать на то, что всеобщая растерянность и

темнота позволят девушке спастись, а огню разгореться. Если уж на улице так много дыма, то машинный зал, вероятно, превратился в сущий ад, где ничто не уцелеет, быть может и сама Андре. Его вдруг охватили противоречивые чувства. Ведь он хотел, чтобы она погибла, ушла прочь с дороги, но все же мысль о том, чтобы послать ее на смерть, никогда не приходила ему в голову. И в то же время он хотел, чтобы она жила, почувствовал ответственность за ее судьбу. На три четверти она была существом, понятным ему, существом, обладавшим чувствами, страхами, эмоциями. Он же сам помог им возникнуть, и вот теперь, когда связь между ней и руководившим ею интеллектом порвалась, все о ней забыли и, может быть, только он один мог спасти ее, если, конечно, она уже не умерла.

Вдруг завыла сирена общей тревоги, мрачно и зловеще, и ему показалось, что на территории разом вспыхнули и призрачно затанцевали за снежными хлопьями все городские огни. За воем сирены он расслышал звук запускаемых моторов, над зданием охраны вспыхнул прожектор и начал медленно обшаривать окрестности.

Флеминг представил себе, как по городку несется, нарастающая волна тревоги и команд: часовой звонит в здание охраны, начальник охраны – Кводрингу, дежурный по части – патрулям службы безопасности, в пожарную команду и внешнюю охрану, Кводринг звонит Джирсу, а Джирс, в пижаме, выбравшись из постели к телефону, возможно, звонит в Лондон спящему министру и командующему округом, чтобы были приняты все запланированные меры против диверсии.

Он напрягал зрение, стараясь разглядеть, что происходит за летучей завесой снега, и проклинал сирену, заглушавшую все остальные звуки. Мимо его домика с ревом и лязгом пронеслась пожарная машина, а в свете ее фар и в луче прожектора возникали силуэты бегущих людей, застегивающих на ходу пальто, и солдат с автоматами. Проехала еще одна машина, на крыше которой вращалась антенна радиолокатора. Затем огни удалились, сирена стихла – осталась лишь неразбериха звуков и скры-

тое за снегом движение в темноте. Через мгновение зажегся еще один сторожевой прожектор, затопив светом открытое пространство между жилыми домами и территорией, где находилось здание счетной машины; в этот свет быстро въехала еще одна машина. Это был открытый джип, и Флеминг отчетливо различил Кводринга, сидевшего рядом с водителем и что-то кричавшего в радиотелефон. К джипу бросилась какая-то фигура, и Флемингу показалось, что это Андре. Потом он узнал Джуди: ее темные волосы были растрепаны, пальто кое-как наброшено на плечи. Джип остановился, и Кводринг что-то коротко бросил ей, а затем джип снова рванул вперед, а Джуди побежала к дому Флеминга.

Она без стука ворвалась в комнату и несколько секунд обводила безумным взглядом все вокруг, пока не увидела его.

— Что случилось? — задыхаясь, выпалила она.

Флеминг не оборачиваясь сказал:

— Она сделала это, Андре. Это горят записи.

— Андре?! — Ничего не понимая, Джуди подошла к нему. —

Но она же умерла.

Времени для длинных объяснений не было, и Флеминг в двух словах рассказал ей, что произошло, пока она неподвижно стояла рядом, глядя в окно.

— Я думала, это ты, — сказала она, осознав лишь часть того, что он ей говорил. — Все равно, слава богу, что это не так.

— Что сказал Кводринг? — спросил он.

— Только чтобы я ждала его здесь.

— Он нашел ее?

— Не знаю. По-моему, он ничего не подозревает. Он отдавал патрулям приказы прочесать территорию, а если кто-нибудь окажет сопротивление — стрелять без предупреждения.

Крики и шум машин становились все более приглушенными. Если что-нибудь и происходило, то это было далеко от дома Флеминга. Столб дыма над зданием счетной машины разбухал, становился все толще, и в центре его пробился язык пламени, отчетливо видимый между белыми лучами прожекторов. Флеминг и Джуди молча смотрели и слушали, но вот из всей

этой сумятицы выделился резкий треск выстрелов. Флеминг весь напрягся.

— Значит, они ее нашли? — спросила Джуди.

Он не ответил. Теперь пространство перед домиком опустело. Его наискось прорезал луч прожектора, но сначала в этом луче не двигалось ничего, кроме снежных хлопьев. И вот на эту «ничейную землю» нерешительно вступила маленькая светлая фигурка, возникшая из тени между двумя строениями.

— Андре! — прошептала Джуди. Девушка бежала пошатываясь, словно сама не знала куда. Она попала в луч света, на мгновение замерла, ослепленная, затем повернула обратно. Прожектористы, по-видимому, не заметили ее, но где-то поблизости грохнул еще один выстрел и между зданиями просвистела пуля.

Пальцы Джуди впились в руку Флеминга. — Они ее убьют!

Флеминг оттолкнул ее и кинулся к дверям.

— Джон! Не выходи!

— Это я ее послал! — Флеминг схватил лежавший на тумбочке электрический фонарик и выбежал не оглянувшись. Джуди бросилась к двери, но Флеминг уже исчез в снежном мраке между домиками.

Он прятался за ними до тех пор, пока это было возможно, а затем метнулся через световой луч в простирающуюся за ним темноту. На этот раз прожектористы были на чеку. Белый луч кинулся вместе с ним и ослепительно вспыхнул на стене ближайшего здания, но это только помогло Флемингу. Он успел разглядеть, что девушка прижалась к стене недалеко от него. Снег затруднял движения, но Флеминг продолжал бежать, а оказавшись возле Андре, потащил ее за угол, в спасительную темноту.

Тяжело дыша, они прислонились друг к другу. Андре не узнавала его. Флеминг поддерживал ее одной рукой.

— Это я, — сказал он и, вспомнив о фляжке в кармане, вытащил ее и силой влил остатки виски ей в рот. Андре поперхнулась, судорожно проглотила виски, а затем с усилием выпрямилась и перестала опираться на Флеминга.

— Я сделала это, — сказала она, и, хотя было очень темно, Флеминг почувствовал, что она улыбается.

— Как ты оттуда выбралась?

— Через заднее окно.

— Тсс! — Он прижал палец к ее губам и притянул ее к себе. По открытому пространству, которое он только что пересек, мотался взад и вперед луч прожектора; внимательно всматриваясь в темноту, мимо них быстро прошел патруль, держа наготове автоматы. Флеминг стал думать, что делать дальше. Возвратиться назад в домик было невозможно, а попытка спрятаться еще где-нибудь на территории означала лишь, что патруль их может захватить врасплох и обстрелять, даже не сообразив, что, собственно, происходит. Попытка сдаться в темноте и суматохе этой ночи тоже могла кончиться для них смертью. Флеминг решил, что они могут спастись, только если сумеют спрятаться где-нибудь до рассвета, когда поиски станут менее истеричными и беспорядочными.

С того места, где они стояли, они могли бы достигнуть внешней ограды, не попав под лучи прожекторов, только по тропе над обрывом, которая вела к пристани. Воспоминание, очень давнее воспоминание, всплыло в памяти Флеминга, и все его мысли сразу сосредоточились на причале и лодке. Он крепко обнял Андре за талию, чтобы поддержать ее.

— Пошли, — сказал он и почти понес ее по заснеженным прогалинам между зданиями, прячась в их тени и сворачивая в сторону в поисках другого пути, едва впереди раздавались голоса. Казалось, их не могли не обнаружить в течение первых же нескольких минут, но снежная завеса скрывала их, снег заглушал шаги. Андре часто и неглубоко дышала, и было ясно, что ее сил хватит ненадолго. Тут Флеминг вспомнил, что, выйдя к береговому обрыву, они окажутся перед оградой, протянутой в море после смерти Бриджера, а у ближайших ворот, несомненно, стоят часовые. Их положениеказалось безнадежным, но какая-то смутная подсознательная мысль гнала Флеминга туда, и он упрямо брел вперед, почти ослепленный снегом, и волочил

повисшую на нем девушку. И тут он вспомнил, что именно искал.

Весь день у конца ограды над обрывом трудились рабочие, расчищая грунт для нового здания, и тут же стоял бульдозер, который они, окончив работу, оставили здесь. Возможно, мотор слишком остыл и не заведется, но, с другой стороны, ведь рассчитывал же водитель завести его утром. Стоило попробовать, если только они сумеют добраться до бульдозера.

Когда они достигли последнего здания, Флеминг тоже задыхался, а от темного пятна бульдозера их отделяло добрых пятьдесят ярдов открытого пространства. Они прислонились к стене, обращенной к морю, и Флеминг стал жадно, большими глотками вбирать в себя холодный воздух. У него жгло в груди. Он не пытался заговорить с Андре, да она, казалось, и не ждала этого. Либо она безоговорочно верила ему, либо была слишком измучена, чтобы думать, а может быть, и то и другое вместе. Между ними и проволокой проехал патрульный грузовик с прожектором на кабине – в кузове темнели смутные силуэты солдат, и снова все вокруг стало тихо и спокойно.

– Ну! – бросил он, указывая на бульдозер, и, подхватив Андре, побежал по покрытой снегом траве. Не пройдя и половины пути, она дважды споткнулась, а последние двадцать ярдов Флеминг нес ее на руках. К тому времени, когда они достигли бульдозера, его голова и грудь, казалось, разрывались; он поставил Андре на ноги, и она со стоном опустилась на землю.

Флеминг залез в кабину бульдозера и осмотрелся. По-видимому, их никто не заметил, и ему оставалось только надеяться, что если мотор и заведется, то его по ошибке примут за шум мотора какой-нибудь из машин охраны.

Мотор завелся с первого же оборота стартера, и через несколько секунд Флеминг оставил его тяжело урчать на холостом ходу, а сам слез, чтобы помочь девушке взобраться в машину. Сначала она не пошевелилась.

– Ну, давай, – задыхаясь, сказал он. – Скорее! Все идет хорошо!

Андре слабым голосом ответила:

— Оставьте меня. Не беспокойтесь обо мне.

Флеминг поднял ее на руки и, не совсем понимая, как ему это удалось, посадил на ящик рядом с сиденьем водителя.

— Ну, держись крепче, — сказал он и притянул ее к себе. К этому времени патрульный грузовик, наверное, уже заканчивал объезд и возвращался к ним. К этому времени Квординг, наверное, уже побывал в его домике и узнал от Джуди, что они с Андromедой прячутся где-то на территории городка. К этому времени помещение счетной машины, наверное, превратилось уже в мокрую, дымящуюся массу пепла и головешек и послание, пришедшее откуда-то из-за тысячи миллионов миллионов миль, и все, что из этого вышло, исчезло навсегда. И теперь оставалось только как-то спасти девушку, спрятаться и остаться в живых. Он выпрямился, нажал на сцепление и включил передачу.

Когда он отпустил сцепление, бульдозер рванулся вперед и мотор чуть было не заглох, но Флеминг резко прибавил газу и рывком развернул тяжелую машину к ограде. Через плечо он увидел приближающийся свет фар, но останавливаться было уже поздно. Он отжал акселератор до самого металлического пола и держал до тех пор, пока передняя кромка ножа не вгрызлась в проволоку. Проволочные звенья лопались, рвались, гусеницы подминали их — и вот бульдозер оказался внутри разрушенной ограды.

Флеминг выключил мотор и, сойдя на землю, стянул с ящика девушку. Тяжелая громада машины затыкала разрыв в ограде, словно пробка, а они с Андре стояли в снегу снаружи. Флеминг осторожно подвел ее к краю обрыва и, согнувшись вдвое, перебежал, чтобы укрыться за кустами, заслонявшими верхний конец тропинки, которая вела к причалу. Фары приближающегося грузовика становились все ярче, и из-за кустов было видно, как они осветили бульдозер. Флеминг был слишком ослеплен светом и снегом, чтобы разглядеть грузовик, — он боялся, что это патрульная машина, полная солдат. Затем фары повернули, снег на мгновение поредел, и Флеминг увидел фургон с радио-

локатором, который беспомощно полз вдоль ограды, а его антenna продолжала бесцельно вращаться.

Взяв Андре за локоть, Флеминг повел ее вниз с обрыва. За вторым поворотом он включил свой фонарик и замедлил шаги, чтобы Андре могла сама поспевать за ним. Она собрала последние силы и, крепко держась за его руку, не отставала. У нижнего конца тропинки не было охраны, а на причале стояла мертвая тишина; только волны негромко плескались о сваи.

Казалось, тысячи миль отделяли Андре и Флеминга от хаоса, царившего над их головами, и это создавало обманчивое ощущение безопасности.

На зиму все маленькие суда вытаскивали на берег и консервировали. На плаву оставалась лишь небольшая моторная шлюпка — сейчас она терлась и толкалась о край причала. Флемингу и раньше случалось пользоваться ею, когда летом хотелось побывать одному, и он испытывал к ней своеобразную смесь любви и ненависти, какую может питать жокей к норовистой и упрямой старой лошади. Он погрузил Андре в шлюпку, отвязал веревку и пошарил лучом фонарика в поисках заводной ручки. Завести этот мотор было не так легко, как бульдозер. Флеминг крутил ручку, пока по его лицу не побежал пот, смешиваясь со снегом; он уже потерял надежду на то, что мотор когда-нибудь оживет. Андре скрчилась у борта, а снег все падал на них, и таял, и смешивался с водой, плескавшейся у них под ногами. Она ни о чем не спрашивала, пока он, задыхаясь и бормоча проклятия, крутил ржавую рукоятку, и лишь время от времени негромко стонала. Флеминг тоже ничего не говорил и крутил, крутил — до тех пор, пока, чихнув несколько раз, мотор не завелся.

Флеминг дал ему немного поработать вхолостую; шлюпка выбрировала, а над самой водой раздавались негромкие хлопки глушителя; затем он включил сцепления, открыл дроссель. Причал сразу же исчез из виду, и они остались одни среди пустынной черноты водного пространства. Флемингу никогда не случалось выходить в море при снегопаде. Море было удивительно

спокойно. Вокруг них крутились, опускаясь, снежинки и таяли, едва коснувшись воды. Пока шлюпка шла в закрытой бухте, казалось, что на воде даже теплее, чем на суше.

Перед штурвалом, похожим на рулевое колесо допотопного автомобиля, был укреплен небольшой компас, и Флеминг управлял одной рукой, а другой освещал фонариком картушку. Ему не пришлось долго вспоминать хорошо известный пеленг островка; знал он и приблизительную поправку на снос течением. Спокойное море позволяло оценить скорость шлюпки, и, справляясь каждые несколько минут с часами, он мог приблизительно подсчитать расстояние. Он так часто плавал здесь прежде, что рассчитывал благополучно подойти к берегу вслепую. Флеминг надеялся, что сможет услышать плеск разбивающихся о скалы волн с достаточного расстояния.

Он окликнул Андре и попросил ее пройти на нос и смотреть вперед, но сначала она даже не ответила. Он же не решался ни на минуту оставить штурвал и компас.

— Если можешь, пройди вперед, — повторил Флеминг.

Он увидел, что Андре начала медленно пробираться к носу.

— Теперь уже недолго, — сказал он, чтобы ободрить ее, хотя сам не был в этом уверен.

Шлюпка равномерно продвигалась вперед уже десять, пятнадцать, тридцать минут. Отойдя подальше от берега, они попали в слабую зыбь, и шлюпка стала слегка зарываться носом и покачиваться. Но снег прекратился и ночь стала чуть менее темной. Флеминг думал о том, не попали ли они на экран какого-нибудь радиолокатора, и о том, что происходит за их спиной, в городке, и о том, что их ожидает в непроглядном мраке впереди. У него болели глаза, голова, спина — ныло все тело, и, чтобы совсем не расклейтись, он все время думал о том, как болят обожженные руки девушки.

Минут через сорок Андре окликнула его. Он сбросил газ и предоставил шлюпке скользить по инерции к чернеющему впереди во мраке острову. Затем повернул штурвал, и они пошли вдоль скалистого берега. Они шли очень медленно, почти ощупью и вслушивались, не раздастся ли впереди шум бурунов.

Так продолжалось до тех пор, пока минут через десять каменная стена постепенно не отодвинулась в сторону и не стали слышны мягкие всплески волн, шуршащих по песку.

Флеминг подвел шлюпку к берегу и побрел по ледяной воде, неся девушку на руках. Небо заметно посветлело, – возможно, всходила луна, – и он узнал эту укромную бухточку, на которую они с Джуди наткнулись в тот давний весенний день, когда отыскали бумаги Бриджера. Это было печальное, но в то же время сладкое воспоминание: почему-то Флемингу показалось, что здесь он сможет постоять за себя.

Он огляделся в поисках какого-нибудь пристанища. Было слишком холодно, чтобы пойти на риск и спать под открытым небом, даже если бы им удалось уснуть. Флеминг первым вошел в отверстие пещеры и двинулся по коридору, который когда-то исследовал вместе с Джуди. Теперь он не мог держать Андре за руку, но он продвигался вперед медленно и разговаривал с ней, обернувшись через плечо, чтобы ее подбодрить.

– Я чувствую себя Орфеем, – говорил он сам с собой. – Хотя, кажется, я что-то напутал в мифологии – вроде бы это был Персей.

От утомления у Флеминга кружилась голова, а мысли путались, и он дважды неверно выбирал дорогу в темных переходах. Он разыскивал высокий зал, где они тогда обнаружили озерцо, так как помнил, что пол там песчаный и на нем можно отдохнуть. Однако вскоре он сообразил, что пошел неправильно. Он обернулся, чтобы сказать об этом Андре, и осветил проход сзади, но ее там не было.

В панике он, спотыкаясь, побежал назад, выкриквая ее имя и лихорадочно шаря лучом фонарика по стенам туннеля. Его голос отдавался жутким эхом, и это был единственный звук в пещере, кроме стука его каблуков о камни. У выхода он остановился и снова повернул обратно. Он говорил себе, что его тревога нелепа, так как они прошли по коридору совсем немного. В первый раз он почувствовал злость на девушку, что было совсем уж нелогично, но ему было не до логики. Он пошел назад

по проходу и вдруг заметил больше ответвлений, чем ему запомнилось. Словно играя с ним в какую-то лукавую игру, черные проходы бесшумно множились в темноте. Флеминг сворачивал в них, но каждый раз они оказывались тупиками. И вдруг он увидел, что находится в том самом высоком зале, который не сумел найти в первый раз.

Флеминг остановился и снова позвал, медленно скользя лучом фонарика по сторонам. Он не сомневался, что Андре была тут. Ведь она совсем обессилела и не могла уйти в темноте далеко. Он осветил лучом фонарика песчаный пол и увидел ее следы. Они вели к озерцу посреди зала, и там Флеминг остановился как вкопанный, чувствуя, как по его телу пробежала дрожь ужаса. Последний след виднелся на скользкой поверхности камня у края озерца, а в воде плавала его автомобильная перчатка. И больше ничего.

Он так ничего и не нашел. Ее научили стольким вещам, подумал он мрачно, но не научили плавать. Его охватил приступ невыразимого горя и раскаяния, и еще целый час он упрямо и безнадежно обследовал пещеру, а затем уныло вернулся на берег. Там он забился в щель между двумя скалами и стал ждать рассвета. Уснуть он не боялся. Им владел другой бредовый страх: он ждал, что из пасти пещеры вот-вот возникнет нечто невообразимое, не поддающееся уничтожению, присланное оттуда, из-за тысячи миллионов миллионов миль, — нечто говорившее с ним впервые в такую же, как эта, темную ночь.

Однако ничего так и не появилось, а при мерно через час после рассвета из-за мыска вышел военный катер. Флеминг не пошевельнулся, даже когда катер подошел к берегу, и команда увидела, что он широко открытыми глазами смотрит на вечно меняющийся лик океана.

Литературно-художественное издание

Фред Хайл , Джон Эллиот

Андромеда

Заведующий редакцией А.А. Кирюшкин

Ведущий редактор А.Г. Белевцева

Редактор Е.Г. Ванслова

Художественный редактор Ю.Л. Максимов

Технический редактор И.И. Володина

ИБ № 8125

Подписано к печати 08.05.91. Формат 70 х 100 1/32. Фотооффсет. Бумага
этикеточная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.

Объем 5,25 бум. л. Усл. печ. л. 13,65 Усл. кр.-отт. 14,01. Уч. изд. л. 11,71.
Изд. №9/8944. Тираж 250 000 экз. Зак.525.

Отпускная цена издательства 10 руб.

Издательство "Мир"

В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по печати
129820, ГСП, Москва, 1-й Рижский пер., 2

Можайский полиграфкомбинат

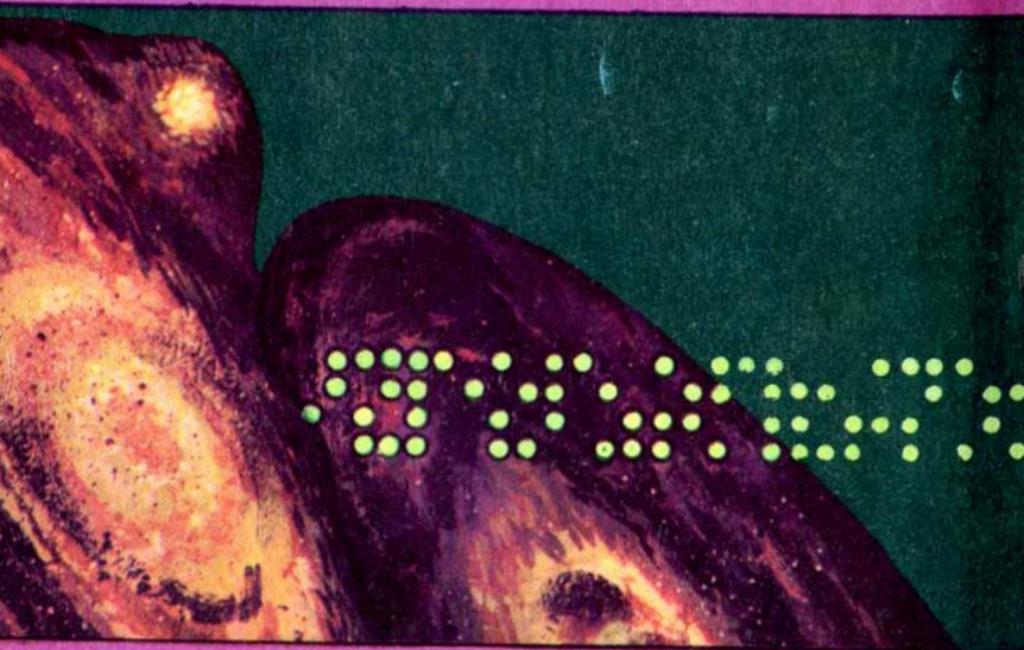
В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по печати
г. Можайск, ул. Мира, 93

10 руб.

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»